

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ

научный журнал

www.nbpublish.com

nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 03-12-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шульц Владимир Леопольдович, доктор философских наук

ISSN: 2454-0668

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 03-12-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Shul'ts Vladimir Leopol'dovich, doktor filosofskikh nauk

ISSN: 2454-0668

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Богоявленская Диана Борисовна — доктор психологических наук, профессор, почётный работник Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, зав. лабораторией Психологического института Российской академии образования. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 9, строение 4.

Деметрадзе Марине Резоевна - доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт культурологии министерства культуры, профессор, РГГУ РФ, 125993, ГСП-3, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6/

Сыченко Елена Вячеславовна – PhD (университет Катании, Италия), доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Толстолуцкий Владимир Юрьевич – доктор медицинских наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, юридический факультет, кафедра уголовного права и процесса, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, tolvlad@yandex.ru

Карелина Мария Юрьевна – доктор технических наук, доктор педагогических наук, профессор по кафедре «Теоретическая механика», МАДИ, проректор по учебной и методической работе, профессор по кафедре «Теоретическая механика» - МАДИ, 125319. Москва, Ленинградский пр., дом 64, оф. 250. sudorgin@madi.ru

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Краснянская Татьяна Максимовна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии, Московский гуманитарный университет 111395, г. Москва, ул. Юности, 5 ktm8@yandex.ru

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Чирун Сергей Николаевич – доктор политических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, институт истории и международных отношений, профессор, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Судоргин Олег Анатольевич – доктор политических наук, профессор, МАДИ, первый проректор, профессор по кафедре МАДИ «История и культурология», 125319. Москва, Ленинградский пр., дом 64, оф. 250. sudorgin@madi.ru

Ефименко Дмитрий Борисович – доктор технических наук, доцент кафедры транспортной телематики, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)», декан факультета логистики и общетранспортных проблем,

заведующий кафедрой «Правовое и таможенное регулирование на транспорте» MADI, 125319. Москва, Ленинградский пр., 64, оф. 207л. ed2002@mail.ru

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Мальцева Анна Васильевна – доктор социологических наук, член экспертно-консультационного совета ВЦИОМ, доцент Санкт-Петербургский государственный университет Кафедра: социального анализа и математических методов в социологии, 191124, Россия, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, 9-й подъезд, каб. 256.

Черкасов Валерий Николаевич – доктор экономических наук, кандидат технических наук, Первый заместитель главного редактора научно-практического журнала «Информационная безопасность регионов», Саратовский социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 410009, Россия, Саратовская область, г. Саратов, ул. Дачная, 30А, кв. 116.

Шульц Владимир Леопольдович – член-корреспондент Российской академии наук, заместитель президента Российской академии наук, доктор философских наук, директор Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук, Председатель редакционного совета, шеф-редактор научного журнала «Национальная безопасность/nota bene». 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 14

Махутов Николай Андреевич – член-корреспондент Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения энергетики, машиностроения, механики и процессов управления Российской академии наук. 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 14

Юсупов Рафаэль Мидхатович – член-корреспондент Российской академии наук, директор Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации Российской академии наук. 199178, Россия, г. Санкт-Петербург, 14 линия, дом 39

Боярски Марек – доктор права, профессор, ректор Вроцлавского университета (Польша, г. Вроцлав). University Of Wroclaw, Pl. Uniwersytecki, 1, 50-137. Wroclaw, Poland

Гропп Вальтер – доктор права, профессор, руководитель профессуры, Юстус Либих – Университет Гиссен, (Германия, г. Гиссен). Raum 219, 2. Etage, Licher Straße, 76. 35394, Giessen, Deutschland

Зибер Ульрих – доктор права, профессор, директор Института зарубежного и международного уголовного права. Макса Планка, (Германия, г. Фрайбург). Gunterstal str., 73, 79100 Freiburg i. Breisgau, Deutschland

Зинн Арндт – доктор права, профессор, руководитель Института экономического уголовного права Университета Оsnабрюк, руководитель кафедры немецкого и европейского уголовного права и уголовного процесса, международного уголовного права и сравнительного правоведения (Германия, г. Оsnабрюк). Universitat Osnabruck, Postfach 44 69, 49069 Osnabruck, Deutschland

Никитенко Евгений Георгиевич – кандидат исторических наук, начальник Департамента Совета Безопасности Российской Федерации. 103132, Россия, г. Москва, Ипатьевский переулок, д.4-10

Хинрих Юлиус — доктор права, профессор юридического факультета Гамбургского университета, Центр „Юридический диалог с развивающимися странами“ по исследованиям гражданского права и хозяйственного права, координатор проекта ЕС "China-EU School of Law". Universitat Hamburg, Mittelweg. 177. 20148, Hamburg, Deutschland

Хэ Бинсун — доктор права, профессор, начальник Центра по изучению терроризма и организованной преступности, заместитель Начальника Центра по изучению уголовных законов, специальный консультант докторантов Политико-юридического университета Китая. 100088, КНР, г. Пекин, район Хайдянь, Ул. Ситучэнлу д.25.

Кормишкина Людмила Александровна - доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой кафедра теоретической экономики и экономической безопасности, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

Батурин Юрий Михайлович - доктор юридических наук, профессор МГУ им. М.И. Ломоносова, чл.-корр. РАН, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН), 109012, РФ, Москва, Старопанский переулок, д. 1/5, ИИЕТ РАН

Желински Мартин - доктор права, профессор, Конституционный трибунал Республики Польша (Constitutional Tribunal (Poland))Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a.

Боташева Асият Казиевна - доктор политических наук, профессор кафедры журналистики, медиакоммуникаций и связей с общественностью Института международных отношений ФГБОУ ВО "Пятигорский государственный университет".357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9. E-mail: ab-ww@mail.ru

Чернядьева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия. chernyadnatalya@yandex.ru

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Беляева Галина Серафимовна - доктор юридических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, заведующий кафедрой административного права и процесса, 308503, Россия, Белгородская область, пос. Майский, ул. Агрономическая, 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Бидова Бэла Бертовна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», зав.кафедрой уголовного права, криминологии и национальной безопасности, 364060, Россия, Чеченская республика область, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 7, кв. 63, bela_007@bk.ru

Бурда Алексей Григорьевич - доктор экономических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина», Заведующий кафедрой экономической кибернетики, 350044, Россия, Краснодарский край край, г. Краснодар, ул. им. Калинина, 13, корпус 44, кв. 9, agburda@mail.ru

Галышина Елена Игоревна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Московский

государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, каб. 721, eigaljashina@msal.ru

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Землин Александр Игоревич - доктор юридических наук, Российский университет транспорта (МИИТ), Заведующий кафедрой, 127204, Россия, г. Москва, ул. 9-я Северная линия, 1, кв. 29, kafedratp@mail.ru

Калужина Марина Анатольевна - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры криминалистики и правовой информатики, Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России), ведущий научный сотрудник, 350047, Россия, г. г. Краснодар, ул. 1 Линия, 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Кудратов Некруз Абдунабииевич - доктор юридических наук, Таджикский государственный университет коммерции, Декан факультета, 734061, Таджикистан, г. Душанбе, ул. Дехоти, 1/2, каб. 309, nek-kudratov@mail.ru

Кузнецов Николай Владимирович - доктор экономических наук, ФГБОУ ВО "Государственный университет управления", Заведующий кафедрой "Статистика", ФГБОУ ВО "Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации", Директор Центра стратегического прогнозирования и планирования, 107014, Россия, г. Москва, ул. 4-я Сокольническая, 3, кв. 82, nkuznetsov@outlook.com

Леденёва Марина Викторовна - доктор экономических наук, Волгоградский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова, Профессор кафедры менеджмента и маркетинга, АНО ВО "Волгоградский институт бизнеса", Профессор кафедры экономики и управления, 404127, Россия, Волгоградская область, г. Волжский, ул. Дружбы, 45, кв. 121, mledenjova@yandex.ru

Луговской Александр Михайлович - доктор географических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии» (МИИГАиК), профессор кафедры географии факультета картографии и геоинформатики, 1090548, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Шоссейная, 13, оф. 49, alug1961@yandex.ru

Мальцева Анна Васильевна - доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, доцент, ФГБНУ НИИ "Реестр экспертов научно-технической сферы при Министерстве образования и науки РФ", член реестра экспертов, ВЦИОМ, член Экспертно-консультативного совета, 194354, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Есенина, 12 к1, кв. 413, annamaltseva@rambler.ru

Мурzin Антон Дмитриевич - доктор технических наук, Южный федеральный университет, доцент, зам. декана факультета управления, Донской государственный технический университет, доцент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Профессор, 344012, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, каб. 216, admurzin@yandex.ru

Овчаров Антон Олегович - доктор экономических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», профессор кафедры бухгалтерского учета, главный научный сотрудник Центра макро и микроэкономики, 603135, Россия, г. Нижний Новгород, проспект Ленина, 45 корпус 3, кв. 47, anton19742006@yandex.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские садки, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Сайфутдинов Тахир Исмаилджанович - доктор юридических наук, Кыргызско-Казахский университет, проректор по научной работе, Ошский государственный юридический институт, профессор кафедры уголовного права и процесса, 720072, Киргизия, г. Бишкек, ул. Тулебердиева, 80, safutdinovt@bk.ru

Богоявленская Диана Борисовна — доктор психологических наук, профессор, почётный работник Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, зав. лабораторией Психологического института Российской академии образования. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 9, строение 4.

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — доктор психологических наук, профессор, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Розенова Марина Ивановна — доктор психологических наук, доцент, профессор Московского государственного областного университета. 105005, Россия, Москва, ул. Радио, д. 10.

Краснянская Татьяна Максимовна — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии, Московский гуманитарный университет 111395, г. Москва, ул. Юности, 5 ktm8@yandex.ru

Россохин Андрей Владимирович — доктор психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Белинская Елена Павловна - доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова .

Пазухина Светлана Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Тульский

государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого", 300026, г. Тула,
проспект Ленина, 125pazuhina@mail.ru

Борзова Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное
государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального
образования «Тихоокеанский государственный университет», профессор кафедры
психологии. 680000, Россия, Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68, borzova_tatiana@mail.ru

Council of Editors

Bogoyavlenskaya Diana Borisovna - Doctor of Psychology, Professor, Honorary Worker of the Russian Academy of Education, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head. laboratory of the Psychological Institute of the Russian Academy of Education. 125009, Russia, Moscow, st. Mokhovaya, 9, building 4.

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Cultural Studies of the Ministry of Cultures, Professor, Russian State University of the Russian Federation, 125993, GSP-3, Russia, Moscow, Miusskaya Square, 6/

Sychenko Elena Vyacheslavovna – PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Tolstolutsky Vladimir Yuryevich – Doctor of Medical Sciences, Professor, N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Faculty of Law, Department of Criminal Law and Procedure, 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, tolvlad@yandex.ru

Karelina Maria Yurievna – Doctor of Technical Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor at the Department of "Theoretical Mechanics", MADI, Vice-Rector for Academic and Methodological Work, Professor at the Department of "Theoretical Mechanics" - MADI, 125319. 64 Leningradsky Ave., office 250, Moscow. sudorgin@madi.ru

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Krasnianskaya Tatiana Maksimovna – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Department of General, Social Psychology and History of Psychology, Moscow Humanitarian University 111395, Moscow, Yunost str., 5 ktm8@yandex.ru

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Chirun Sergey Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University, Institute of History and International Relations, Professor, 650000, Kemerovo, Krasnaya str., 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Oleg A. Sudorgin – Doctor of Political Sciences, Professor, MADI, First Vice-rector, Professor at the Department of MADI "History and Cultural Studies", 125319. 64 Leningradsky Ave., office 250, Moscow. sudorgin@madi.ru

Efimenko Dmitry Borisovich – Doctor of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Transport Telematics, Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI), Dean of the Faculty of Logistics and General Transport Problems, Head of the Department "Legal and Customs Regulation in Transport" MADI, 125319. Moscow, Leningradsky ave., 64, office 207l. ed2002@mail.ru

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department

of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Maltseva Anna Vasiliyevna – Doctor of Sociology, member of the Expert Advisory Council of VTSIOM, Associate Professor St. Petersburg State University Department of Social Analysis and Mathematical Methods in Sociology, 191124, Russia, Leningrad region, St. Petersburg, Smolny str., 1/3, 9th entrance, office 256.

Cherkasov Valery Nikolaevich – Doctor of Economics, Candidate of Technical Sciences, First Deputy Editor-in-Chief of the scientific and practical journal "Information Security of Regions", Saratov Socio-Economic Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics, 410009, Saratov region, Saratov, Dachnaya str., 30A, sq. 116.

Vladimir Leopoldovich Shultz – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy President of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Director of the Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Editorial Board, Chief editor of the scientific journal "National Security/nota bene". 14 Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia

Makhutov Nikolay Andreevich – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Energy, Mechanical Engineering, Mechanics and Management Processes of the Russian Academy of Sciences. 14 Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia

Yusupov Rafael Midhatovich – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the St. Petersburg Institute of Informatics and Automation of the Russian Academy of Sciences. 199178, Russia, St. Petersburg, line 14, house 39

Boyarski Marek – Doctor of Law, Professor, Rector of the University of Wroclaw (Poland, Wroclaw). University Of Wroclaw, Pl. Uniwersytecki, 1, 50-137. Wroclaw, Poland

Gropp Walter – Doctor of Law, Professor, Head of the Professorship, Justus Liebig – University of Giessen, (Germany, Giessen). Raum 219, 2. Etage, Licher Straße, 76. 35394, Giessen, Deutschland

Sieber Ulrich – Doctor of Law, Professor, Director of the Institute of Foreign and International Criminal Law. Max Planck, (Germany, Freiburg). Gunterstal str., 73, 79100 Freiburg i. Breisgau, Deutschland

Zinn Arndt – Doctor of Law, Professor, Head of the Institute of Economic Criminal Law at Osnabrück University, Head of the Department of German and European Criminal Law and Criminal Procedure, International Criminal Law and Comparative Law (Germany, Osnabrück). Universitat Osnabrück, Postfach 44 69, 49069 Osnabrück, Deutschland

Nikitenko Evgeny Georgievich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of the Security Council of the Russian Federation. 103132, Russia, Moscow, Ipatievsky lane, 4-10

Hinrich Julius – Doctor of Law, Professor at the Faculty of Law of Hamburg University, Center for "Legal Dialogue with Developing Countries" on Civil Law and Business Law Studies, coordinator of the EU project "China-EU School of Law". Universitat Hamburg, Mittelweg. 177. 20148, Hamburg, Deutschland

He Bingsun is a Doctor of Law, Professor, Head of the Center for the Study of Terrorism and Organized Crime, Deputy Head of the Center for the Study of Criminal Laws, special consultant to doctoral students of the Political Law University of China. 100088, China, Beijing, Haidian

district, Situchenglu str., 25.

Lyudmila Kormishkina - Doctor of Economics, Professor, Head of the Department, Department of Theoretical Economics and Economic Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education N. P. Ogarev Mordovian State University

Baturin Yuri Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov of the Russian Academy of Sciences (IIET RAS), 109012, RF, Moscow, Staropansky Lane, 1/5, IIET RAS

Martin Zelinsky - Doctor of Law, Professor, Constitutional Tribunal of the Republic of Poland (Constitutional Tribunal (Poland))Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a.

Asiyat Kazievna Botasheva - Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Journalism, Media Communications and Public Relations of the Institute of International Relations of the Pyatigorsk State University.357532, Stavropol Territory, Pyatigorsk, Kalinin Ave., 9. E-mail: ab-ww@mail.ru

Natalia A. Chernyadyeva - Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Crimean Branch of the Russian State University of Justice.
chernyadnatalya@yandex.ru

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Belyaeva Galina Serafimovna - Doctor of Law, Belgorod State National Research University, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, 308503, Russia, Belgorod region, village Maysky, Agronomic str., 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Bidova Bela Bertovna - Doctor of Law, Kadyrov Chechen State University, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and National Security, 364060, Russia, Chechen Republic region, Grozny, ul. Subry Kishieva, 7, sq. 63, bela_007@bk.ru

Burda Alexey Grigorievich - Doctor of Economics, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin", Head of the Department of Economic Cybernetics, 350044, Russia, Krasnodar Krai, Krasnodar, Kalinin str., 13, building 44, sq. 9, agburda@mail.ru

Elena Igorevna Galyashina - Doctor of Law, Kutafin Moscow State University of Law (MSLA), Director of the Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, 9 Sadovaya-Kudriskaya Str., Moscow, 123995, Russia, office 721, eigaljashina@msal.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Murmansk Arctic State University", Professor of the Department of Jurisprudence, 7 Khalturina str., office 10, Murmansk, Murmansk Region, 183010, Russia, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Zemlin Alexander Igorevich - Doctor of Law, Russian University of Transport (MIIT), Head of the Department, 127204, Russia, Moscow, ul. 9-ya Severnaya liniya, 1, sq. 29, kafedratp@mail.ru

Kaluzhina Marina Anatolyevna - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics, Federal state Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service" (FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia), leading researcher, 350047, Russia, Krasnodar, 1 Liniya str., 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Kudratov Nekruz Abdunabievich - Doctor of Law, Tajik State University of Commerce, Dean of the Faculty, 734061, Tajikistan, Dushanbe, 1/2 Dekhoti str., room 309, nek-kudratov@mail.ru

Kuznetsov Nikolay Vladimirovich - Doctor of Economics, State University of Management, Head of the Department of Statistics, Financial University under the Government of the Russian Federation, Director of the Center for Strategic Forecasting and Planning, 107014, Russia, Moscow, 4th Sokolnicheskaya str., 3, sq. 82, nkuznetsov@outlook.com

Ledeneva Marina Viktorovna - Doctor of Economics, Volgograd Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Professor of the Department of Management and Marketing, ANO VO "Volgograd Institute of Business", Professor of the Department of Economics and Management, 404127, Russia, Volgograd region, Volzhsky, Druzhby str., 45, sq. 121, mledenjova@yandex.ru

Lugovskoy Alexander Mikhailovich - Doctor of Geographical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State University of Geodesy and Cartography" (MIIGAiK), Professor of the Department of Geography, Faculty of Cartography and Geoinformatics, 1090548, Russia, Moscow region, Moscow, Shosseynaya str., 13, office 49, alug1961@yandex.ru

Maltseva Anna Vasilyevna - Doctor of Sociology, St. Petersburg State University, Associate Professor, Research Institute "Register of Experts in the Scientific and Technical field under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation", member of the Register of Experts, VTSIOM, member of the Expert Advisory Council, 194354, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Yesenina St., 12 k1, sq. 413, annamaltseva@rambler.ru

Anton Dmitrievich Murzin - Doctor of Technical Sciences, Southern Federal University, Associate Professor, Deputy Dean of the Faculty of Management, Don State Technical University, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Professor, 344012, Russia, Rostov Region, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya str., 105/42, office 216, admurzin@yandex.ru

Ovcharov Anton Olegovich - Doctor of Economics, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Professor of Accounting Department, Chief Researcher of the Center for Macro and Microeconomics, 603135, Russia, Nizhny Novgorod, Lenin Avenue, 45 building 3, sq. 47, anton19742006@yandex.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational

Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Control staff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmmos@rambler.ru

Sayfutdinov Tahir Ismaildzhanovich - Doctor of Law, Kyrgyz-Kazakh University, Vice-Rector for Research, Osh State Law Institute, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, 80 Tuleberdieva Str., Bishkek, 720072, Kyrgyzstan, saifutdinovt@bk.ru

Bogoyavlenskaya Diana Borisovna — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honorary Worker of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Head. laboratory of the Psychological Institute of the Russian Academy of Education. 125009, Russia, Moscow, Mokhovaya str., 9, building 4.

Leontiev Dmitry Alekseevich — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Rozenova Marina Ivanovna — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of Moscow State Regional University. 10, Radio str., Moscow, 105005, Russia.

Krasnianskaya Tatiana Maksimovna — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Department of General, Social Psychology and History of Psychology, Moscow Humanitarian University 111395, Moscow, Yunosti str., 5 ktm8@yandex.ru

Rossokhin Andrey Vladimirovich — Doctor of Psychological Sciences, Senior Researcher at the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Belinskaya Elena Pavlovna - Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of Social Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Svetlana V. Pazukhina – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tolstoy Tula State Pedagogical University", 300026, Tula, Lenin Avenue, 125pazuhina@mail.ru

Borzova Tatiana Vladimirovna – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Pacific State University", Professor of the Department of Psychology. 680000, Russia, Khabarovsk, Karl Marx str., 68, borzova_tatiana@mail.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

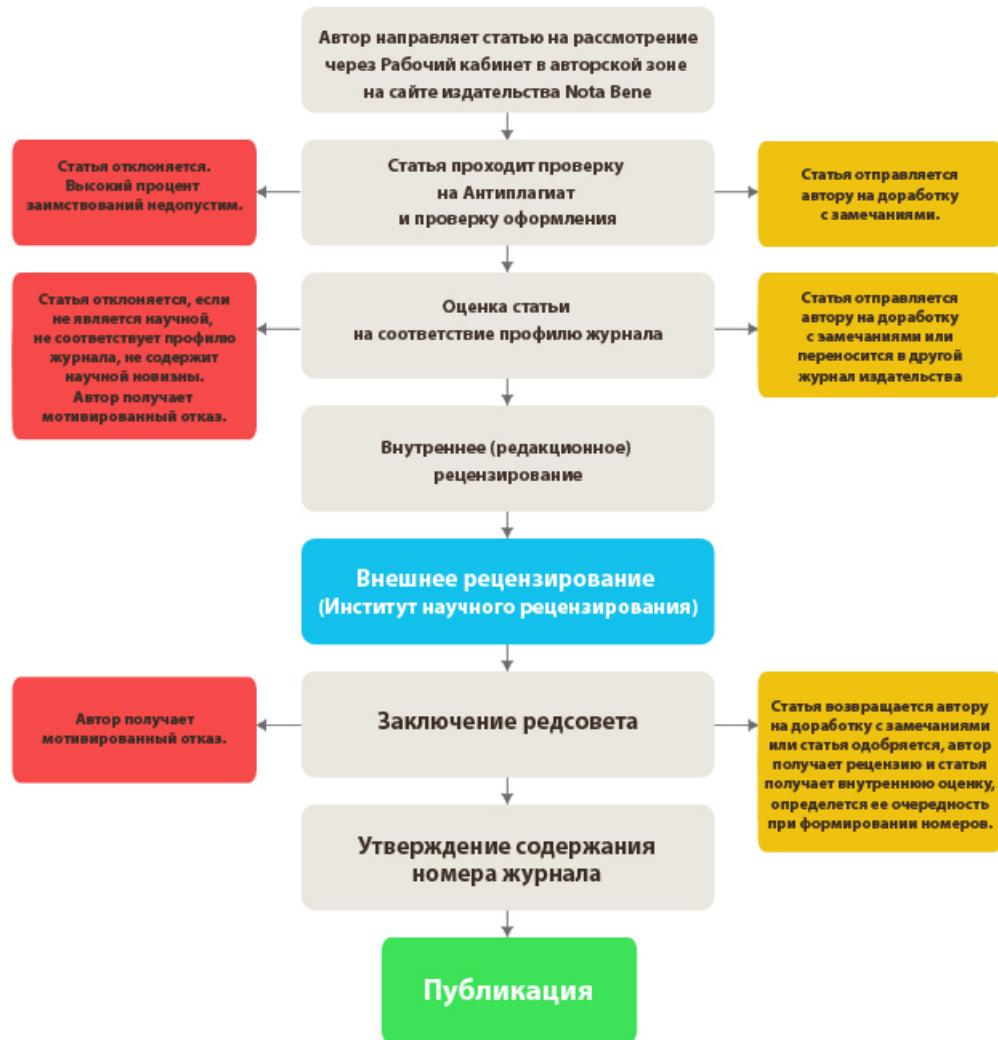
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Кошкин А.В., Пенькова И.В. Эволюция концепции коммуникации центральных банков как инструмента: от угрозы финансовой стабильности до элемента системы экономической безопасности	1
Маслов М.Д. Миротворчество ООН и Африканского союза в Африке южнее Сахары: опыт ДР Конго и региональные кейсы	16
Ротко А.Г. Пределы легитимности: личная свобода и государственная безопасность в политико-правовом сравнении	31
Асадов Р.Б. Язык права как ресурс национальной безопасности России: концепция юрислингвистической конвергенции	43
Ельшин Л.А., Абдрахманова Д.Р., Динмухаметова А.А., Гатин А.Д. Прогнозирование перспектив промышленного развития регионов в условиях санкционного ограничения поставок импорта	60
Англоязычные метаданные	82

Contents

Koshkin A.V., Pen'kova I.V. The evolution of the concept of central bank communication as a tool: from a threat to financial stability to an element of the economic security system	1
Maslov M.D. UN and African Union Peacekeeping in Sub-Saharan Africa: Lessons from the DR Congo and Other Regional Cases	16
Rotko A.G. Limits of Legitimacy: Personal Freedom and State Security in Political and Legal Comparison	31
Asadov R.B. The language of law as a resource for Russia's national security: the concept of legal linguistic convergence.	43
Elshin L.A., Abdrahanova D.R., Dinmuhametova A.A., Gatin A.D. Forecasting the prospects of industrial development in regions under the conditions of sanctions limiting imports	60
Metadata in english	82

Национальная безопасность / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Кошkin А.В., Пенькова И.В. Эволюция концепции коммуникации центральных банков как инструмента: от угрозы финансовой стабильности до элемента системы экономической безопасности // Национальная безопасность / nota bene. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.5.76466 EDN: FCQQMK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76466

Эволюция концепции коммуникации центральных банков как инструмента: от угрозы финансовой стабильности до элемента системы экономической безопасности

Кошkin Андрей Вячеславович

ORCID: 0000-0001-9942-7722

ассистент; институт промышленного менеджмента, экономики и торговли; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

195251, Россия, г. Санкт-Петербург, Калининский р-н, ул. Политехническая, д. 29

✉ koshkin_9300@mail.ru

Пенькова Инесса Вячеславовна

доктор экономических наук

доцент; кафедра Экономической теории; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

195251, Россия, г. Санкт-Петербург, Калининский р-н, ул. Политехническая, д. 29 литер Б

✉ penkova_iv@spbstu.ru

[Статья из рубрики "Экономическое обеспечение национальной безопасности"](#)

DOI:

10.7256/2454-0668.2025.5.76466

EDN:

FCQQMK

Дата направления статьи в редакцию:

27-10-2025

Дата публикации:

04-11-2025

Аннотация: Предметом данного исследования является эволюция коммуникационной

политики центральных банков как ключевого инструмента денежно-кредитного регулирования. Работа прослеживает фундаментальную трансформацию роли коммуникации: от исторической доктрины секретности, где она рассматривалась как потенциальная угроза финансовой стабильности, через ее признание в качестве рутинного механизма управления инфляционными ожиданиями, и до ее современного утверждения в качестве стратегического элемента системы экономической безопасности государства. Анализируется смена теоретических парадигм, обусловленная развитием экономической мысли (от теории временной несогласованности к теории инфляционного таргетирования), а также конкретные дискурсивные практики и вербальные интервенции центральных банков (на примерах ФРС США, ЕЦБ и Банка России) в периоды финансовой стабильности и системных кризисов. Исследование показывает, как коммуникация превратилась из факультативного дополнения в самостоятельный канал трансмиссионного механизма, непосредственно влияющий на финансовый суверенитет. В исследовании применен комплекс качественных методов: историко-генетический анализ для реконструкции эволюции парадигмы, дискурс-анализ ключевых вербальных интервенций, сравнительный анализ практик разных юрисдикций и институциональный подход для интерпретации результатов. Научная новизна работы заключается в системном обосновании перехода коммуникации центральных банков в разряд элементов национальной экономической безопасности. Ключевым выводом является положение о перформативной природе современной монетарной коммуникации: в условиях кризиса вербальная интервенция не просто описывает реальность, а активно конструирует ее, выступая самостоятельным инструментом стабилизации и предотвращая коллапс доверия. Исследование выявляет и анализирует «парадокс прозрачности», при котором стремление к максимальной ясности порождает риски избыточной зависимости рынков от коммуникационных сигналов. На примере Банка России в 2022 году детально показано, как целенаправленное конструирование нарративов (временности шока, достаточности ресурсов, гарантий поддержки) выполняет функцию превентивного подавления паники, напрямую соотносясь с задачами обеспечения финансового суверенитета и устойчивости.

Ключевые слова:

Коммуникация центральных банков, экономическая безопасность, управление ожиданиями, перформативный дискурс, финансовая стабильность, инфляционное таргетирование, форвард гайданс, вербальные интервенции, парадокс прозрачности, Банк России

ВВЕДЕНИЕ

Эволюция коммуникационной политики центральных банков представляет собой один из наиболее значимых парадигмальных сдвигов в практике денежно-кредитного регулирования за последние полвека. Если в конце XX века доминировала доктрина, в рамках которой скромная и намеренно неопределенная риторика монетарных властей рассматривалась как краеугольный камень финансовой стабильности, то в современную эпоху коммуникация трансформировалась в ключевой инструмент управления ожиданиями экономических агентов, активный механизм антикризисного реагирования и, в конечном счете, неотъемлемый элемент системы экономической безопасности государства. Осмысление этой трансформации выходит за рамки чисто технических аспектов денежно-кредитной политики (ДКП), затрагивая фундаментальные вопросы

доверия к институтам власти, природы формирования финансовых рынков и уязвимости глобальной финансовой системы в условиях нестабильности.

Исторически сложившаяся культура секретности центральных банков была во многом следствием классического представления о том, что избыток информации способен дестабилизировать хрупкое равновесие финансовых рынков. Каноническим выражением этой философии служит знаменитый афоризм управляющего Банка Англии Монтиги Нормана: «Никогда не объясняй, никогда не извиняйся» [\[1, р. 156\]](#), который предписывал держать прессу и общественность на почтительной дистанции от тонких механизмов денежной системы. Эта традиция находила теоретическое обоснование в работах представителей монетаризма, подчеркивавших приоритет контроля над денежной массой перед любыми формами публичных дискуссий. Даже в конце 1980-х годов председатель Федеральной резервной системы (ФРС) Алан Гринспен намеренно культивировал стиль «конструктивной двусмысленности», полагая, что прозрачность способна связать руки центральному банку в его реакциях на непредсказуемые шоки [\[2\]](#). Подобный подход был глубоко укоренен в убеждении, что финансовые рынки, будучи подвержены иррациональным настроениям, не способны адекватно интерпретировать сложные сигналы монетарных властей, а потому минимализм в коммуникации является наименьшим из зол.

Переломный момент в этой доктрине наступил с осознанием роли ожиданий как важного элемента трансмиссионного механизма ДКП. Работы таких экономистов, как М. Вудфорд, обосновали, что будущая траектория процентной ставки оказывает на экономику не менее сильное воздействие, чем ее текущее значение [\[3\]](#). В этой новой парадигме способность центрального банка направленно формировать и закреплять долгосрочные инфляционные ожидания стала критически важной. Как метко охарактеризовал этот переход Бен Бернанке, сменивший Гринспена на посту главы ФРС, современная ДКП «на 98% состоит из слов и на 2% из действий» [\[4\]](#). Коммуникация превратилась из потенциального источника нестабильности в основной инструмент декларации намерений (forward guidance), позволяющий тонко настраивать поведение рынков без немедленного изменения ключевых ставок.

Однако наиболее радикальное переосмысление роли коммуникации произошло в контексте системных финансовых кризисов, когда на карту была поставлена не только ценовая стабильность, но и устойчивость всей банковской системы. В этих условиях традиционные инструменты оказались недостаточными, и на первый план вышла способность центрального банка выступать в роли убедительного и надежного коммуникатора, способного успокоить панику и предотвратить банковскую панику. Яркой иллюстрацией этого тезиса служит выступление председателя ЕЦБ Марио Драги в разгар долгового кризиса в зоне евро, когда его лаконичное, но мощное обязательство сделать «все необходимое для сохранения евро» (whatever it takes) оказалось мгновенный стабилизирующий эффект на рынки суверенных облигаций, по сути, заменив собой масштабные интервенции [\[5\]](#). Этот эпизод демонстрирует, как вербальная интервенция, подкрепленная репутацией института и готовностью к действиям, сама по себе становится мощным инструментом антикризисного управления.

В российском контексте данная эволюция проявилась со всей очевидностью в условиях кризиса ликвидности февраля-марта 2022 года. Столкнувшись с беспрецедентным оттоком средств населения из банковской системы, Банк России сделал стратегическую ставку не только на применение стандартных инструментов рефинансирования, но и на интенсивную, детализированную коммуникацию, направленную на разъяснение причин и

временного характера происходящих процессов, а также на демонстрацию готовности поддержать финансовую систему [6]. Подобные меры, как отмечают отечественные исследователи, были нацелены не только на немедленное изменение параметров ликвидности, сколько на купирование панических настроений и предотвращение самоисполняющегося пророчества о коллапсе банковского сектора, что напрямую соотносится с задачами обеспечения экономической безопасности страны [7].

Таким образом, прослеживается четкая историческая траектория: от концепции коммуникации как угрозы, которую следует минимизировать, через ее признание в качестве рутинного инструмента управления ожиданиями, и далее – до ее утверждения в качестве одного из ключевых элементов антикризисного арсенала, непосредственно влияющего на экономическую безопасность. Целью настоящего исследования является системный анализ данной трансформации, выявление ее теоретических предпосылок, ключевых этапов и конкретных проявлений в практике ведущих центральных банков, включая Банк России. В работе будет доказано, что современная коммуникация перестала быть факультативным дополнением к ДКП, эволюционировав в самостоятельный, высокоэффективный и стратегически значимый инструмент защиты финансового суверенитета и стабильности.

МЕТОДЫ

Для решения поставленной в статье исследовательской задачи – проследить трансформацию восприятия коммуникации центральных банков от угрозы финансовой стабильности до элемента системы экономической безопасности – был применен комплекс общенаучных и специальных методов, ориентированный на качественный анализ и позволяющий выявить причинно-следственные связи, концептуальные сдвиги и институциональные закономерности данного процесса. В основе методологического подхода лежит принцип историко-генетического анализа, дополненный инструментарием сравнительного анализа, дискурс-анализа и институционального подхода.

Исходным методом исследования выступил **историко-генетический анализ**, позволивший реконструировать поэтапную эволюцию философии и практики коммуникации центральных банков в ее диалектическом развитии. Данный метод применялся для выявления ключевых вех и поворотных точек в изменении парадигмы. Анализ начался с реконструкции исходного состояния, характеризуемого доктриной секретности, теоретически обоснованной в работах, посвященных проблеме временной несогласованности оптимальной денежно-кредитной политики (time inconsistency) [10–12]. Изучение трудов Р. Барро, Д. Гордона, Ф. Кидланда и Э. Прескотта [10, 11] позволило установить первоначальные теоретические предпосылки, делавшие сокрытие информации рациональной стратегией для центрального банка. Далее прослеживалась смена данной парадигмы, вызванная становлением теории инфляционного таргетирования и осознанием ключевой роли управления ожиданиями, что нашло отражение в фундаментальных работах М. Вудфорда [3] и Л. Свенссона [13]. Историко-генетический метод позволил не просто перечислить эти этапы, но и выявить логику перехода от одной модели к другой, показав, как накопление эмпирического опыта и развитие экономической теории постепенно демонтировали постулаты эпохи Монтегю Нормана и Алана Гринспена.

Для работы с конкретными нарративами и текстовыми практиками центральных банков был использован **дискурс-анализ**. Этот метод был применен к ключевым публичным высказываниям, заявлениям, протоколам заседаний и официальным пресс-релизам

монетарных властей. Целью являлось не просто цитирование, а выявление скрытых смыслов, риторических стратегий и эволюции языка. Например, афоризм Алана Гринспена «Если вы меня поняли – то вы меня не поняли» [2] анализировался не как курьез, а как системный элемент коммуникативной стратегии, направленной на сохранение максимальной степени свободы. Напротив, речь Марио Драги «whatever it takes» [5] изучалась как перформативное высказывание, сила которого заключалась в его способности мгновенно изменить рыночный дискурс с пессимистического на стабильный. В российском контексте методом дискурс-анализа были исследованы коммуникационные материалы Банка России в период кризиса 2022 года [6], что позволило идентифицировать конкретные лексические конструкции и нарративы, направленные на копирование паники (акцент на «временный характер», «достаточность принимаемых мер», «полную поддержку регулятора»). Этот метод позволил перевести анализ с макроуровня исторических тенденций на микроуровень конкретных речевых актов, обладающих реальной экономической силой.

Центральным методом для проведения сравнительной оценки и выявления общих тенденций и национальных особенностей выступил **сравнительный анализ**. В рамках данного метода были сопоставлены коммуникационные стратегии и их эволюция в нескольких юрисдикциях: Федеральная резервная система США (как пример длительной эволюции от секретности к прозрачности), Европейский центральный банк (как пример коммуникации в условиях сложного наднационального мандата) и Банк России (как пример ускоренной трансформации в условиях формирующегося рынка и кризисных вызовов). Сравнение проводилось по следующим критериям: степень прозрачности (анализировалась через публикацию прогнозов, протоколов, видеотрансляций), частота и каналы коммуникации, а также реактивность коммуникации в кризисные периоды. Это позволило избежать однобокости выводов и доказать, что выявленная траектория эволюции носит не случайный, а системный характер, хотя и имеет национальную специфику. Теоретической основой для выработки критериев сравнения послужила разработанная А. Блиндером и его соавторами теория прозрачности центральных банков [2], а также ее операционализация в работах С. Гераатс и С. Эйффингера [14], что позволило систематизировать качественные наблюдения.

Для интерпретации выявленных изменений в контексте их институциональной укорененности и влияния на устойчивость финансовой системы был задействован **институциональный подход**. В его рамках коммуникация центрального банка рассматривалась не как технический инструмент, а как важнейший институт, снижающий транзакционные издержки взаимодействия между властью и экономическими агентами и формирующий нормы поведения на финансовых рынках. Этот подход позволил обосновать заключительный тезис статьи о трансформации коммуникации в элемент системы экономической безопасности. Анализ показал, что, эволюционируя, коммуникация стала выполнять функцию защиты против системных рисков, то есть функцию, непосредственно связанную с безопасностью. В этом ключе изучались работы отечественных авторов [7], которые напрямую увязывают деятельность центрального банка с обеспечением экономической безопасности, а также труды В.М. Полтеровича [15], посвященные институциональным ловушкам, которые преодолеваются, в том числе, и за счет повышения прозрачности и предсказуемости политики институтов развития, к которым правомерно отнести и центральный банк.

Логика исследования была выстроена следующим образом. На первом этапе, с помощью историко-генетического анализа, была построена общая картина эволюции парадигмы.

На втором этапе, посредством дискурс-анализа, эта картина была наполнена конкретным эмпирическим содержанием на примере ключевых вербальных интервенций. На третьем этапе, с применением сравнительного анализа, была проведена верификация выводов на кейсах различных стран, что подтвердило универсальность тенденции. На заключительном, четвертом этапе, с привлечением институционального подхода, были осмыслены и обобщены последствия данной трансформации, а именно переход коммуникации в разряд стратегических активов экономической безопасности. Такой многоуровневый методологический комплекс позволил обеспечить глубину, системность и обоснованность проводимого исследования, полностью соответствующую его цели и задачам.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проведенное исследование на основе комплекса качественных методов позволило не просто констатировать хронологическую последовательность изменений, но и вскрыть системные взаимосвязи между теоретическими парадигмами, дискурсивными практиками и институциональной трансформацией роли коммуникации центральных банков. Результатом этой эволюции стал переход от концепции коммуникации как факультативной и потенциально опасной активности к ее утверждению в качестве стержневого элемента операционной рамки ДКП и стратегического актива национальной экономической безопасности.

Эпоха секретности: теоретические основы и дискурс неопределенности как инструмент управления

На первом этапе, охватывающем период до 1990-х годов, доминировала парадигма, в рамках которой скучная и намеренно неопределенная коммуникация рассматривалась не как слабость, а как элемент системы финансовой безопасности. Результаты историко-генетического анализа подтверждают, что данная философия была глубоко укоренена в теоретических построениях, предшествовавших и сопровождавших «монетарную контрреволюцию». Ключевую роль здесь сыграла разработанная Ф. Кидландом, Э. Прескоттом [\[10\]](#), Р. Барро и Д. Гордоном [\[11\]](#) проблема временной несогласованности оптимальной политики (time inconsistency). Согласно этой логике, любое детальное разъяснение будущих намерений центрального банка создавало бы для него формальные или неформальные обязательства, от которых в будущем, под давлением обстоятельств (например, стремления временно стимулировать занятость), могло бы быть выгодно отступить. Рациональные экономические агенты, anticipating эту возможность, сразу же закладывали в свои инфляционные ожидания премию за риск подобного отклонения, что в итоге приводило к хронически завышенной инфляции без какого-либо выигрыша в реальных показателях. Следовательно, стратегическим императивом была максимальная степень операционной свободы, обеспечиваемая минималистичной и непредсказуемой коммуникацией. Работа К. Рогоффа [\[12\]](#) о делегировании денежно-кредитной политики «консервативному» управляющему, не склонному идти на компромиссы в борьбе с инфляцией, лишь усилила этот тренд, подчеркивая ценность репутации, а не прозрачности.

Дискурс-анализ публичных высказываний ключевых фигур того периода выявил риторические стратегии, которые были прямым воплощением данной теоретической доктрины. Установка управляющего Банком Англии Монтегю Нормана «Никогда не объясняй, никогда не извиняйся» [\[1, р. 156\]](#) представляла собой не просто личное кредо, а институциональную норму, нацеленную на создание сакрального ореола вокруг

центрального банка, чьи решения были подобны решениям оракула – не подлежащими обсуждению, а лишь интерпретации. Однако наиболее изощренное развитие эта стратегия получила в эпоху Алана Гринспена. Его знаменитый афоризм «Если вы меня поняли – то вы меня не поняли» [2], часто трактуемый как курьез, на самом деле является блестящим образцом риторики контр-прозрачности. Это высказывание было метакоммуникационным посланием: оно прямо информировало рынки о том, что их попытки декодировать сигналы ФРС заведомо тщетны. Подобный дискурс целенаправленно конструировал реальность, в которой центральный банк был единственным агентом, обладающим всей полнотой информации, а рынки пребывали в состоянии продуктивной неопределенности, вынужденные гадать о намерениях регулятора. Это не было отсутствием коммуникации; это была специфическая форма коммуникации, использующая двусмысленность в качестве инструмента сдерживания спекулятивного поведения и сохранения максимального маневра. Сравнительный анализ подтверждает, что данная модель была универсальной для большинства ведущих центральных банков, включая Бундесбанк, чья «культура стабильности» также зиждилась на немногословности и непубличности.

Теоретический переворот и дискурсивный сдвиг: конструирование якоря ожиданий

Второй этап, начало которого относится к 1990-м – 2000-м годам, ознаменовался кардинальным пересмотром как теоретических основ, так и дискурсивных практик на фоне триумфального шествия режима инфляционного таргетирования. Результаты исследования демонстрируют, что ключевым интеллектуальным прорывом стало признание центральной роли ожиданий экономических агентов в трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики. Работы Майкла Вудфорда, в частности его монументальный труд «Interest and Prices» [3], доказали, что в современной экономике, где большинство контрактов являются долгосрочными, именно управление ожиданиями относительно будущей траектории процентных ставок становится главной задачей центрального банка. В этой новой парадигме, развитой и дополненной Ларсом Свенссоном [13], способность направленно формировать эти ожидания превратилась из побочного продукта в основную цель, а главным инструментом для этого выступила верbalная интервенция, (forward guidance).

Этот теоретический сдвиг спровоцировал тектонический дискурсивный разрыв. Если ранее язык центрального банка был языком намеков и умолчаний, то теперь он стал языком предельной ясности, проспекции и количественных оценок. Дискурс-анализ коммуникационных материалов этого периода позволяет выявить ряд новых, системообразующих речевых практик. Во-первых, это появление и нормализация временных ориентиров (time-based forward guidance), когда центральные банки стали открыто заявлять о намерении сохранять ставки на низком уровне в течение «продолжительного периода» или «до достижения определенных условий». Во-вторых, это внедрение прогнозной информации, такой как публикация «точечных графиков» (dot plots) членами FOMC ФРС, которые визуализировали индивидуальные ожидания по траектории ставок. Эти графики, будучи, по сути, коллективным дискурсивным актом, создавали мощный нарратив о вероятном будущем, на который могли ориентироваться рынки. В-третьих, это переход к прямому объяснению решений через детальные пресс-релизы и пресс-конференции, где председатели центральных банков (Бен Бернанке, Марк Карни) целенаправленно дезавуировали наследие Гринспена, стремясь быть максимально понятными. Как точно охарактеризовал этот переход сам Бернанке, современная ДКП действительно стала «на 98% состоять из слов» [4], где под «словами» подразумевается сложный, структурированный и нацеленный на будущее дискурс. В

российском контексте [8], переход Банка России к режиму таргетирования инфляции в 2014–2015 годах был сопряжен с сознательным заимствованием и адаптацией этих дискурсивных практик: введение постлемитинговых заявлений Совета директоров и их последующего разбора на пресс-конференциях было нацелено на построение того самого «якоря» для инфляционных ожиданий, о котором писал Вудфорд.

Кризис как катализатор: перформативный дискурс и становление коммуникации элементом безопасности

Третий, современный этап эволюции, наиболее рельефно проявившийся в ходе системных кризисов (2007–2009, 2011–2012, 2020, 2022 гг.), характеризуется качественным скачком: коммуникация перешла из разряда рутинного инструмента управления ожиданиями в разряд мощного средства антикризисного реагирования, чья эффективность напрямую влияет на параметры экономической безопасности. Результаты исследования показывают, что в условиях системного шока, когда доверие как фундаментальный институт финансовой системы рушится, вербальная интервенция становится не просто информацией, а прямым силовым воздействием на реальность – перформативным высказыванием в его чистом виде.

Ключевым результатом дискурс-анализа кризисных коммуникаций является выявление их новой, интервенционной природы. Ярчайшим примером служит выступление Марио Драги в июле 2012 года. Его лаконичная фраза «в рамках своего мандата ЕЦБ готов сделать все необходимое для сохранения евро. И поверьте, этого будет достаточно» [5] стала классическим примером перформатива. Дискурс-анализ позволяет деконструировать эту фразу: 1) отсылка к мандату легитимизировала действие в глазах скептиков; 2) неопределенное «все необходимое» (whatever it takes) создавало пространство для самых смелых ожиданий рынков относительно масштабов возможной интервенции; 3) заверение «проверьте» апеллировало не к логике, а к доверию и репутации говорящего; 4) утверждение «этого будет достаточно» (and believe me, it will be enough) носило характер самосбывающегося пророчества, призванного мгновенно изменить рыночный дискурс с пессимистического на стабильный. Результатом этой вербальной интервенции стало немедленное и значительное снижение спредов по суверенным облигациям проблемных стран еврозоны. Коммуникация здесь сработала не как анонс будущих действий, а как самостоятельное действие, предотвратив самореализующийся кризис ликвидности.

Наиболее показательным примером для целей данного исследования является кейс Банка России в феврале–марте 2022 года. Институциональный анализ в сочетании с дискурс-анализом позволил выявить, как коммуникация была интегрирована в систему обеспечения экономической безопасности. Результаты анализа публичных заявлений, пресс-релизов и выступлений представителей регулятора, включая Э.С. Набиуллину [6], позволили идентифицировать целый комплекс целенаправленных коммуникационных стратегий, которые можно классифицировать как меры оперативного уровня защиты финансового суверенитета. Дискурс-анализ выявил несколько ключевых, целенаправленно конструируемых нарративов, выполнявших конкретные стабилизационные функции:

- **Нарратив временности и экзогенности шока:** Постоянное использование лексики, подчеркивающей внешний, неэкономический и временный характер происходящего («внешний шок», «временно», «переходный период»). Этот нарратив был нацелен на разрыв психологической связи между текущими событиями и фундаментальным

состоянием финансовой системы, предотвращая закрепление панических настроений как новой нормы.

- **Нarrатив системной достаточности и resilience:** Активное и повторяющееся упоминание о «достаточном объеме золотовалютных резервов», «высоком уровне капитализации банковского сектора», «буферах» и «подушках безопасности». Этот дискурс был призван выполнить функцию демонстрации силы, сигнализируя, что у регулятора и системы в целом есть достаточный запас прочности для абсорбции шока любой величины.
- **Нarrатив безусловных гарантий и контроля:** Прямые, лишенные двусмысленности заверения в поддержке («Банк России не оставит кредитные организации один на один с проблемами», «обеспечит выдачу наличных рублей во всех регионах»). В отличие от высказываний Драги, оставлявших пространство для интерпретации, дискурс Банка России в этот период характеризовался высокой степенью императивности и конкретики, что было необходимо для немедленного копирования паники среди населения.

Институциональный подход позволяет осмыслить эти наблюдения на более высоком уровне абстракции. Эффективная коммуникация в кризис перестает быть просто инструментом ДКП; она сама институционализируется как ключевой механизм защиты национальной экономики от системных рисков. В терминах теории экономической безопасности [7], способность центрального банка быстро, убедительно и авторитетно доносить стабилизирующие послания становится неотъемлемым компонентом информационно-психологической безопасности финансовой системы. Она предотвращает реализацию одного из наиболее опасных сценариев – банковской паники, которая, будучи запущенной, способна обрушить реальный сектор экономики независимо от состояния фундаментальных показателей. Таким образом, коммуникация трансформируется из факультативной компетенции в обязательный, стратегически значимый актив, прямо влияющий на финансовый суверенитет и устойчивость государства. Сравнительный анализ с действиями ФРС в 2008 году (заявления о «неограниченной поддержке») и ЕЦБ в 2012-м подтверждает универсальность данного вывода: в момент наивысшей турбулентности коммуникация берет на себя роль «первого ответчика», задача которого – не допустить коллапса доверия, который не смогут остановить никакие, даже самые масштабные, ликвидные инъекции. Именно в этом качестве – как актив, предотвращающий системный коллапс, – коммуникация окончательно встраивается в архитектуру экономической безопасности.

Дискуссия

Полученные результаты позволяют выйти на новый уровень осмысления роли коммуникации в современной монетарной системе. Выявленная трехэтапная эволюция представляет собой не просто смену технических приемов, а глубокую трансформацию философских оснований деятельности центрального банка, его идентичности и места в архитектуре государственного управления. Если первоначально центральный банк мыслил себя как технократический институт, действующий в отрыве от общества и даже вопреки ему ради высших целей стабильности, то сегодня он вынужден быть публичным политическим актором, чья эффективность напрямую зависит от способности вести сложный, многоканальный диалог с разнородной аудиторией. Это порождает ряд фундаментальных вопросов и противоречий, требующих детального обсуждения.

Коммуникация как новый вид монетарного риска: парадокс прозрачности

Одним из ключевых выводов исследования является признание того, что сама

коммуникация, став основным инструментом, породила новый класс монетарных рисков. Если в эпоху секретности главной угрозой была непредсказуемость действий центрального банка, то в эпоху гипертранспарентности угрозой становится *избыточная зависимость рынков от вербальных сигналов* и риск их неверной интерпретации. Это создает то, что можно обозначить как «парадокс прозрачности»: стремление быть максимально понятным неизбежно ведет к усложнению коммуникационного кода (протоколы, «точечные графики», условные ориентиры), который, в свою очередь, становится объектом спекулятивной игры и источником волатильности. Работы Блиндера и его соавторов [2] предупреждали о данной проблеме, отмечая, что существует оптимум прозрачности, за которым могут последовать негативные эффекты.

В этом контексте возникает дискуссия о границах и издержках форвард гайданс. С одной стороны, как показали наши результаты, он является мощным инструментом управления ожиданиями. С другой стороны, чрезмерно детализированный и привязанный к календарю заявленных намерений может «связать руки» центральному банку, лишив его гибкости в реакции на непредвиденные шоки. Ситуация, при которой регулятор вынужден нарушить свои же ранее данные ориентиры, может нанести по его репутации больший урон, чем изначальное отсутствие таких обещаний. Таким образом, современный центральный банк оказывается в ситуации перманентного балансирования между необходимостью обеспечивать предсказуемость и сохранением необходимой степени свободы для действий. Это уже не выбор между секретностью и прозрачностью, а гораздо более тонкая настройка *качества и модальности* прозрачности.

Перформативность дискурса: от отражения реальности к ее конструированию

Результаты дискурс-анализа, особенно в части кризисных интервенций, со всей очевидностью демонстрируют, что язык центрального банка перестал быть пассивным описателем реальности и превратился в активную силу, эту реальность формирующую. Высказывания Драги и Набиуллиной не описывали некую готовую экономическую ситуацию; они сами по себе были экономическими событиями первой величины, способными развернуть тренды на рынках. Эта перформативная природа коммуникации заставляет по-новому взглянуть на теорию речевых актов применительно к экономике.

Данный вывод ставит под сомнение традиционные модели, рассматривающие коммуникацию как всего лишь канал передачи информации. В свете нашего исследования более адекватной представляется модель, в которой коммуникация является *самостоятельным каналом трансмиссионного механизма*. Вербальная интервенция, подобно изменению процентной ставки или операции на открытом рынке, оказывает непосредственное воздействие на цены активов, валютные курсы и поведение экономических агентов. Это требует разработки новых теоретических моделей, где коммуникационный сигнал будет не экзогенным параметром, а эндогенной переменной, встроенной в ядро монетарной реакции. В данном контексте особую актуальность приобретают работы, лежащие на стыке экономики, лингвистики и социологии, такие как исследования Мишеля Фуко о дискурсе и власти, позволяющие понять, как через язык конструируются институты и отношения доверия/недоверия.

Коммуникация как элемент экономической безопасности: институциональное измерение

Наиболее значимым и дискуссионным результатом представляется утверждение о трансформации коммуникации в элемент системы экономической безопасности. Этот тезис требует конкретизации его институционального содержания. Мы полагаем, что

данная функция реализуется через несколько ключевых механизмов.

Во-первых, это механизм превентивного подавления паники. Как показал кейс Банка России в 2022 году, быстрая, уверенная и технически грамотная коммуникация способна предотвратить реализацию классической банковской паники, выступая тем самым в роли «верbalного lender of last resort» до того, как потребуются реальные финансовые вливания. Это напрямую защищает один из ключевых элементов экономической безопасности – стабильность национальной банковской системы.

Во-вторых, это механизм снижения информационной асимметрии в условиях гибридных угроз. В современной геоэкономической реальности, где финансовые рынки становятся полем недобросовестной конкуренции и информационных атак, способность центрального банка выступать в роли единого, авторитетного и доверительного источника информации является критически важной. Он противодействует деструктивным нарративам и фейковой информации, выполняя функцию «информационного суверенитета».

В-третьих, это механизм поддержания доверия к государственным институтам в целом. В период кризиса доверие к центральному банку как к одному из наиболее профессиональных и аполитичных институтов часто оказывается выше, чем к другим органам власти. Следовательно, его эффективная коммуникация становится стабилизирующим фактором для всей политической системы, что также является вопросом национальной безопасности.

Однако здесь возникает серьезная дилемма. Интеграция коммуникации в систему экономической безопасности неизбежно политизирует ее, даже если центральный банк формально независим. Грань между стабилизацией финансовой системы в рамках мандата и решением более широких политических задач может становиться крайне тонкой. Это требует от руководства центрального банка высочайшего чувства меры и ответственности, чтобы не превратить коммуникацию из инструмента стабилизации в инструмент пропаганды.

Ограничения исследования и перспективы дальнейших изысканий

Проведенное исследование, будучи основанным на качественной методологии, имеет определенные ограничения. Оно выявляет логику и направленность трансформации, но не дает количественной оценки эффективности тех или иных коммуникационных стратегий. Кроме того, фокус на кейсах крупнейших центральных банков может нивелировать специфику коммуникационных проблем, стоящих перед регуляторами малых открытых экономик.

В связи с этим, перспективными направлениями для будущих исследований видятся:

- **Количественный анализ эффективности нарративов:** Применение методов текстового анализа (text mining, sentiment analysis) к корпусу текстовых выступлений центральных банков для выявления наиболее действенных лексических конструкций и их корреляции с рыночными показателями.
- **Сравнительный анализ коммуникации в условиях цифровой трансформации:** Изучение того, как социальные сети и цифровые платформы меняют характер диалога между центральным банком и обществом, создавая новые риски и возможности.
- **Исследование когнитивных аспектов восприятия коммуникации:** Изучение того, как различные социально-демографические группы (население, профессиональные участники рынка) по-разному воспринимают и интерпретируют одни и те же сообщения

центрального банка, что крайне важно для повышения адресности его политики.

В заключение, дискуссия позволяет утверждать, что эволюция коммуникации центральных банков является закономерным ответом на усложнение экономической реальности. Коммуникация превратилась из пассивного атрибута власти в активный, многогранный и сопряженный с рисками инструмент, от качества использования которого сегодня зависит не только эффективность денежно-кредитной политики, но и устойчивость всей национальной экономической системы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать системный вывод о том, что эволюция коммуникации центральных банков представляет собой не просто техническую адаптацию их инструментария, а фундаментальную трансформацию роли и идентичности монетарных институтов в современной экономике. От доктрины секретности, основанной на теоретических постулатах о временной несогласованности оптимальной политики, центральные банки перешли к модели стратегической прозрачности, где коммуникация стала основным каналом управления ожиданиями экономических агентов. Этот переход, теоретически обоснованный в работах Вудфорда и Свенссона, нашел свое практическое воплощение в повсеместном внедрении инфляционного таргетирования и таких инструментов, как форвард гайданс. Однако наиболее значимой трансформацией последнего десятилетия стало утверждение коммуникации в качестве ключевого элемента системы антикризисного реагирования и экономической безопасности, что подтверждается анализом действий ЕЦБ в 2012 году и Банка России в 2022 году.

Основным результатом работы является вывод о том, что современная коммуникация центрального банка обладает собственной перформативной силой, позволяющей ей не просто описывать экономическую реальность, но и активно формировать ее. В кризисных условиях, когда традиционные механизмы передачи монетарной политики нарушены, вербальная интервенция становится самостоятельным инструментом стабилизации, способным предотвратить реализацию самоисполняющегося пророчества финансового коллапса. Именно в этом качестве – как механизм превентивного подавления паники и снижения информационной асимметрии в условиях гибридных угроз – коммуникация окончательно встраивается в архитектуру экономической безопасности государства. Она превращается в стратегический актив, от эффективности использования которого зависит не только ценовая стабильность, но и устойчивость всей финансовой системы страны.

Вместе с тем, эта эволюция порождает новые вызовы и дилеммы. «Парадокс прозрачности» заключается в том, что стремление к максимальной ясности неизбежно ведет к усложнению коммуникационного кода, что создает риски его неверной интерпретации и формирования новой волатильности. Центральные банки оказываются перед необходимостью постоянного балансирования между предоставлением четких ориентиров и сохранением операционной гибкости, между технократической сущностью и неизбежной политизацией их коммуникации в контексте задач экономической безопасности. Это требует выработки новых, более изощренных подходов к построению диалога с разнородной аудиторией, учитывающих когнитивные особенности восприятия информации различными группами экономических агентов.

Таким образом, значение коммуникационной политики для центральных банков кардинально пересмотрено. Из маргинальной и потенциально опасной активности она превратилась в стержневой элемент их операционной рамки, а в критических ситуациях

– в один из важнейших инструментов защиты национального экономического суверенитета. Дальнейшее развитие этого направления будет связано с необходимостью решения новых задач: цифровизации коммуникационных каналов, противодействия деструктивным информационным кампаниям и повышения адресности коммуникации для различных сегментов общества. Способность монетарных властей адаптироваться к этим вызовам станет определяющим фактором их эффективности в XXI веке.

Библиография

1. Kynaston D. The City of London. Vol. 3: Illusions of Gold, 1914–1945. London: Chatto & Windus, 1999.
2. Blinder A. S., Ehrmann M., Fratzscher M., De Haan J., Jansen D.-J. Central Bank Communication and Monetary Policy: A Survey of Theory and Evidence // Journal of Economic Literature. 2008. Vol. 46(4). Pp. 910-945.
3. Woodford M. Interest and Prices: Foundations of a Theory of Monetary Policy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.
4. Bernanke B. S. Central Bank Communication, Transparency, and Interest Rate Forecasting: A Speech at the National Association for Business Economics Washington Economic Policy Conference, Washington, D.C., March 25, 2004 // Federal Reserve System. 2004.
5. Altavilla C., Carboni G., Lenza M. The Financial and Macroeconomic Effects of the OMT Announcements: A Tale of Two Seasons // International Journal of Central Banking. 2020. Vol. 16(4). Pp. 229-264.
6. Головнин М. Ю. Денежно-кредитная политика России: реакции на новые внешние вызовы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 1. С. 7-20. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_7_20. EDN: BOEIAH.
7. Рыбаков О. Е. Роль Центрального банка в системе экономической безопасности // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 4-2. DOI: 10.24411/2411-0450-2019-10552. EDN: JWEWAV.
8. Мерзляков С. А., Хабибуллин Р. А. Информационная политика Банка России: анализ воздействия пресс-релизов о ключевой ставке на межбанковскую ставку // Вопросы экономики. 2017. № 11. С. 141-151. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-11-141-151. EDN: ZSIXQJ.
9. Кузнецова О. С., Ульянова С. Р. Влияние вербальных интервенций Банка России на фондовые индексы // Журнал экономической теории. 2016. № 4. С. 18-27. EDN: XBVSPV.
10. Kydland F. E., Prescott E. C. Rules Rather than Discretion: The Inconsistency of Optimal Plans // Journal of Political Economy. 1977. Vol. 85(3). Pp. 473-492.
11. Barro R. J., Gordon D. B. Rules, Discretion and Reputation in a Model of Monetary Policy // Journal of Monetary Economics. 1983. Vol. 12(1). Pp. 101-121.
12. Rogoff K. The Optimal Degree of Commitment to an Intermediate Monetary Target // The Quarterly Journal of Economics. 1985. Vol. 100(4). Pp. 1169–1189.
13. Svensson L. E. O. Inflation Forecast Targeting: Implementing and Monitoring Inflation Targets // European Economic Review. 1997. Vol. 41(6). Pp. 1111–1146. EDN: HHIPXJ.
14. Geraats P. M. Central Bank Transparency // The Economic Journal. 2002. Vol. 112(483). Pp. 532-565. EDN: FHKRCA.
15. Полтерович В. М. Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007. EDN: QSJZAV.

Результаты процедуры рецензирования статьи

[Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования является эволюция коммуникационной политики центральных банков, рассматривается сдвиг от доктрины секретности и минимализма к современному пониманию коммуникации как ключевого инструмента управления ожиданиями и элемента системы экономической безопасности.

Методология исследования базируется на сочетании историко-генетического анализа этапов эволюции парадигмы, проведении дискурс-анализа для выявления риторических стратегий и систематизации речевых практик руководителей центральных банков различных стран, сравнении национальной специфики ФРС, ЕЦБ, ЦБ РФ, использовании институционального подхода для интерпретации трансформации роли коммуникации в контексте экономической безопасности.

Актуальность работы обусловлена тем, что коммуникация превратилась в основной инструмент декларации намерений центральных банков, позволяющий тонко настраивать поведение рынков без немедленного изменения ключевых ставок.

Научная новизна работы, по мнению рецензента, заключается в системном осмыслиении эволюции коммуникации центробанков сквозь призму концепции экономической безопасности.

Статья обладает четкой и логичной структурой, соответствующей канонам научной публикации. В тексте структурно выделены следующие разделы: Введение, Методы, Результаты (здесь выделены подразделы: Эпоха секретности: теоретические основы и дискурс неопределенности как инструмент управления, Теоретический переворот и дискурсивный сдвиг: конструирование якоря ожиданий, Кризис как катализатор: перформативный дискурс и становление коммуникации элементом безопасности), Дискуссия (с подразделами: Коммуникация как новый вид монетарного риска: парадокс прозрачности, Перформативность дискурса: от отражения реальности к ее конструированию, Коммуникация как элемент экономической безопасности: институциональное измерение, Ограничения исследования и перспективы дальнейших изысканий), Заключение и Библиография.

В публикации рассмотрена роль коммуникации центральных банков в обеспечении экономической безопасности, в работе освещены изменения в коммуникации центральных банков, публикация отражает стремление авторов дать ответы на современные вызовы.

Библиографический список включает 15 источников – научные публикации зарубежных и российских авторов по рассматриваемой теме на английском (10 работ) и русском (5 работ) языках. В тексте публикации имеются адресные ссылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам. Цитируемые работы охватывают обширный временной период – более 45 лет: с 1977 г. по 2023 г., что подтверждает проведение автором надлежащего историко-теоретического анализа изучаемого вопроса.

Тема статьи актуальна, содержит обобщение сведений об эволюции концепции коммуникации центральных банков, определенным образом связана с тематикой журнала «Национальная безопасность / nota bene», может вызвать интерес у читателей, материал рекомендуется к опубликованию после расширения перечня используемых источников до рекомендуемого Правилами оформления списка литературы количества: «Рекомендованный объем списка литературы для оригинальной научной статьи – не менее 20 источников...».

Национальная безопасность / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Маслов М.Д. Миротворчество ООН и Африканского союза в Африке южнее Сахары: опыт ДР Конго и региональные кейсы // Национальная безопасность / nota bene. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.5.75249
EDN: AKFITV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75249

Миротворчество ООН и Африканского союза в Африке южнее Сахары: опыт ДР Конго и региональные кейсы

Маслов Максим Дмитриевич

бакалавр; факультет Международные отношения; Дипломатическая академия МИД России

107392, Россия, г. Москва, ул. Большая Черкизовская, д. 9, корп. 6

✉ maslow@bk.ru

[Статья из рубрики "Внешний контур национальной безопасности"](#)

DOI:

10.7256/2454-0668.2025.5.75249

EDN:

AKFITV

Дата направления статьи в редакцию:

21-07-2025

Дата публикации:

03-12-2025

Аннотация: Цель исследования – выявить проблемы и перспективы миротворческой деятельности Организации Объединённых Наций (ООН) и Африканского союза (АС) в Африке южнее Сахары, а также разработать рекомендации по повышению её эффективности. Объектом исследования является миротворческая деятельность ООН и АС в указанном регионе, с акцентом на институциональные и политico-правовые механизмы обеспечения безопасности. Предметом исследования выступают конкретные миротворческие операции, в частности Миссия ООН по стабилизации в ДР Конго (МООНСДРК) – одна из наиболее масштабных и ресурсно обеспеченных. В работе подробно рассматриваются такие аспекты, как координация международных и региональных усилий по предотвращению конфликтов, особенности мандатов, правовая база операций и роль национальных акторов в процессах стабилизации. Методология

включает общенаучные и специальные методы: сравнительно-правовой анализ, кейстади, институциональный подход, а также элементы политики-правового моделирования. Методологической основой выступил междисциплинарный синтез данных из сфер международного права, политологии и международных отношений. Основные выводы работы сводятся к положению о необходимости реформирования механизмов международного и регионального миротворчества с учётом специфики затяжных конфликтов в регионе. Научная новизна заключается в сопоставительном анализе мандатов ООН и АС, а также в комплексном подходе к изучению миротворчества в контексте регионализации международной безопасности с акцентом на роль африканских стран как активных участников мирных процессов. В качестве особого кейса дан углублённый анализ миссии ООН в ДРК, которая рассмотрена как пример системных проблем современного миротворчества. В исследовании обоснована важность перехода от реактивных к превентивным стратегиям, основанным на устойчивом развитии, институциональном укреплении и вовлечении гражданского общества. Работа вносит вклад в теорию и практику международных отношений и может быть полезна для дальнейших исследований в области международной безопасности и миротворчества.

Ключевые слова:

ООН, миротворчество, Африка, Демократическая Республика Конго, Африканский союз, МООНС ДРК, международная безопасность, региональные организации, конфликт, устойчивое развитие

Введение: Роль миротворчества ООН в Африке

Миротворчество – одна из ключевых сфер деятельности ООН, а также других региональных организаций (положения относительно деятельности региональных структур отражены в статьях 52-54 VIII главы Устава ООН), важнейший инструмент разрешения конфликтов, а также постконфликтного миростроительства. Согласно позиции Организации Объединённых Наций, под миротворчеством понимается применение многонациональных сил под командованием ООН для ограничения и урегулирования конфликтов между странами. Миротворческие операции выполняют роль нейтральной третьей стороны для установления и сохранения режима прекращения огня и создания буферной зоны между воюющими сторонами.

Регион Африки южнее Сахары является одним из наиболее конфликтогенных в мире, что делает необходимым осуществление там миротворческой деятельности, нацеленной на борьбу с деструктивными факторами, провоцирующими угрозы региональной безопасности [\[1\]](#). Африканские операции ООН являются наиболее многочисленными по количеству контингентов, что свидетельствует об их значимости [\[2\]](#).

Среди стран, в которых осуществлялись различные миссии не единожды: Центральноафриканская Республика, Демократическая Республика Конго (далее ДРК, ДР Конго), Кот-д'Ивуар, Сьерра-Леоне, Ангола, Руанда, Либерия и Чад. На момент 2024 г. мандат на операции ООН сохраняется лишь на ЦАР и ДРК, где ситуация требует вмешательства и постоянного наблюдения ради недопущения разгорания конфликтов.

Миротворческая деятельность в Тропической Африке осуществляется не только Организацией Объединённых Наций – важную роль в данном процессе до 2002 г. играла

Организация африканского единства, на смену которой пришел Африканский союз (АС). В учредительном акте (уставе) АС от 12 июня 2000 г. выражена приверженность к разрешению проблем безопасности, в частности, в Статье 3 Пункте f содержится следующее: «Целью Союза является: поддерживать мир, безопасность и стабильность на континенте», а также в Статье 4 Пункте h сообщается об определённых мерах, которые организация может принять для обеспечения мира с согласия Ассамблеи: «право Союза вмешаться в дела государства-члена в соответствии с решением Ассамблеи в связи с серьёзными обстоятельствами, а именно, военные преступления, геноцид и преступления против человечности», что является заявлением о возможности проведения операций. Следует отметить, что этот пункт документа противоречит основополагающему принципу миротворчества ООН – проведение операций исключительно после получения мандата Совета Безопасности ООН. Пока данная юридическая коллизия не осложняла двусторонние отношения между организациями, но она содержит в себе потенциальную угрозу конфронтации [\[3\]](#).

Важной особенностью взаимодействия ООН и АС на современном этапе является напряженность, вызванная неравным дипломатическим потенциалом и разной степенью политического влияния [\[4\]](#). Кроме того, можно говорить о недостаточно результативном сотрудничестве в сфере миростроительства и постконфликтного урегулирования [\[5\]](#) [\[6\]](#).

Исследовательская проблема заключается в том, что, несмотря на масштабность и длительность миротворческих миссий ООН и АС, уровень их результативности остаётся дискуссионным: затяжные конфликты в ДР Конго, ЦАР и Сомали показывают как достижения, так и серьёзные ограничения международных операций.

Цель исследования – выявить особенности и факторы эффективности миротворчества ООН и Африканского союза в Африке южнее Сахары на примере Демократической Республики Конго, а также сопоставить данный кейс с примерами в ЦАР и Сомали.

Методологическая основа исследования опирается на подходы неолиберального институционализма, подчеркивающего роль международных институтов в обеспечении коллективной безопасности. В качестве метода выступает кейс-стади, применяемый к ДРК, а также вспомогательным примерам (ЦАР, Сомали), позволяющий проследить эволюцию миротворческих миссий и выявить закономерности их функционирования.

Хронологические рамки охватывают период с конца 1990-х годов (начала операции МООНДРК - Миссия ООН в Демократической Республике Конго) по 2025 год, включая актуальные события и новые форматы взаимодействия ООН и Африканского Союза.

Институциональное развитие регионального миротворчества

Для функционирования регионального компонента миротворчества на африканском континенте было создано существенное количество структур, ведающих вопросами безопасности и разрешения конфликтов [\[7\]](#), среди них: Фонд мира Африканского союза; Африканские силы постоянной готовности; Континентальная система раннего предупреждения о возникновении конфликтов; «Совет мудрецов», состоящий из видных политических деятелей, задача которых заключается в анализе конфликтных ситуаций и осуществлении посреднических функций; Совет мира и безопасности АС [\[8\]](#), а также созданный в 2020 г. штаб Африканской комиссии по разведке и безопасности (г. Аддис-Абеба, Эфиопия).

Африканские силы постоянной готовности являются многонациональными, выбираясь из

числа военнослужащих, преимущественно, стран Тропической Африки. Первые крупные военные учения сил АС проходили с октября по ноябрь 2015 г. близ города Лохатла, ЮАР. Тогдашний президент Южно-Африканской Республики Джейкоб Зума высоко оценил данные действия, заявив о важности совместных усилий по обеспечению региональной безопасности.

Двусторонние связи между Организацией африканского единства (ОАЕ) и ООН, в том числе и по осуществлению миротворческой деятельности, были заложены в 1965 г. с подписанием совместного соглашения о сотрудничестве, которое в 1990 г. было переподписано. На начальном этапе двустороннее сотрудничество характеризовалось низким уровнем эффективности в связи с желанием африканских государств действовать самостоятельно, также на отношения повлияло обретение большинством стран Африки южнее Сахары независимости, что выражалось в стремлении отказаться от международного курса бывших метрополий, не допуская проявлений неоколониализма.

Тесная и достаточно успешная кооперация между ООН и Африканским союзом началась с конца 2000-х – в период с 2009 по 2011 гг. появились: наблюдатель в ООН от АС, представительство ООН при АС, а также Совместная целевая группа ООН и Африканского союза. Сотрудничество АС и ООН в рамках миротворческих операций может проходить в нескольких форматах: последовательное и параллельное развёртывания сил, а также проведение интегрированных операций. Стоит сказать, что наиболее эффективным представляется последовательное развёртывание, поскольку в такой ситуации отсутствует несогласованность действий, что является существенной проблемой в миротворческой деятельности в целом.

Примером успешной совместной операции является Миссия Африканского союза в Сомали (АМИСОМ), начавшаяся в 2007 г. Африканским союзом с одобрения ООН и уполномоченная оказать поддержку Переходному федеральному правительству Сомали [\[9\]](#). В 2022 г. операция в Сомали была преобразована в Переходную комиссию. На протяжении миссии АС и ООН предпринимали совместные усилия, прослеживалась согласованность шагов по расширению мандата и увеличению количества контингентов.

Ещё один пример комплексного сотрудничества ООН и АС является многопрофильная миссия по стабилизации в Центральноафриканской Республике МИНУСКА, которая началась в 2014 году для защиты гражданского населения ЦАР в 2017 г. Совет мира и безопасности АС санкционировал Африканскую инициативу в интересах мира и примирения в ЦАР [\[10\]](#). Следует, однако, отметить, что с 2017 г. МИНУСКА сталкивалась со значительными трудностями в выполнении мандата по защите гражданского населения и расформированию вооруженных групп, в основном из-за отсутствия инфраструктуры и нежелания применять излишнюю, по мнению командования, военную силу [\[11\]](#).

В контексте кооперации Африканского союза и ООН в рамках миротворческой деятельности необходимо отметить, что у обеих структур есть свои сильные стороны: у ООН – безусловное мировое признание, широкий опыт миротворчества, людские и финансовые ресурсы, с которыми АС испытывает некие сложности; у АС – возможность незамедлительно реагировать на кризисы, не дожидаясь реакции мирового сообщества и глубокое понимание африканской специфики. При совместной работе представляется возможным эффективно разрешать кризисы – механизм взаимодействия имеет потенциал к росту при двусторонних усилиях.

Важную роль в обеспечении миротворческой деятельности в регионе Африки южнее

Сахары играет Региональный центр обслуживания ООН в Энтеббе, Уганда, который выступает в качестве центрального узла для оказания административной, логистической и технологической поддержки миссий ООН в Африке. Данная структура имеет важные функции, среди которых: обеспечение связи, оперативная переброска гуманитарных и военных грузов, распределение финансов в рамках ведения операций и др. Более того, центр обладает современной инфраструктурой и находится в выгодном географическом положении вблизи порта и международного аэропорта города Энтеббе.

Помимо центра в Уганде, в Тропической Африке имеют место и другие подразделения, направленные на поддержку миротворческой деятельности. Примером выступают центры подготовки военнослужащих, располагающиеся в Гане, Мали и Кении. Вместе с центром в Энтеббе данные структуры составляют «костяк» африканского миротворчества, позволяя оперативно перебрасывать контингенты, а также военную и гуманитарную помощь в кризисные районы.

Роль ООН в стабилизации ситуации в Демократической Республике Конго

Одной из наиболее нестабильных стран Африки южнее Сахары на протяжении многих десятилетий является Демократическая Республика Конго (ранее Бельгийское Конго, Республика Заир) [\[12\]](#). Причинами подобного положения дел являются этнорелигиозные конфликты [\[13\]](#), частые попытки борьбы за власть, вмешательство со стороны соседних государств (преимущественно, со стороны Руанды и Уганды).

Ярким проявлением сохраняющейся конфликтности стало появление в 2012 г. вооружённой группировки «Движение 23 марта» (M23), чья деятельность привела к регулярным приграничным столкновениям, продолжающимся и в 2025 г. Показательным в этом контексте стал отказ представителей ДР Конго и Руанды от запланированной двусторонней встречи в Анголе 16 декабря 2024 г. Предполагалось заключение мирного соглашения, по которому Руанда обязалась бы отказаться от своих «оборонительных мер», а правительство ДРК — ликвидировать группировку Демократических сил освобождения Руанды. Срыв переговоров и взаимные обвинения сторон продемонстрировали фактический застой найробийского мирного процесса. В этих условиях миссия ООН по стабилизации в ДРК рассматривается как инструмент смягчения напряжённости.

Необходимость развернуть наблюдательную миссию ООН в ДРК возникла в 1999 г., этому предшествовало Лусакское соглашение о прекращении огня, которое было подписано в июле того же года. Главной задачей Миссии Организации Объединенных Наций в Демократической Республике Конго (МООНДРК), учрежденной в соответствии с Резолюцией Совета Безопасности ООН №1279/1999, было остановить крупную Вторую конголезскую войну (1998-2003 гг.), в которой участвовало существенное количество государств Тропической Африки, и не допустить дальнейшее разгорание конфликта.

Помимо действий различных военных группировок в рамках Великой африканской войны, существенного количества временно перемещённых лиц и беженцев, гуманитарных и санитарных проблем, ДРК столкнулась с серьёзными сложностями, касающимися национальных военных и полицейских сил. По некоторым оценкам, вооружённые и правоохранительные органы страны были плохо структурированы, слабо оснащены, недисциплинированы и мало обучены [\[14\]](#). Обеспечение безопасности в стране, подверженной воздействию множества военизованных групп и обладающей обширной территорией, представлялось невозможным. Эта проблема стала одной из ключевых, следовательно, вмешательство ООН представлялось необходимым для

окончания эскалации конфликта.

В задачи миссии входило следующее: защита мирного населения и сопровождение процессов демократического строительства, при этом полномочия «голубых касок» (вооружённых контингентов) были строго ограничены самообороной и эвакуацией населения во время столкновений [\[15\]](#), что не давало им возможности эффективно давать отпор вооружённым группировкам.

Важной задачей в рамках данной миссии представлялось наладить работу государственных органов, оказать поддержку национальным военным и полицейским силам, содействовать миру и безопасности, а также продвигать демократические процессы в стране. Конголезским властям была оказана помощь в разработке нормативно-правовых актов, в эвакуации определённой части гражданского населения (около 250 тыс. человек), преимущественно в страны Африки южнее Сахары (Республику Конго, Анголу и Габон), кроме того, среди принимающих стран оказались Бельгия, США и Канада [\[16\]](#). Демократизация ДРК в ходе миссии добилась относительных успехов: в 2006 г. были проведены демократические выборы в Национальную ассамблею, а позднее и президентские выборы.

К успехам миссии можно отнести подъём после демократических выборов международного авторитета ДРК, возобновление участия конголезских делегаций в важных форумах, заседаниях и встречах. Об улучшении общей ситуации в регионе свидетельствуют два события 2006 года: проведение международной конференции по вопросам разоружения, демобилизации, реинтеграции и развития в Африке, а также избрание президента ДРК Жозефа Кабилы председателем Экономического сообщества стран Центральной Африки [\[17\]](#).

Однако не все действия в ходе МООНДРК обернулись успехом. Из-за изначальной ограниченности мандата СБ ООН эффективность контингентов падала, что вызывало недовольство у местных функционеров. Вследствие данной проблемы руководство операцией предприняло кардинальный шаг – запрос о расширении мандата для легитимизации увеличения давления на опасные для территориальной целостности государства и защиты гражданского населения группировки. Примером являются Резолюции СБ ООН №1856/2008 и №1857/2008, которые санкционировали продление и расширение полномочий миссии, а также увеличение контингентов, что сделало операцию одной из самых многочисленных по количеству специалистов и военных ООН за историю миротворчества.

Расширение мандата и формирование МООНСДРК

В связи с недостатком мер и общей «усталостью» конголезцев от МООНДРК был предпринят следующий шаг – переформатирование в 2010 г. операции в Миссию ООН по стабилизации в Демократической Республике Конго (МООНСДРК) согласно Резолюции СЕ ООН №1925/2010, в преамбуле которой отражалось следующее: «сознавая, что сохраняются угрозы для стабильности в Демократической Республике Конго, и определяя, что положение в Демократической Республике Конго по-прежнему создаёт угрозу международному миру и безопасности в регионе», что означало неразрешенность конфликта, констатировало отсутствие стабильной ситуации и выражало необходимость продолжения активных действий миротворческими силами ООН. Незначительное изменение формата и мандата операции стало символическим шагом смены подхода и перехода к следующему этапу.

Новый формат миссии предполагал ощутимое расширение мандата, отражением чего стало создание Бригады оперативного вмешательства (БОВ), численность которой составляла около 3 тыс. человек. Чуть позже был создан штаб БОВ в городе Гома, провинция Северное Киву [\[18\]](#).

Операция стала прорывной, поскольку первый раз в истории миротворческих миссий были использованы беспилотные летательные аппараты (БПЛА), которые на момент 2025 г. являются неотъемлемой составляющей вооружённых противостояний, включая конфликт на Ближнем Востоке и Специальную военную операцию (СВО). В декабре 2012 г. Генеральный секретарь ООН выступил с предложением использовать БПЛА в составе Миссии ООН по стабилизации в ДРК, что, по его мнению, должно было создать дополнительные возможности для сбора, анализа и распространения информации в целях повышения осведомленности о ситуации и своевременного принятия решений [\[19\]](#).

Кроме того, использование беспилотных летательных аппаратов было призвано помочь повысить эффективность и безопасность миротворцев, а также сократить затраты на другие летательные аппараты. Реализация данного предложения стала важной с точки зрения внедрения в миротворчество новых технологий. МООНСДРК дала толчок к использованию БПЛА в Тропической Африке – на современном этапе технология востребована при проведении гуманитарных миссий.

Противоречия миротворческих усилий, новая эскалация и роль САДК

В контексте реализации мандата операции необходимо упомянуть и критику со стороны властных кругов Демократической Республики Конго. В частности, цитату официального представительства правительства ДРК Ламбера Менде, датированную 2015 г.: «Президент Кабила напомнил своим гостям, что сегодня никто не может поучать вооружённые силы ДРК, какие предпринимать действия и какие использовать средства борьбы против Демократических сил освобождения Руанды (ДСОР)»[\[20\]](#). В тот период глава государства неоднократно заявлял об излишнем вмешательстве ООН во внутренние дела ДР Конго, что свидетельствовало о разобщённости сил и противоречиях, связанных с легальной интервенцией.

В конце 2010-х положение в государстве характеризовалось относительной стабильностью и позволяло делать осторожные оптимистичные прогнозы, однако уже в 2020-х обстановка опять обострилась, несмотря на подключение Сообщества развития Юга Африки (САДК) и намерения к концу 2023 г. вывести часть войск ООН ради замены на национальные силы ДРК и контингенты САДК.

Важным с точки зрения консолидации региональных сил Африки южнее Сахары стала Резолюция СБ ООН о сотрудничестве миротворцев в ДР Конго с миссией САДК, принятая 6 августа 2024 г. Документ, подготовленный Францией и Сьерра-Леоне, призывает МООНСДРК «закрепить передачу обязанностей правительству ДРК в Южном Киву и продолжить совместное планирование следующих шагов по поэтапному, ответственному и планомерному выводу миссии», а также обязывает стороны обмениваться информацией, оказывать техническую помощь и координировать действия по стабилизации. Данная резолюция является очередным шагом к объединению усилий региональных и международных организаций ради поддержания мира.

Несмотря на относительные успехи МООНСДРК, ситуацию в стране нельзя назвать стабильной из-за эскалации, недостатка финансирования, срыва переговорных позиций сторон, участившихся с 2023 г. столкновений сил ДР Конго с группировкой М23 близ

городов Гома и Букаву и др. Активные боевые действия, начавшиеся между сторонами в январе 2025 г., также свидетельствуют о недостаточности принятых мер. Пожалуй, самой уязвимой провинцией государства сегодня остаётся богатое алмазами и золотом Северное Киву, однако в Южном Киву, Верхнем Уэле и Итури также сохраняется опасность для гражданского населения. Основной задачей сегодня является плавный вывод части подразделений ООН и передача полномочий по защите регионов национальным и региональным силам.

Заключение

Проведённый анализ показал, что взаимодействие Организации Объединённых Наций и Африканского союза в сфере миротворчества в регионе Африки южнее Сахары демонстрирует поступательную динамику развития, особенно с конца 2000-х годов. В рамках операции МООНСДРК выработан эффективный формат сотрудничества, основанный на последовательном развёртывании усилий, при котором региональные организации, обладающие более глубоким пониманием локальной специфики и оперативностью, действуют в тесной координации с глобальной структурой, обладающей необходимыми ресурсами. Это позволяет компенсировать слабости каждой стороны и усиливает общую результативность миссий.

Особое значение имеют институциональные и технологические новации, апробированные в рамках МООНСДРК — в частности, применение «силовых мандатов», использование беспилотных летательных аппаратов, развитие многофункциональных логистических узлов и обучающих центров. Эти элементы формируют новый подход к миротворческой практике и могут быть адаптированы в других зонах конфликтов.

Несмотря на некоторое ослабление напряженности в рамках конфликта на востоке ДРК, деструктивные факторы продолжают влиять на ситуацию. Активность различных вооруженных группировок в восточных провинциях ДРК, подпитываемая борьбой за контроль над месторождениями минеральных ресурсов (золото, кобальт, колтант), выражается в приграничных столкновениях между национальными конголезскими силами и движением М23. Несформированность государственных институтов и низкая эффективность официальных вооруженных и полицейских контингентов также оказывает негативное влияние на затяжной конфликт. Отмечается ограниченность мандатов и недостаток финансирования миротворческой миссии МООНСДРК, что вкупе с сохранением исторических противоречий затрудняет целостное урегулирование ситуации.

Несмотря на сохраняющуюся нестабильность, достигнутые промежуточные результаты свидетельствуют о потенциальной эффективности гибридных форматов сотрудничества международных и региональных акторов, обладающих потенциалом к устойчивой стабилизации ситуации.

27 июня 2025 года в Вашингтоне произошло подписание «декларации о намерениях» между Демократической Республикой Конго и Руандой. Этот документ предусматривает вывод руандийских войск из восточной части ДРК в течение 90 дней, а также прекращение конголезским правительством поддержки ополчения Демократических сил освобождения Руанды (ДСОР). Генеральный секретарь ООН Антониу Гуттериш подчеркнул историческое значение этого шага, призвав стороны строго выполнять взятые обязательства, включая прекращение боевых действий и реализацию резолюции Совета безопасности ООН №2773/2025.

Очередным шагом к установлению мира стало подписание 19 июля 2025 года в Дохе

декларации с принципами прекращения боевых действий между ДРК и группировкой М23. ООН и Африканский союз подтвердили готовность поддерживать совместную работу по скорейшему завершению конфликта и недопущению перерастания приграничных противостояний в полномасштабную «Третью конголезскую», что позволяет испытывать осторожный оптимизм в отношении стабилизации мирной жизни в районе Великих африканских озёр.

Настоящее исследование вносит вклад в понимание того, какие условия делают миротворческие миссии более результативными. Научная новизна исследования отражает тренд на «африканизацию» миротворчества, когда особое внимание уделяется координации действий ООН с региональными организациями (АС, САДК). На примере ДР Конго определяются факторы, влияющие на результативность миротворческих операций (ограниченность мандатов, слабость национальных институтов, конкуренция между ООН и АС, дефицит ресурсов). Кроме того, в исследовании делается акцент на новых технологиях (внедрение БПЛА в миссии МОНСДРК), которые успешно интегрируются в практику миротворчества – этот фактор пока еще редко освещается в отечественных исследованиях.

Анализ кейса ДРК на фоне примеров миссий ЦАР и Сомали показывает эволюцию миротворчества от классического «буферного» формата к активным операциям с расширенным мандатом и использованием технологий, когда наиболее эффективной формой сотрудничества становится последовательное взаимодействие ООН и Африканского союза, при котором региональные организации действуют на начальном этапе, а затем подключаются глобальные ресурсы.

Таким образом, опыт миротворчества ООН и АС в Африке южнее Сахары демонстрирует, что ключ к повышению эффективности заключается в объединении ресурсов глобальных структур и регионального знания локальной специфики, а формирование гибридных моделей сотрудничества (ООН + АС + САДК) может служить моделью для урегулирования конфликтов в других регионах мира.

Библиография

1. Сидорова Г.М. Африка южнее Сахары: движение к стабильности. М.: Проспект, 2024. 200 с. EDN: JRWEFP.
2. Бокерия С.А., Худайкулова А.В. Миротворчество ООН в Африке: характер, масштабы и развитие // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 3. С. 435-450. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-435-450. EDN: FSUGUV.
3. Ромадан Л.И., Шагалов В.А. Сотрудничество ООН и АС по предотвращению конфликтов, поддержанию мира и миростроительству // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 6(45). С. 174-181.
4. Ларионова М.В. Оценка эффективности взаимодействия международных институтов в процессе глобального управления // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11, № 1. С. 126-152. EDN: VRWFSB.
5. Forti D., Singh P. Toward a More Effective UN-AU Partnership on Conflict Prevention and Crisis Management. N.Y.: International Peace Institute and Institute for Security Studies, 2019.
6. Williams P.D., Boutellis A. Partnership peacekeeping: Challenges and opportunities in the United Nations-African Union Relationship // African Affairs. 2014. No. 113(451). P. 254-278.
7. Костелянец С.В., Ткаченко А.А., Дейч Т.Л., Исмагилова Р.Н. Разрешение военно-

- политических конфликтов в Африке: роль региональных организаций / отв. ред. С.В. Костелянец, А.А. Ткаченко. М.: Институт Африки РАН, 2017. EDN: ZCTGFH.
8. Ромадан Л.И., Яшенин В.С. Миротворчество ООН: от истоков к современности. М.: КвантМедиа, 2024. С. 126-127.
9. de Coning C. Africa and UN Peace Operations: Implications for the Future Role of Regional Organisations // United Nations Peace Operations in a Changing Global Order / C. de Coning, M. Peter (eds). Cham: Palgrave Macmillan, 2019. Р. 213-229.
10. Бокерия С.А. Партнерство ООН и АС в области миротворчества: тенденции и проблемы // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17, № 2. С. 189-207. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-02-08. EDN: QXKYYZ.
11. Бовдунов А.Л. СОМБ и МИНУСКА в ЦАР: эффективность реалистской и либеральной парадигм миротворчества // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2023. № 3. С. 485-487. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-480-496. EDN: GYKHEP.
12. Булатов В. Африканская архитектура мира и безопасности // Зарубежное военное обозрение. 2017. № 3. С. 12-17. URL: http://factmil.com/publ/strana/afrika/afrikanskaja_arkhitektura_mira_i_bezopasnosti_2017/166-1-0-1142 (дата обращения: 20.07.2025).
13. Денисова Т.С. Политическое лидерство в Африке: прошлое и настоящее // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2015. № 6. С. 184-187. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24841976> (дата обращения: 20.07.2025). EDN: UXQAWD.
14. Сидорова Г.М. Проблема безопасности и реформы армии Демократической Республики Конго // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, кн. 3, ч. 2. С. 171-182. EDN: REEEUP.
15. Сидорова Г.М. Проблема миротворчества в условиях обострения конфликтов в Демократической Республике Конго // Научный диалог. 2012. № 9. С. 75-90. EDN: PDDRZV.
16. Сепелева Н.В. Глобальные проблемы вооружённых конфликтов в Африке (на примере ДРК) // Институт Африки РАН. URL: https://www.inafran.ru/sites/default/files/page_file/%20Глобальные%20проблемы%20вооруженных%20конфликтов%20в%20Африке.pdf (дата обращения: 20.07.2025). 18 с.
17. Сидорова Г.М. Киншаса: курс на стабильность в Центральном регионе Африки // Международная жизнь. 2012. № 8. С. 54-63. EDN: TNCOER.
18. Сидорова Г.М. Подходы Миссии ООН по стабилизации в Демократической Республике Конго к кризисному урегулированию // Вестник академии военных наук. 2015. № 1(50). С. 162-165. EDN: WLSBGL.
19. Гильмутдинова Д., Ромадан Л. Новые тенденции и технологии в миротворческой деятельности Организации Объединенных Наций в XXI веке // Журнал Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/14852> (дата обращения: 20.07.2025).
20. Bangré H. RDC: recherche de compromis entre Joseph Kabil et la Monusco // Le Monde. 18.02.2015. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2015/02/18/rdc-recherche-de-compromis-entre-joseph-kabila-et-la-monusco_4578918_3212.html (дата обращения: 20.07.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная к рецензированию рукопись посвящена исследованию миротворческой деятельности ООН в регионе к югу от Сахары на примере кейса Демократической Республике Конго. С учетом того, что африканский континент в последние годы отличается повышенной нестабильностью и усиливающейся вовлеченностью великих держав (США, Китай, Россия) в региональные дела, актуальность темы представляется несомненной. Главным недостатком рецензируемой статьи является ее описательный характер – автор дает характеристику миротворческой деятельности ООН в Конго (и в Тропической Африке в целом), даже не пытаясь обозначить исследовательскую проблему. В тексте также отсутствует формулировка цели исследования и поэтому остается неясным – для чего автор описывает выбранный им объект? К каким знаниям он собирается прийти? В заключении автор пишет – «проведённый анализ показал, что взаимодействие Организации Объединённых Наций и Африканского союза в сфере миротворчества в регионе Африки южнее Сахары демонстрирует поступательную динамику развития». Исходя из этого, можно предположить, что целью статьи является выявление роли ООН и Африканского союза в сфере регионального миротворчества. Или – определение факторов эффективности миротворческих усилий ООН и Африканского Союза. В любом случае, необходимо обозначить соответствующую цель в вводной части статьи и, скорее всего, переформулировать название, так как в текущей редакции Африканский союз не упоминается. Прямыми следствием неопределенности в отношении исследовательской проблемы и цели статьи является отсутствие методологии. Судя по тому вниманию, которое автор уделяет роли международных институтов (ООН, АС), исследование опирается на предпосылки неолиберального институционализма. Но об этом ровным счетом ничего не сказано, также отсутствуют сноски на работы представителей какого-бы то ни было теоретического направления. Вероятно, автор также пытается применить метод кейс-стади, о чем свидетельствуют упоминания миротворческих миссий ООН в ЦАР и в Сомали (наряду с ДРК). При этом кейсам ЦАР и Сомали уделено лишь несколько предложений, что вряд ли можно считать достаточным с точки зрения проведения полноценного анализа проблемы. Далее, в статье отсутствует обоснование научной новизны (то есть, вклада автора статьи в существующие знания о миротворчестве ООН в Африке). Выводы скорее констатируют сложившееся положение дел, не претендуя на оригинальность, и поэтому вряд ли могут представлять интерес для аудитории журнала. С учетом сказанного, можно рекомендовать доработку рукописи по следующим направлениям – 1) сформулировать исследовательскую проблему и цель статьи; 2) обосновать методологию/подход к решению проблемы, обозначить хронологические рамки исследования; 3) указать – в чем заключается вклад автора в существующие знания о миротворчестве ООН в регионе; 4) выделить и подробно рассмотреть несколько кейсов (кроме Конго – ЦАР и Сомали), так чтобы было возможным сформулировать обобщения относительно миротворческих усилий ООН (и АС) в Африке южнее Сахары; 5) сделать акцент на новизне полученных результатов в заключительной части рукописи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступают механизмы взаимодействия и факторы эффективности миротворческих операций ООН и Африканского союза в разрешении вооружённых конфликтов в регионе Африки южнее Сахары на примере Демократической Республики Конго (далее – ДРК). Научная актуальность работы обусловлена тем, что сохраняющаяся нестабильность в ключевых конфликтных зонах Африки южнее Сахары, несмотря на многолетние масштабные миротворческие операции ООН и АС, требует переосмысления подходов к международному миротворчеству и выявления наиболее эффективных форматов взаимодействия международных и региональных организаций. А практическая значимость связана с возможностью прямого применения полученных результатов: выводы исследования могут быть использованы для совершенствования механизмов координации между ООН и региональными организациями при планировании и реализации миротворческих операций, а также для разработки более эффективных мандатов международных миссий в других конфликтных регионах мира. Методологической базой исследования выступил неолиберальный институционализм, позволивший рассмотреть роль международных институтов в обеспечении коллективной безопасности и их взаимодействие в многоуровневой системе глобального управления. В качестве основного метода применялся *case study* (анализ кейсов), который предоставил возможность детально проследить эволюцию конкретных миротворческих миссий, выявить закономерности их функционирования и определить факторы успеха или неудач. Сравнительный анализ стал основой для сопоставления опыта миротворчества в ДРК с аналогичными операциями в ЦАР и Сомали с целью выявления общих тенденций и особенностей регионального миротворчества. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идет о том, что в процессе работы было установлено, что эволюция миротворчества в Африке южнее Сахары характеризуется формированием нового типа гибридных операций, сочетающих традиционные мандаты наблюдения с применением современных технологий (БПЛА) и расширенными полномочиями по применению силы, что качественно отличает современные миссии от классических «буферных» операций 1990-х годов. Кроме того, автором доказано, что последовательная модель развёртывания миротворческих сил (когда региональные организации действуют на начальном этапе кризиса, а затем передают полномочия структурам ООН) обеспечивает более высокую эффективность операций по сравнению с параллельными форматами взаимодействия, что объясняется устранением дублирования функций и конфликта компетенций между международными акторами. Наконец, по результатам исследования было выявлено, что тенденция «африканизации» миротворчества проявляется в постепенном смещении центра ответственности от глобальных структур к региональным и субрегиональным организациям (АС, САДК), что формирует новую архитектуру международной безопасности, основанную на принципе субсидиарности и региональной специализации в урегулировании конфликтов. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение: Роль миротворчества ООН в Африке», где ставится научная проблема изучения миротворчества в Африке южнее Сахары, обосновывается актуальность ее решения, формулируются цель и задачи исследования, определяются методологические принципы и хронологические рамки анализа; - «Институциональное развитие регионального миротворчества», где исследуются создание и функционирование специализированных структур Африканского

союза в сфере безопасности, анализируется эволюция сотрудничества между ООН и АС с 1960-х годов до современного этапа; - «Роль ООН в стабилизации ситуации в Демократической Республике Конго», где детально рассматривается деятельность МООНДРК с 1999 года, её достижения и ограничения в контексте Второй конголезской войны; - «Расширение мандата и формирование МООНСДРК», где анализируется трансформация миссии в 2010 году, внедрение инновационных технологий и создание Бригады оперативного вмешательства; - «Противоречия миротворческих усилий, новая эскалация и роль САДК», где исследуются современные вызовы миротворчеству, включая критику со стороны властей ДРК и подключение субрегиональных организаций к урегулированию конфликта; - «Заключение», где резюмируются итоги проведенного исследования, обобщаются основные выводы о факторах эффективности миротворчества и перспективах развития гибридных моделей сотрудничества международных организаций и намечаются перспективы дальнейших исследований. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, злоупотребление вводными конструкциями «стоит отметить», «следует сказать» и др.; или смешение научного стиля с просторечным «пока не становилась камнем преткновения»; или просто стилистически неудачные решения вроде «подтверждением улучшения положения является проведение [нагромождение падежей - рец.]», «в нынешней конъюнктуре [некорректный предлог - рец.] Миссия ООН по стабилизации», «несёт потенциальную угрозу конфронтации [угрозу конфронтации? - рец.]», «методологическая основа исследования опирается на... [основа опирается? - рец.]»; и др.) и грамматических (например, несогласованные предложений «Важно особенность взаимодействия ООН и АС...», «...Можно говорить о недостаточно результативном сотрудничества...»; и др.) погрешностей, но в целом он написан более или менее грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 20 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место в вводной части статьи и подтверждается библиографическим списком. В числе безусловных достоинств рецензируемой статьи можно отметить высокую научную актуальность и практическую значимость выбранной темы, а также солидную эмпирическую базу, привлеченную для анализа. Исследование демонстрирует глубокое знание фактологического материала и источников базы, автор свободно оперирует конкретными резолюциями Совета Безопасности ООН, датами ключевых событий и именами политических деятелей, что свидетельствует о серьёзной подготовительной работе и профессиональном подходе к анализу международных отношений. Работа отличается сбалансированным подходом к оценке миротворческих операций, автор не ограничивается описанием успехов, но честно анализирует неудачи и ограничения международных миссий, что повышает научную объективность исследования и его практическую ценность для выработки рекомендаций.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые ее недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, экспертов-африканистов, изучающих политические процессы на континенте, для специалистов в области мировой политики и международных отношений, исследователей проблем безопасности и конфликтов, миротворчества, а также для студентов и аспирантов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Национальная безопасность / nota bene». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации при условии устранения стилистических и грамматических

погрешностей.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Миротворчество ООН и Африканского союза в Африке южнее Сахары: опыт ДР Конго и региональные кейсы» представляет собой значимый вклад в изучение миротворческих усилий международных организаций в одном из самых конфликтогенных регионов мира. Предметом исследования являются механизмы взаимодействия ООН и Африканского союза (АС) в контексте миротворческих операций, с особым акцентом на Демократическую Республику Конго. Автор статьи демонстрирует глубокое понимание сложностей, с которыми сталкиваются миротворческие миссии, а также факторов, влияющих на их эффективность. Методология исследования опирается на подходы неолиберального институционализма и метод кейс-стади, что позволяет автору детально проанализировать конкретные примеры, такие как операции в ДР Конго, Центральноафриканской Республике и Сомали. Это делает исследование актуальным и значимым, так как оно не только освещает существующие проблемы, но и предлагает пути их решения.

Актуальность темы не вызывает сомнений, учитывая продолжающиеся конфликты и гуманитарные кризисы в Африке южнее Сахары. Статья подчеркивает необходимость более эффективного сотрудничества между ООН и АС, особенно в условиях, когда традиционные подходы к миротворчеству часто оказываются недостаточными для разрешения затяжных конфликтов. Научная новизна исследования заключается в акценте на «африканизацию» миротворчества и внедрении новых технологий, таких как использование беспилотных летательных аппаратов, что является важным шагом в эволюции миротворческих операций.

Структура статьи логична и последовательно развивает основные идеи. Автор начинает с исторического контекста миротворчества в Африке, затем переходит к анализу институционального развития АС и ООН, а в заключительной части рассматривает конкретные примеры операций. Однако в некоторых местах текст перегружен деталями, что может затруднить восприятие основной идеи. Стиль изложения в целом научный, но местами требует большего внимания к ясности и доступности, чтобы сделать материал более понятным для широкой аудитории.

Библиография статьи достаточно обширна и включает как отечественные, так и зарубежные источники, что подчеркивает многогранный подход автора к исследуемой проблеме. Тем не менее, было бы полезно добавить больше актуальных исследований по теме, особенно касающихся новых тенденций в миротворческой практике.

Несмотря на обозначенные выше критические замечания, статья представляет собой важный вклад в научное обсуждение миротворчества в Африке южнее Сахары и может

быть интересна как исследователям, так и практикам в области международных отношений и безопасности. Автору следует в последующих исследованиях обратить внимание на упрощение изложения и более четкое структурирование материала для повышения его доступности. В целом, работа демонстрирует высокий уровень аналитики и понимания сложных процессов, происходящих в регионе, и открывает новые горизонты для дальнейших исследований в области международного миротворчества. Статья может быть рекомендована к публикации.

Национальная безопасность / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Ротко А.Г. Пределы легитимности: личная свобода и государственная безопасность в политико-правовом сравнении // Национальная безопасность / nota bene. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.5.75032 EDN: ACFRIX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75032

Пределы легитимности: личная свобода и государственная безопасность в политико-правовом сравнении

Ротко Андрей Геннадьевич

Магистр; Институт проблем безопасности; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

109012, Россия, г. Москва, Таганский р-н, Славянская пл., д. 4 стр. 2

✉ agrotko@edu.hse.ru

[Статья из рубрики "Компаративный анализ систем безопасности"](#)

DOI:

10.7256/2454-0668.2025.5.75032

EDN:

ACFRIX

Дата направления статьи в редакцию:

30-06-2025

Дата публикации:

03-12-2025

Аннотация: Предметом исследования является политико-правовая природа легитимности ограничений прав личности в контексте обеспечения государственной безопасности. Объектом анализа – модели нормативного и институционального регулирования баланса между личной свободой и государственным интересом в условиях трансформации угроз и кризисов легитимности. Автор рассматривает философские основания понятия легитимности, типологию ограничений прав, риторику угроз и политико-правовые особенности Китая, России, США и Европейского союза. Цель статьи – выявить нормативные и дискурсивные механизмы легитимации ограничений свободы в условиях угроз безопасности. В качестве гипотезы выдвинуто предположение о смещении баланса в сторону приоритета государственной

безопасности при снижении уровня процедурной подотчётности. Методология основана на синтезе философии права, сравнительно-правового и критического дискурс-анализа, позволяющем выявить нормативно-ценностные основания моделей легитимности. В результате анализа выделены четыре модели соотношения свободы и безопасности – от идеологического контроля до правовой подотчётности. Установлено, что универсальный подход к определению допустимых ограничений невозможен без учёта правовой культуры и риторических конструкций угроз. Практическая значимость – в применении результатов для оценки допустимости ограничений и разработки актов в сфере цифровой безопасности. Методология исследования включает философию права, сравнительно-правовой анализ и критический дискурс-анализ, что позволяет выявить нормативные, институциональные и риторические механизмы легитимации ограничений прав личности в различных политико-правовых системах. Новизна исследования заключается в комплексном философско-правовом и сравнительно-правовом анализе легитимности ограничений прав личности в условиях трансформации политico-правового порядка и роста исключительных режимов. В отличие от существующих работ, автор объединяет нормативные, институциональные и дискурсивные подходы, что позволяет выявить глубинные различия моделей легитимации в авторитарных и либеральных юрисдикциях. Особым вкладом автора является разработка типологии моделей легитимности (КНР, РФ, США, ЕС) и выявление взаимосвязи между уровнем институциональной подотчётности и допустимостью ограничений. Основными выводами проведенного исследования являются: невозможность универсализации баланса между свободой и безопасностью; наличие устойчивых дискурсивных механизмов нормализации исключения; и необходимость переосмысления понятий «угроза» и «легитимность» в рамках правового анализа.

Ключевые слова:

Легитимность, Государственная безопасность, Личные свободы, Ограничение прав, Суверенитет, Исключительный режим, Политико-правовой дискурс, Сравнительный анализ, Правовая культура, Философия права

Введение

Современное переосмысление границ легитимного вмешательства государства в частную жизнь индивида в целях обеспечения безопасности приобретает особую значимость в условиях глобальной нестабильности, цифрового контроля и кризисов легитимности. На протяжении столетий концепция государственного интереса служила краеугольным камнем политico-правового регулирования, однако её содержательное наполнение варьировалось в зависимости от политической культуры, уровня институционального развития и философии власти. Сегодня, когда перед государствами встают вызовы, выходящие за пределы классической сферы военной угрозы – от трансграничной киберпреступности до биополитического управления, – возникает необходимость пересмотра баланса между правами личности и интересами государства.

Философские основания проблемы восходят к концепциям Т. Гоббса^[1] и Дж. Локка^[2], по-разному трактующим границы допустимого ограничения свободы. Для Гоббса безопасность обеспечивается всевластным сувереном в обмен на отказ от части свобод; Локк, напротив, отстаивал идею естественных прав, подлежащих защите даже от легитимной власти. В XX веке данные подходы развивались у К. Шmitta^[3], выделявшего

суверена как принимающего решение об исключении, и у М. Фуко^[4], анализировавшего дисциплинарные практики модерного государства. Теория «bare life» Дж. Агамбена^[5] и концепция коммуникативной легитимности Ю. Хабермаса^[6] ставят под вопрос допустимость государственного вмешательства, особенно в условиях чрезвычайных режимов.

В научной литературе прослеживается расхождение между нормативно-юридическим и критическим подходами к ограничению прав. В либеральной традиции (R. Dworkin^[7], D. Dyzenhaus^[8], J. Rawls^[19], R. Nozick^[20]) приоритет отдается защите формальных прав даже в условиях чрезвычайного положения. В частности, Дж. Ролз настаивал на институциональных гарантиях равного уважения к правам всех граждан, в то время как Р. Нозик выступал за минимальное государство, лишённое полномочий широкого регулирования во имя общественного блага. В противоположность этим подходам критическая школа (G. Agamben, D. Bigo^[22]) акцентирует внимание на институционализации исключения как новой нормы. Представители Копенгагенской школы (B. Buzan^[24], O. Wæver^[25]) рассматривают безопасность как риторически сконструированный процесс (секьюритизацию), позволяющий выйти за пределы нормального политического порядка. Оппоненты радикального критицизма — B. Honig^[14], J. Bartelson^[15] — указывают на опасности пессимистического взгляда и игнорирования устойчивых форм институциональной подотчётности.

На практике реализуются противоположные подходы: от приоритета государственной безопасности и концепта суверенного контроля (в централизованных системах) до парадигмы «human security», в рамках которой акцент переносится на защиту достоинства и прав личности. Соответственно формируются различные основания легитимности: правовая, коммуникативная, утилитарная, харизматическая.

Несмотря на развитие теории, наблюдается дефицит междисциплинарных исследований, одновременно критически осмысливающих понятие государственного интереса и легитимность ограничения прав личности в сравнительной перспективе. В политико-правовой практике сохраняется разрыв между риторикой универсальности прав человека и их ограничением в интересах национальной безопасности. Эти противоречия особенно обостряются в условиях трансформации международной системы, когда классическая иерархия суверенитета сменяется гибридными режимами управления.

Цель исследования — выявить, как в современных политико-правовых системах формируется и легитимируется граница между личной свободой и государственной безопасностью.

Гипотеза: в условиях усложнения угроз и деформации институтов правовой защиты происходит смещение приоритета в сторону усиления государственного контроля, что требует пересмотра нормативных оснований легитимности.

Методология исследования включает философию права, политическую теорию, сравнительно-правовой анализ и критический дискурс-анализ. Такой синтез позволяет выявить не только формальные основания приоритета безопасности, но и нормативные механизмы легитимации власти в различных политико-правовых системах.

Статья состоит из четырёх разделов: философские основания государственного интереса; сравнительный анализ моделей легитимации безопасности (РФ, КНР, ЕС, США); нормативные основания допустимости ограничений; выводы о границах

легитимности в современном мире.

Материалы и методы

Настоящее исследование базируется на междисциплинарном подходе, сочетающем философию права, политическую теорию, сравнительно-правовой анализ и критический дискурс-анализ. Такой синтез позволяет выявить не только формальные основания приоритета безопасности, но и онтологические и нормативные механизмы легитимации власти в различных политико-правовых системах.

Выбор методологии обусловлен стремлением дополнить традиционный юридический позитивизм подходами, позволяющими более глубоко анализировать нормативные предпосылки власти и формы её легитимации в условиях политической риторики. Исследование сосредоточено на взаимодействии права, идеологии и политической риторики в условиях кризисов легитимности.

Во-первых, применяются философско-правовые методы: интерпретация ключевых концепций (Гоббс^[1], Локк^[2], Шмитт^[3], Фуко^[4], Агамбен^[5], Хабермас^[6]) и нормативный анализ понятий «суверенитет», «право», «исключение», «порядок», «государственный интерес».

Во-вторых, используется сравнительно-правовой анализ моделей соотношения свободы и безопасности в четырёх юрисдикциях: РФ, КНР, ЕС и США. Критерии сопоставления включают нормативные основания, публичную риторику, институциональные формы ограничений, судебную практику и доктрины.

В-третьих, применяется критический дискурс-анализ, основанный на работах Н. Фэркрофа, Т. ван Дейка, В. Honig^[14] и И. Берлина^[21] (о позитивной и негативной свободе). КДА позволяет выявить риторические конструкции — «угрозы стабильности», «национальная безопасность», «чрезвычайные обстоятельства» — легитимирующие власть.

Источники дискурса: стратегии национальной безопасности, послания глав государств, нормативные акты, пояснительные записки, публичные выступления. Эмпирическая база включает ключевые документы, принятые в период введения ограничительных мер (Patriot Act, GDPR, закон КНР о нацбезопасности, российские стратегии и закон «О безопасности»).

Также используются общелогические методы (анализ, синтез, дедукция, абстрагирование), позволяющие выявить инварианты моделей легитимации, их структурные различия и политico-правовую динамику.

Результаты

В ходе сравнительно-правового и философско-правового анализа были выделены четыре модели соотношения личной свободы и государственной безопасности, соответствующие ключевым политico-правовым системам: Китайская Народная Республика, Российская Федерация, Соединённые Штаты Америки и Европейский союз. Сравнение осуществлялось по пяти параметрам: тип легитимации безопасности, нормативная база, приоритет в соотношении «личность — государство», а также юридический подход к допустимости ограничения прав (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Сравнение моделей безопасности и свободы

|--|--|--|--|

Страна/субъект	Тип легитимации безопасности	Приоритет свободы государства /	Нормативная база	Подход ограничения прав
Китай	Политико-идеологическая (суверенитет, партийный контроль)	Приоритет государства	Закон о национальной безопасности (2015), Конституция КНР	Рассматриваются как инструмент обеспечения стабильности
Россия	Конституционно-законодательная с акцентом на государственные интересы	Приоритет государства с отдельными гарантиями	Конституция РФ, федеральные законы о безопасности, стратегии	Допустимы наличия угроз через правовой механизм
США	Либерально-демократическая, права личности как ограничитель власти	Приоритет личности с возможностью ограничений	Конституция США, Bill of Rights, Patriot Act	Только в условиях угроз строго регулируются судами
ЕС	Коммуникативно-правовая, баланс интересов и прав человека	Баланс прав и интересов с доминированием принципа пропорциональности	Хартия ЕС, ЕКПЧ, GDPR	Допустимы соблюдении принципов необходимости соразмерности

Источник: составлено автором на основе: Hobbes T. *Leviathan* (1651); Locke J. *Two Treatises of Government* (1689); Schmitt C. *Political Theology* (1922); Foucault M. *Discipline and Punish* (1975); Agamben G. *Homo Sacer* (1995); Habermas J. *Between Facts and Norms* (1992); Neocleous [\[11\]](#) M. (2008); Fraser [\[12\]](#) N. (1997); *Human Rights Watch* [\[18\]](#) (2020); Смирнова Н. И. (2022); Иванов В. П. (2021); Овчинников А. И. (2020).

На основе представленных данных можно сделать следующие обобщения:

Во-первых, в странах с централизованной политико-правовой структурой (КНР и РФ) доминирует подход, в рамках которого безопасность легитимируется через риторику устойчивости, при этом, как подчёркивает Н.И. Смирнова, подобная модель опирается не столько на процедурную проверку, сколько на апелляцию к риторике угроз, тем самым нормализуя исключение [\[16\]](#). Дополнительно, В.П. Иванов указывает, что государственный интерес трактуется как правовая доминанта, подчиняющая частную автономию целям стабильности [\[17\]](#). через дискурс государственного суверенитета и устойчивости. Ограничения прав личности воспринимаются как допустимые и даже необходимые меры в условиях актуализации внутренних и внешних угроз. В КНР это обоснование тесно связано с идеологическим контролем и партийной линией, а в России — с опорой на правовое закрепление приоритета государственной безопасности в официальных стратегических документах.

Во-вторых, в США и странах ЕС наблюдается иная нормативная логика: безопасность мыслится через призму прав человека, а ограничения допускаются лишь в исключительных случаях и подлежат судебной проверке. В США данный подход обоснован либеральной правовой традицией и конституционными ограничениями, тогда

как в ЕС ключевую роль играет принцип соразмерности, институционализированный в практике Европейского суда по правам человека.

Тем не менее, необходимо подчеркнуть, что даже в этих юрисдикциях соответствующие правовые механизмы подвергаются критике. Так, M. Neocleous^[11] указывает на юридическую размытость понятия пропорциональности, что делает его уязвимым для политических интерпретаций. Аналогичные опасения озвучиваются и в отношении США, где практика исключительных мер часто балансирует на грани между конституционным контролем и латентной нормализацией чрезвычайных полномочий. В ряде случаев американские суды, традиционно считающиеся оплотом защиты гражданских свобод, демонстрировали высокую степень деференции в вопросах национальной безопасности, особенно в области внешней политики и иммиграции^[26]. Это создало ситуацию, при которой даже фундаментальные принципы *due process* подвергались ослаблению. Принцип соразмерности, лежащий в основе проверки допустимости ограничений, по-прежнему служит ключевым ориентиром как для американской, так и для британской судебной практики. Как показывает D. Lowe, даже после разоблачений Эдварда Сноудена суды в обеих странах стремились выработать баланс между необходимостью превентивных мер и защитой прав личности, полагаясь на анализ в духе пропорциональности^[28].

В ряде юрисдикций механизм допустимости ограничений прав личности получил развитие в рамках судебной практики. Так, в решении Европейского суда по правам человека по делу *Gillan and Quinton v. United Kingdom* (решение от 12 января 2010 г., жалоба № 4158/05, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-96585>, дата обращения: 01.06.2025) было установлено, что предоставление полиции полномочий на досмотр лиц и транспортных средств без достаточной правовой процедуры нарушает ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека. Суд подчеркнул необходимость правовой определённости, пропорциональности и независимого контроля. Аналогичным образом, в деле *Boumediene v. Bush* (решение Верховного суда США от 12 июня 2008 г., № 06-1195) было признано, что лишение доступа к судебному обжалованию содержания в условиях военного конфликта нарушает фундаментальные принципы *due process* и верховенства права (URL: <https://www.supremecourt.gov/opinions/07pdf/06-1195.pdf>, дата обращения: 01.06.2025).

В-третьих, наблюдается различие в инструментах легитимации: от нормативно-закреплённой необходимости и угроз до процедурных механизмов (публичное обсуждение, судебный контроль, принцип пропорциональности). Это указывает на различие в понимании роли государства — как гаранта порядка (КНР, РФ) или как модератора баланса интересов (ЕС, США).

Наконец, полученные результаты подтверждают, что универсальная модель легитимности в сфере безопасности невозможна без учёта контекста правовой культуры, доминирующей философии власти и механизмов институционального доверия. Более того, попытка представить авторитарные модели как функциональные аналоги либеральных стандартов вызывает сомнение с точки зрения универсальных прав человека. Как подчёркивает N. Fraser^[12], без процедурной и социальной подотчётности легитимация утрачивает критический ресурс и становится формальной оболочкой политического контроля. Human Rights Watch^[18] и Amnesty International^[23] в свою очередь фиксируют случаи системного злоупотребления доктриной угрозы как основания для репрессивных мер в ряде юрисдикций.

Для более глубокого сопоставления моделей ограничений личной свободы и выявления институционально-дискурсивных оснований их легитимации составлена таблица (см. Таблицу 2).

Таблица 2. Институциональные и дискурсивные основания ограничения прав личности в сравнительной перспективе

Критерий	КНР	РФ	США	ЕС
Тип легитимации	Идеологическая (партийный контроль, стабильность)	Нормативно-государственная (государственные интересы)	Конституционно-либеральная (индивидуальные свободы)	Коммуни права права и и
Основание для ограничения прав	«Национальное единство», «угроза стабильности»	«Защита конституционного строя», «общественный порядок»	«Национальная безопасность», «террористическая угроза»	«Права «общественности» необходимы
Механизм проверки допустимости	Внутрипартийный контроль, закрытые процедуры	Ограниченный судебный и административный контроль	Полноценная судебная проверка (в т.ч. Верховный суд)	Судебная практика принцип соразмерности
Степень институциональной подотчётности	Низкая (жёсткая иерархия)	Средняя (ограниченная подотчётность)	Высокая (независимые суды и парламентский контроль)	Высокая (многоуровневая судебная система)
Характер угрозы (в дискурсе)	Идеологически конструируемая	Гибридная: реальные риторические конструкции	+ Формализованная, проверяемая	Интерпретация практики
Форма артикуляции угрозы	Гос СМИ, партийные документы	Стратегии, послания, законопроекты	Парламентские слушания, суды, отчёты спецслужб	Решения заключительной комиссии правозащиты

Источник: составлено автором на основе: Конституции и национальных стратегий безопасности КНР, РФ, США и ЕС; GDPR; Patriot Act; Европейской конвенции по правам человека; данных Human Rights Watch^[18]; van Dijk^[91] T. (2008); Fairclough^[10] N. (2010); Fraser^[12] N. (1997); Neocleous^[11] M. (2008); Glennon^[13] M. (2014); Овчинников А. И. (2020); Смирнова Н. И. (2022).

Представленные в таблицах результаты подтверждают, что различия между странами выходят за рамки правовых формулировок и касаются глубинных характеристик легитимации — от риторики угроз до институциональных механизмов подотчётности. Институциональный уровень, а также способы публичной артикуляции угроз формируют устойчивые модели «нормального исключения» (КНР, РФ) или процедурной фильтрации (США, ЕС), что свидетельствует о фундаментальном расхождении философии власти. Это делает невозможным единый нормативный подход и требует рассмотрения легитимации в перспективе критического анализа риторики, норм и институтов, что станет предметом следующего раздела.

Обсуждение

Полученные в ходе исследования результаты демонстрируют, что граница между личной свободой и государственной безопасностью не может быть универсализирована в рамках единой нормативной модели. Она формируется в конкретных историко-политических и правовых контекстах, отражающих фундаментальные ценностные ориентации соответствующих обществ. Это подтверждает релевантность философско-правового подхода, в рамках которого безопасность рассматривается не только как эмпирическое или нормативное явление, но и как дискурсивный конструкт, определяющий структуру политического порядка.

Согласно позиции Ю. Хабермаса^[6], легитимность современной власти невозможна вне процедурной рациональности и публичного обоснования. Однако данная модель требует высокого уровня демократического участия, развитых форм гражданского контроля и инклюзивного публичного пространства. В этом контексте особенно показателен подход Дж. Ролза^[19], настаивавшего на приоритете равенства возможностей и уважения к индивиду в условиях справедливого общественного устройства. Тем не менее, критики, включая Роберта Нозика^[20], предупреждают об угрозе чрезмерного государственного вмешательства даже под лозунгами справедливости.. Как подчёркивает N. Fraser^[12], институциональные условия демократического диалога не даны априори, а зависят от степени структурного неравенства и политической культуры. G. Rose также отмечает, что хабермасианская нормативная рамка исключает возможность радикального конфликта, предполагая консенсус, которого зачастую не существует в реальной политике.

В то же время подход Дж. Агамбена^[5], акцентирующий внимание на институционализации исключения и трансформации временных ограничений в перманентную норму, подвергается критике как чрезмерно тотализирующий и пессимистичный. Так, B. Honig^[14] указывает, что концепция «голой жизни» рискует обесценить устойчивые механизмы правовой защиты и сопротивления, превращая субъектов в априорно лишённых политической субъектности. D. Dyzenhaus^[8], в свою очередь, развивает идею «верховенства права в условиях чрезвычайного положения», подчёркивая возможность институционального ограничения власти даже в моменты кризиса. Его теория предлагает нормативную альтернативу «суверенному произволу» Шмитта^[3], основываясь на идее «права на закон даже во времена исключения».

На этом фоне концепция «human security», сформулированная в докладах ООН и развитая в политико-правовой теории, предлагает смещение фокуса: от защиты границ — к защите условий достойной жизни индивида. В странах ЕС и отчасти в США эта модель постепенно институционализируется через судебную практику и нормативные акты. Однако, как показывают данные сравнительного анализа, в ряде юрисдикций доминирует парадигма «государство как субъект безопасности, личность — как объект защиты», в рамках которой права могут ограничиваться без достаточного уровня процедурной проверки. Amnesty International в своём ежегодном докладе за 2020–2021 годы подчёркивает, что меры, вводимые под предлогом борьбы с терроризмом или киберугрозами, нередко лишены соразмерности и ведут к расширению дискреционных полномочий^[23].

В российском контексте примерами трансформации временных исключений в устойчивую норму могут служить меры, введённые в условиях пандемии COVID-19, включая ограничения на массовые мероприятия, режим цифровых пропусков и систему QR-

сертификации.

Особенно это заметно в условиях цифрового контроля и биометрического управления, где безопасность становится не столько целью, сколько оправданием расширения компетенций государства. Как отмечает T. van Dijk^[9], риторика угрозы служит не только для описания опасности, но и для мобилизации общества вокруг репрессивных или исключительных мер. В этом контексте понятие «угрозы» утрачивает устойчивое содержание и становится элементом манипулятивной политики, направленной на концентрацию власти.

Таким образом, философско-правовой анализ подтверждает: ключевая проблема заключается не в антиномии свободы и безопасности как таковой, а в отсутствии устойчивых механизмов проверки обоснованности ограничений, недостатке процедурной подотчётности и нормативной неопределенности понятий «угроза» и «исключение». В условиях, когда правовая система не способна противостоять экспансии чрезвычайного дискурса, возникает риск подмены правопорядка режимом безопасности, функционирующим по логике исключения.

Заключение

Настоящее исследование показало, что соотношение личной свободы и государственной безопасности представляет собой не столько юридическую, сколько философско-нормативную проблему, решение которой невозможно без учёта контекста правовой культуры, типов легитимации власти и форм институционального доверия. На основе сравнительного анализа политico-правовых систем Китая, России, ЕС и США были выявлены различные модели приоритезации интересов: от парадигмы суверенитета и стабильности — к модели защиты человеческого достоинства и процедурной подотчётности.

Проведённый философско-правовой и компаративный анализ подтвердил гипотезу о том, что в условиях актуализации многофакторных угроз наблюдается общее смещение нормативного баланса в сторону усиления государственного контроля. При этом механизмы легитимации ограничений варьируются: от идеологических и нормативных (в КНР и РФ) до процедурно-коммуникативных (в ЕС и США), что обуславливает принципиальные различия в подходах к определению допустимых границ вмешательства в частную сферу.

Исследование также выявило, что ни одна из современных моделей не является универсальной. Более того, каждая из них сталкивается с вызовами: в одних случаях — это дефицит механизмов подотчётности и судебного контроля, в других — угроза фрагментации государственной ответственности в условиях многоуровневого регулирования. Это подчёркивает необходимость мета-рефлексии — критического осмыслиения самих оснований понятий «угроза», «исключение» и «легитимность», выходящего за пределы традиционных рамок позитивного права.

Таким образом, исследование выступает не только как инструмент анализа нормативных моделей, но и как критика оснований самих понятий «угроза» и «легитимность», что сближает его с подходами N. Fraser^[12] и J. Bartelson^[15]. Дополнительно, в контексте философии власти уместно вспомнить дилемму И. Берлина между позитивной и негативной свободой, позволяющую выявить глубинные различия между нормативными основаниями авторитарных и либеральных режимов^[21]. Вместе с тем в статье сохраняется приверженность основополагающим принципам правового государства,

включая идею верховенства права и неприкосновенности достоинства личности, как это обосновано в трудах R. Dworkin^[7] и D. Dyzenhaus^[8].

Результаты работы могут быть использованы для:

1. экспертной оценки допустимости ограничений прав человека в условиях чрезвычайных режимов;
2. разработки нормативных актов в области цифрового суверенитета и безопасности;
3. построения аналитических моделей правовой фильтрации рисков в национальных стратегиях;
4. формирования новых подходов к оценке легитимности мер в транснациональной политико-правовой практике.

Таким образом, дискуссия о пределах легитимности государственной власти в сфере безопасности требует отказа от бинарного противопоставления свободы и порядка и перехода к многоуровневому нормативному подходу, в центре которого — человеческое достоинство, правовая определённость и процедурная прозрачность. Ранее предпринятый автором анализ институциональных и нормативных оснований участия негосударственных акторов в обеспечении общественной безопасности в условиях современных вызовов показал, что фрагментарность правового регулирования и отсутствие комплексного подхода к легитимации таких субъектов создаёт предпосылки для усиления дискурса исключения и расширения дискреционных полномочий государства^[29]. Настоящая статья продолжает и дополняет обозначенную исследовательскую линию, акцентируя внимание на философско-правовых и компаративных аспектах легитимности ограничений, что позволяет более полно охарактеризовать современные трансформации политico-правового порядка.

Библиография

1. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. с англ. В. Н. Садовского. М.: Мысль, 2001. 512 с.
2. Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. В. Н. Губского. М.: Мысль, 1988. 447 с.
3. Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы о понятии суверенитета / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Канон+, 2005. 176 с.
4. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: ACT, 1999. 424 с.
5. Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь / пер. с ит. С. Зенкина. М.: Европа, 2011. 264 с.
6. Хабермас Ю. Между фактами и нормами: вклад в дискуссию о праве и демократии / пер. с нем. В. Н. Поликарпова. СПб.: Наука, 2001. 528 с.
7. Dworkin R. Taking Rights Seriously. London: Duckworth, 1977. 384 p.
8. Dyzenhaus D. The Constitution of Law: Legality in a Time of Emergency. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 336 p.
9. van Dijk T. A. Discourse and Power. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 256 p.
10. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. London: Longman, 2010. 265 p.
11. Neocleous M. Critique of Security. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008. 192 p.
12. Fraser N. Justice Interruptus: Critical Reflections on the "Postsocialist" Condition. New York: Routledge, 1997. 216 p.

13. Glennon M. National Security and Double Government. Oxford: Oxford University Press, 2014. 272 p.
14. Honig B. Emergency Politics: Paradox, Law, Democracy. Princeton: Princeton University Press, 2009. 240 p.
15. Bartelson J. The Critique of the State. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 260 p.
16. Смирнова Н. И. Права человека и безопасность: нормативные основания ограничения в условиях угроз // Государство и право. 2022. № 5. С. 63–76.
17. Иванов В. П. Суверенитет и права личности в современном государстве // Право и политика. 2021. № 12. С. 14–27.
18. Human Rights Watch. World Report 2020: Events of 2019. New York: Seven Stories Press, 2020. 704 p.
19. Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971. 607 p.
20. Nozick R. Anarchy, State, and Utopia. New York: Basic Books, 1974. 384 p.
21. Berlin I. Two Concepts of Liberty. Oxford: Oxford University Press, 1958. 96 p.
22. Bigo D. Security and Immigration: Toward a Critique of the Governmentality of Unease // Alternatives. 2002. Vol. 27(1). P. 63–92. EDN: ЕНРКАВ
23. Amnesty International. Annual Report 2020/2021. London: Amnesty International Publications, 2021. 408 p.
24. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998.
25. Wæver O. Securitization and Desecuritization // In: On Security / Ed. by R. D. Lipschutz. New York: Columbia University Press, 1995. P. 46–86.
26. Lutz J. M., Ulmschneider G. W. Civil liberties, national security and U.S. courts in times of terrorism // Perspectives on Terrorism. 2019. Vol. 13(3). P. 35–47.
27. Montasari R. Artificial Intelligence and National Security. Cham: Springer, 2022. 236 p. DOI: 10.1007/978-3-031-06709-9.
28. Lowe D. Surveillance and international terrorism intelligence exchange: Balancing the interests of national security and individual liberty // Terrorism and Political Violence. 2016. Vol. 28(4). P. 653–673. DOI: 10.1080/09546553.2014.918880.
29. Ротко А.Г. Институционализация негосударственной системы обеспечения общественной безопасности в контексте современных вызовов национальной безопасности Российской Федерации // Национальная безопасность / nota bene. 2025. № 3. С. 1–10. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.3.74732 EDN: ZOXOOS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74732

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой работе выступают личная свобода и государственная безопасность, в статье исследуется как в современных политико-правовых системах формируется и легитимируется граница между этими категориями. Методология исследования базируется на использовании философских концепций, трактующих границы допустимого ограничения свободы; нормативно-юридического и критического подходов к ограничению прав; проведении сравнительно-правового анализа и критического дискурс-анализа, использовании общелогических методов

(анализ, синтез, дедукция, абстрагирование).

Актуальность работы авторы связывают с необходимостью пересмотра баланса между правами личности и интересами государства в условиях, когда перед государствами встают вызовы, выходящие за пределы классической сферы военной угрозы — от трансграничной киберпреступности до биополитического управления, а также с дефицитом междисциплинарных исследований, одновременно критически осмысливающих понятие государственного интереса и легитимность ограничения прав личности в сравнительной перспективе.

Научная новизна рецензируемого исследования состоит в выводах о том, что дискуссия о пределах легитимности государственной власти в сфере безопасности требует отказа от бинарного противопоставления свободы и порядка и перехода к многоуровневому нормативному подходу, а также в обобщении сведений о механизмах легитимации ограничений в политico-правовых системах Китая, России, ЕС и США.

Структурно в статье выделены следующие озаглавленные разделы: Введение, Результаты, Обсуждение, Заключение и Библиография.

В публикации проведено сравнение моделей безопасности и свободы в различных странах: Китае, России, США и странах ЕС по таким признакам как: тип легитимации безопасности, приоритет свободы / государства, нормативная база, подход к ограничениям прав. На основе этого сделаны обобщения, отраженные в трёх пунктах. Кроме этого разработана аналитическая таблица «Институциональные и дискурсивные основания ограничения прав личности в сравнительной перспективе», в которой отражены особенности ограничений в различных странах по следующим критериям: Тип легитимации, Основание для ограничения прав, Механизм проверки допустимости, Степень институциональной подотчётности, Характер угрозы (в дискурсе), Форма артикуляции угрозы. Авторы приходят к заключению о том, что соотношение личной свободы и государственной безопасности представляет собой не столько юридическую, сколько философско-нормативную проблему, решение которой невозможно без учёта контекста правовой культуры, типов легитимации власти и форм институционального доверия.

Библиографический список включает 29 источников — научные публикации отечественных и зарубежных авторов на русском и иностранных языках по рассматриваемой теме. На источники, приведенные в разделе «Библиография» по тексту приводятся адресные ссылки, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Рецензируемый материал соответствует направлению журнала «Национальная безопасность / *nota bene*», может вызвать интерес у читателей, материал рекомендуется к опубликованию.

Национальная безопасность / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Асадов Р.Б. Язык права как ресурс национальной безопасности России: концепция юрислингвистической конвергенции // Национальная безопасность / nota bene. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.5.76851 EDN: CHQCIR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76851

Язык права как ресурс национальной безопасности России: концепция юрислингвистической конвергенции

Асадов Раму Беюханович

старший преподаватель; Юридический институт, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
главный редактор: Диалог (www.npzhdialog.ru)

600026, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Горького, д. 87

 asadov@npzhdialog.ru

[Статья из рубрики "Правовое обеспечение национальной безопасности"](#)

DOI:

10.7256/2454-0668.2025.5.76851

EDN:

CHQCIR

Дата направления статьи в редакцию:

19-11-2025

Аннотация: Предметом исследования в статье выступает юрислингвистическая конвергенция как особое направление взаимодействия языка права и национальной безопасности России. Анализируется, каким образом качество правового языка, его понятность и терминологическая согласованность влияют на состояние лингвистической и экономической безопасности, доверие к государственным институтам, а также на восприятие ключевых политico-правовых решений в обществе. В центре внимания находятся нормативные конструкции, используемые в языковой политике, регулировании образования, информационной сфере и санкционной повестке. Особое внимание уделяется тому, как правовые дефиниции соотносятся с реальными коммуникативными практиками и могут рассматриваться в качестве ресурса укрепления национальной безопасности, а не только как технический инструмент описания норм. Дополнительно предмет исследования охватывает институциональные механизмы обеспечения юрислингвистической конвергенции. Исследование основано на сочетании формально-юридического и сравнительно-правового методов с юрислингвистическим анализом языка права; используются элементы доктринального анализа, интерпретации

нормативных актов и изучения текстов, отражающих санкционную и языковую политику. Научная новизна исследования заключается в концептуализации юрислингвистической конвергенции как самостоятельного фактора национальной безопасности России и в ее разграничении с категорией лингвистической безопасности. В статье предлагается авторское понимание юрислингвистической конвергенции как процесса согласования языка права и реальных коммуникативных практик в сферах языковой политики, образования, информационной повестки и санкционной политики. Показано, что согласованность терминологии, единообразие ключевых дефиниций и учет восприятия юридических формулировок населением прямо влияют на стабильность правоприменения, доверие к государственным институтам и эффективность мер по обеспечению экономической безопасности. Дополнительную новизну составляет предложение критериев оценки степени такой конвергенции, позволяющих выявлять зоны повышенного риска в языковой и экономико-правовой сферах. Обосновано, что юрислингвистическая конвергенция должна рассматриваться как структурный элемент системы национальной безопасности.

Ключевые слова:

национальная безопасность, язык права, лингвистическая безопасность, юрислингвистическая конвергенция, языковая политика, государственный язык, санкционная политика, экономическая безопасность, лингвистическая экспертиза, правовое регулирование

Введение

В российской юридической доктрине национальная безопасность обычно определяется как состояние защищенности личности, общества и государства от угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод, устойчивое развитие и суверенитет страны [\[1, с. 72-73\]](#). В последние годы в рамках этого подхода подчеркивается значимость гуманитарной составляющей: стабильность правопорядка связывается не только с экономическими и военными факторами, но и с состоянием коммуникативной среды, единообразием правового языка, качеством публичного дискурса. Языковая политика перестает быть «мягким» культурным направлением и приобретает стратегическое значение, поскольку затрагивает основы гражданской идентичности, межнациональных отношений и доверия к государственным институтам [\[2, с. 126-127\]](#). Принятые в 2025 г. Основы государственной языковой политики Российской Федерации закрепляют этот поворот нормативно: в числе целей языковой политики прямо названы обеспечение национальной безопасности в языковой сфере, укрепление единства многонационального народа и общероссийской гражданской идентичности (см. Указ Президента РФ от 11 июля 2025 г. № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 28. Ст. 3958.).

Категория «лингвистическая безопасность» в отечественной литературе сформировалась как междисциплинарная. Е. С. Гриценко, анализируя влияние глобализации, обращает внимание на то, что угрозы здесь проявляются в навязывании иноязычных смысловых схем, способных подрывать устойчивость национальной идентичности и легитимность власти [\[3, с. 9-10\]](#). М. И. Грицко рассматривает лингвистическую безопасность через призму этнокультурного многообразия России, связывая ее с предупреждением

дискриминации по языковому признаку и поддержанием баланса между государственным и национальными языками [\[4, с. 63-65\]](#). Г. Н. Трофимова, напротив, акцентирует не столько функциональные задачи, сколько методологическую проблему: в научном обороте существуют подходы, согласно которым защищается либо сам язык (от разрушения, вытеснения, упрощения), либо человек и его права посредством языка, что создает терминологическую неоднородность и затрудняет выработку стройной системы правовых категорий [\[5, с. 24-25\]](#). О. И. Ястребова и О. А. Гарцуева дополняют картину социально-психологическим аспектом, предлагая понимать лингвистическую безопасность как состояние, при котором языковая среда не рождает устойчивого чувства уязвимости у носителей различных языков [\[6, с. 40-41\]](#). Таким образом, уже на понятийном уровне видно, что речь идет не только о сохранении языков, но и о регулировании коммуникации в интересах прав и свобод человека.

На этом фоне закономерно усиливается интерес к тому, как право и язык взаимодействуют в институциональной плоскости. Для России как многонационального государства принципиально важно сочетать такой процесс с сохранением культурно обусловленных особенностей правового мышления и языка законодательства [\[7, с. 10-12\]](#). Однако феномен юрислингвистической конвергенции как самостоятельный фактор национальной безопасности пока не получил развернутого юридико-догматического анализа. Задача настоящей статьи — предложить авторскую интерпретацию этой конвергенции, исходя из обновленных ориентиров государственной языковой политики и требований защиты национальной идентичности в условиях санкционного и информационного давления [\[2, с. 128-130; 8, с. 23-25\]](#).

Основная часть

1. Понятийный аппарат и место юрислингвистической конвергенции в системе национальной безопасности

Прежде чем анализировать юрислингвистическую конвергенцию, необходимо определить, как языковая проблематика вообще включается в архитектуру национальной безопасности России. В научной и официальной риторике устойчиво закрепилось представление о безопасности как о многомерной системе, включающей, помимо военных и экономических, политические, информационные и культурно-гуманитарные компоненты [\[9, с. 72-74\]](#). Б. А. Жигалев и С. В. Устинкин предлагают рассматривать лингвистическую безопасность как элемент более широкой информационной безопасности, подчеркивая, что именно язык служит каналом распространения деструктивных смыслов, манипулятивных нарративов и технологий символического давления [\[10, с. 33-35\]](#). В их подходе язык выступает не только объектом защиты (как национальное достояние), но и средством защиты — через формирование устойчивых ценностных ориентиров, нормативно закрепленных в образовательной и медиаполитике. Такая трактовка позволяет связать лингвистическую проблематику с общими задачами устойчивого развития и политической стабильности, но в то же время имеет тенденцию размывать собственно правовое измерение вопроса: язык фактически растворяется в информационной среде, а роль права как инструмента ее упорядочения оказывается недооцененной. В настоящей работе, напротив, предлагается исходить из того, что именно правовые механизмы — конституционные нормы о государственном языке, федеральные законы, подзаконные акты и судебная практика — задают «жесткий каркас» для обеспечения безопасности в языковой сфере, тогда как информационные и культурные меры выступают по отношению к нему вспомогательными.

Собственно «лингвистическая безопасность» при таком подходе может быть определена как состояние языковой и коммуникативной среды, при котором, во-первых, гарантируется функционирование русского языка как государственного и языка межнационального общения, во-вторых, обеспечиваются права народов России на сохранение и развитие своих языков, и, в-третьих, предотвращается использование языка как инструмента дестабилизации, разжигания вражды и подрыва доверия к государственным институтам [4, с. 66–70; 6, с. 41–42]. Н. М. Мухаряров, анализируя общественно-политические дискуссии о языковой политике, показывает, что мотивы безопасности в них проявляются в двух плоскостях: защита государства от «чужого влияния» и защита человека от дискриминации и вытеснения из значимых сфер общественной жизни [11, с. 36–38]. Тем самым лингвистическая безопасность оказывается пограничной категорией между государственно-центристским и антропоцентрическим пониманием безопасности. Ю. А. Хатмуллина и А. А. Чекмарев, исследуя русский язык как средство межнационального общения, подчеркивают, что снижение его статуса или ослабление нормативной базы его защиты неизбежно отражается на качестве коммуникаций в многонациональном обществе и, следовательно, на устойчивости федеративного устройства [12, с. 56–57]. Однако при всей важности этих выводов в большинстве работ лингвистическая безопасность описывается преимущественно через социальные эффекты, а правовой язык — язык закона, судебных актов, официальных документов — остается в тени, хотя именно он задает рамки допустимого использования языка в публичной сфере.

Юрислингвистическая конвергенция, в предлагаемом понимании, фиксирует уже не состояние, а процесс: постепенное сближение норм правовой системы и норм языковой (коммуникативной) практики, направленное на снижение рисков, связанных с неоднозначностью, манипулятивностью и фрагментацией правового дискурса. Такое сближение проявляется, по крайней мере, в трех плоскостях: во-первых, в унификации и уточнении юридической терминологии; во-вторых, в согласовании интерпретационных подходов в правоприменении; в-третьих, в адаптации правового языка к когнитивным ожиданиям адресата, т. е. к тому, как граждане фактически понимают правовые тексты [7, с. 4–8]. При этом конвергенция не сводится к простому «упрощению» юридического языка. Напротив, чрезмерное упрощение способно породить новые риски — утрату технической точности, рост числа коллизий и пробелов. Поэтому представляется целесообразным трактовать юрислингвистическую конвергенцию как поиск баланса между требованиями юридической точности и коммуникативной понятности, при котором правовая система целенаправленно выстраивает свои тексты и практики с учетом лингвистических закономерностей. В этом смысле конвергенция становится инструментальным фактором национальной безопасности: она повышает предсказуемость правоприменения, снижает вероятность конфликтов, возникающих из-за неоднозначного понимания норм, и укрепляет доверие к государству как к источнику ясных и справедливых правил.

Указанная конвергенция не может быть описана вне контекста конституционно-правового регулирования языковой сферы. Е. В. Каменская показывает, что правовая основа языковой политики в России складывается вокруг ст. 68 Конституции РФ, закрепляющей статус русского языка как государственного, а также системы федеральных законов и региональных актов, регулирующих статус языков народов России, сферу образования, средства массовой информации и культуру [13, с. 74–77]. К. Д. Корякин, анализируя конституционно-правовую практику, подчеркивает, что решения Конституционного Суда РФ по вопросам языка фактически формируют «конституционный

стандарт» языковой политики, где язык рассматривается как элемент государственного суверенитета и основы конституционного строя [\[14, с. 7-9\]](#). В этом контексте обновленные Основы государственной языковой политики РФ 2025 г. выступают связующим звеном между конституционными нормами и отраслевым законодательством, задавая целевые ориентиры и принципиальные установки, в том числе в части обеспечения национальной безопасности. Именно через призму этих документов становится очевидно, что юрислингвистическая конвергенция — не только теоретическая конструкция, но и практическая задача для законодателя и правоприменителя: от того, насколько согласованно в них используются ключевые понятия («государственный язык», «родные языки народов России», «языковая дискриминация», «информационная безопасность»), зависит эффективность всей системы регулирования.

Таким образом, различие между лингвистической безопасностью и юрислингвистической конвергенцией может быть сформулировано следующим образом. Лингвистическая безопасность характеризует состояние общества и государства в языковой сфере, фиксирует наличие или отсутствие угроз, связанных с функциями языка и правами его носителей. Юрислингвистическая конвергенция описывает механизм достижения этого состояния за счет целенаправленного изменения правового языка, его соотнесения с реальной коммуникацией и когнитивными установками адресатов норм. Если первая категория преимущественно диагностическая (она отвечает на вопрос, насколько защищена языковая среда), то вторая — инструментальная (она показывает, как право может воздействовать на языковую и дискурсивную реальность). В дальнейшем анализе именно такой ракурс позволит соотнести абстрактные требования национальной безопасности с конкретными правовыми решениями — от формулировки норм законодательства до практики их толкования судами и административными органами [\[10, с. 36-38; 15, с. 288-290\]](#). Тем самым создаются предпосылки для перехода от теоретических конструкций к рассмотрению практических ситуаций, связанных, в частности, с санкционной повесткой, информационно-психологическим воздействием и реформой государственной языковой политики.

2. Правовые механизмы юрислингвистической конвергенции в языковой и санкционной политике

Правовое измерение юрислингвистической конвергенции прежде всего проявляется в том, как в законодательстве и стратегических актах формулируются цели и задачи языковой политики. Е. В. Каменская показывает, что современная российская модель строится вокруг конституционного статуса русского языка как государственного и опирается на разветвленную систему отраслевого регулирования — от законов об образовании и культуре до специальных норм о языках народов России [\[13, с. 74-79\]](#). К. Д. Корякин справедливо подчеркивает роль Конституционного Суда РФ, который через свои решения формирует устойчивый стандарт толкования ст. 68 Конституции РФ, связывая статус русского языка с суверенитетом и основами конституционного строя [\[14, с. 7-10\]](#). На этом фоне Основы государственной языковой политики РФ 2025 г. выполняют функцию «стыковочного механизма» между конституционными нормами и текущим регулированием: в них язык прямо увязывается с обеспечением национальной безопасности, сохранением культурной идентичности и укреплением общероссийской гражданской общности. Л. Н. Васильева, анализируя языковую политику через призму идентичности, показывает, что именно юридически закрепленные статусы языка задают «рамку» для образовательных программ, медииной политики и культурных практик, тем самым превращая правовой язык в один из ключевых инструментов гуманитарной

безопасности [8, с. 23–28]. Если обобщить эти положения, можно говорить о начавшемся, но еще не завершенном переходе от фрагментарного регулирования языковых вопросов к более целостной, институционально оформленной модели право-языкового взаимодействия.

Особое поле проявления юрислингвистической конвергенции связано с санкционной повесткой и внешнеполитическими конфликтами. Е. Ю. Рожина и И. В. Селиванова, исследуя англоязычные и немецкоязычные медиатексты о санкциях против России, показывают, что используемые в СМИ формулы (*targeted sanctions, punitive measures, pressure on the regime*) выстраивают санкционный дискурс как морально оправданное «наказание», при этом юридическая и экономическая природа соответствующих мер отступает на второй план [16, с. 152–154]. И. С. Криворучко и З. Ю. Басте обращают внимание на то, что в англоязычном санкционном дискурсе активно формируется слой неологизмов и окказиональных единиц, кодирующих ценностные установки (*sanctions fatigue, sanctions war* и др.), что усиливает эмоциональный эффект текста и способствует нормализации санкций как «обычного» инструмента международной политики [17, с. 2348–2350]. Ц. Гуань, анализируя лексико-семантическое поле термина «санкция» в русской политической сфере, демонстрирует, что в отечественном дискурсе существуют как юридическое понимание санкций (как меры ответственности или принудительного воздействия), так и политизированные, оценочные значения, зависящие от контекста международных отношений [18, с. 137–142]. Все это показывает, что без согласования юридических дефиниций с реально функционирующими дискурсами возникает опасная «раздвоенность» смысла: с точки зрения права санкции могут иметь одну природу и цели, тогда как в публичной коммуникации они осмысляются иначе, что создает почву для манипуляций и подрыва доверия к государственным решениям.

Экономическое измерение проблемы выявляется в работах, посвященных национальной экономической безопасности в условиях санкционного давления. Я. В. Васильева, исходя из анализа действующего законодательства и подзаконных актов, показывает, что правовое обеспечение экономической безопасности в нынешних условиях предполагает не только создание специальных режимов регулирования (контрсанкции, валютные и финансовые ограничения), но и своевременное уточнение базовой терминологии, включая закрепленные в актах понятия «санкции», «ограничительные меры», «недружественные государства» [8, с. 61–66]. Н. А. Ягунова, рассматривая специфику обеспечения экономической безопасности России под санкционным давлением, подчеркивает, что восприятие угроз во многом опосредуется языком: формулировки в официальных документах и публичных выступлениях задают рамку оценки рисков, влияя на поведение экономических акторов [19, с. 57–60]. В сочетании с подходами Е. Ю. Одноковой и Е. А. Зориной к пониманию национальной безопасности как состояния, зависящего от качества правового регулирования, это позволяет говорить о том, что нечеткость терминологии и расхождение между правовыми и медийными смыслами санкций сами по себе становятся отдельным фактором угрозы [9, с. 74–76]. Санкционная повестка высвечивает необходимость юрислингвистического выравнивания: без согласования понятий между правовой системой, экспертным сообществом и общественным дискурсом усилия по укреплению экономической безопасности неизбежно сталкиваются с коммуникативными барьерами.

Расхождение между правовой терминологией и культурным кодом общества — в том числе между буквой закона и устоявшимися языковыми представлениями — может

приводить к непредсказуемости правоприменения и росту конфликтного потенциала [\[20, с. 106-110\]](#). В контексте санкционной повестки это означает риск того, что одна и та же категория («санкции», «ограничительные меры», «ответные меры») будет по-разному пониматься законодателем, судами, органами исполнительной власти, бизнес-сообществом и гражданами. Лингвистическая безопасность и юрислингвистическая конвергенция оказываются тесно взаимосвязанными: первая фиксирует целевое состояние защищенности, вторая описывает механизм его достижения. Без учета языкового компонента невозможно полноценно обеспечить устойчивое развитие и эффективное функционирование институтов власти [\[10, с. 36-38; 15, с. 288-290\]](#). Отсюда вытекает авторская позиция: санкционное давление и сопровождающий его дискурс лишь обострили давно назревшую задачу — выстраивать правовое регулирование с опорой на лингвистическую компетенцию, рассматривая «юрислингвистическое измерение» не как факультативное, а как структурный элемент системы национальной безопасности России.

3. Юридический язык и языковая политика: проявления конвергенции и риски дивергенции

Юрислингвистическая конвергенция проявляется прежде всего в том, как формулируются ключевые понятия, обслуживающие языковую политику: «государственный язык», «родной язык», «языки народов России», «язык межнационального общения» и др. Е. В. Каменская показывает, что действующее регулирование фактически опирается на конституционную конструкцию ст. 68, но при этом в различных отраслях права используются близкие по смыслу, но не всегда строго согласованные формулы [\[13, с. 77-80\]](#). К. Д. Корякин обращает внимание на то, что именно Конституционный Суд РФ был вынужден выстраивать «сквозное» толкование статуса русского языка и языков народов России, увязывая их с единством правового пространства и федеративного устройства [\[14, с. 9-11\]](#). М. Е. Костюк, анализируя более ранний этап формирования российской языковой политики, констатировала, что неопределенность терминологии приводит к конкуренции моделей — от доминирования государства-языка до акцента на культурном многообразии, — причем каждая из них по-разному задает рамки допустимой дифференциации в образовании, СМИ и публичной сфере [\[2, с. 128-130\]](#). На этом фоне Л. Н. Васильева справедливо подчеркивает, что юридический язык, фиксирующий статус русского и других языков, не является нейтральным описанием: он задает иерархию идентичностей и каналов социализации, тем самым непосредственно воздействуя на параметры безопасности в многонациональном обществе [\[8, с. 29-31\]](#).

Судебная практика, прежде всего конституционная, становится важным индикатором того, насколько последовательно реализуется идея конвергенции между правовыми и лингвистическими нормами. В ряде дел Конституционный Суд РФ фактически вырабатывает «лексический стандарт» описания роли русского языка: он определяется как консолидирующий фактор, средство интеграции и элемент суверенитета, при одновременном подчеркивании недопустимости ущемления языков народов России [\[14, с. 10-12\]](#). В решениях по вопросам преподавания родных языков в общеобразовательной школе суд стремится сочетать требование владения русским как государственным языком с уважением к языковой идентичности народов РФ, причем именно выбранные словесные формулы («создание условий», «обеспечение возможностей», «право выбора») задают баланс между императивом и диспозитивностью регулирования. И. А. Савченко и С. В. Устинкин отмечают, что подобная судебная риторика фактически

выполняет стабилизирующую функцию: через единообразное употребление ключевых выражений и понятий суд снижает риск разнотолков в правоприменении на региональном уровне [\[15, с. 289–291\]](#). В этом смысле конституционная юрисдикция выступает не только гарантом формального соответствия законов Конституции, но и площадкой, где вырабатывается согласованный язык описания языковой политики, что является важным элементом юрислингвистической конвергенции.

Одновременно в российской нормотворческой практике отчетливо видны и зоны юрислингвистической дивергенции. Несогласованность терминологии между различными законами и подзаконными актами — например, в обозначении категорий «язык коренных малочисленных народов», «родной язык», «язык обучения» — приводит к тому, что правоприменитель вынужден опираться не столько на текст нормы, сколько на собственные представления о ее целях и ценностных ориентирах [\[20, с. 112–115\]](#). В результате увеличивается пространство усмотрения, а вместе с ним и риск региональных и ведомственных интерпретаций, не совпадающих с общегосударственными установками языковой политики. Такая дивергенция часто имеет культурно-кодовую природу. Для национальной безопасности это означает, что даже формально выверенный с точки зрения юридической техники текст может породить конфликты, если его языковая форма не согласована с реальной коммуникативной практикой и ожиданиями различных групп населения.

Из этого вытекает важный практический вывод: обеспечение лингвистической безопасности и снижение рисков юрислингвистической дивергенции требуют институционализации лингвистической экспертизы в нормотворчестве, особенно в актах, затрагивающих языковую сферу. Н. М. Мухаряров, анализируя дискурсы о языковой политике, фактически показывает, что без учета мотивов безопасности человека — страха потери языка, чувства исключенности из доминирующего дискурса — любые формальные гарантии могут восприниматься как недостаточные [\[11, с. 38–40\]](#). Включение таких психологически нагруженных компонентов в юридический текст требует особой осторожности: необходимо избегать оценочно-полемической лексики, двусмысленных метафор и неустойчивых неологизмов, которые легко становятся объектом политической манипуляции. Выработка согласованного терминологического аппарата, учитывающего как юридические, так и лингвистические критерии, должна рассматриваться не как факультативная рекомендация, а как элемент стратегического планирования устойчивого развития [\[10, с. 36–38\]](#). В предлагаемой авторской интерпретации юрислингвистическая конвергенция на уровне юридического языка — это не разовая «очистка» терминологии, а постоянный процесс согласования правовых дефиниций с изменяющейся языковой реальностью, в том числе в условиях санкционного и информационного давления.

4. Юрислингвистическая конвергенция в образовании, информационной сфере и межэтническом общении

Одной из ключевых сфер, в которых непосредственно «работает» связь языка, права и безопасности, является образование. Именно здесь задаются нормативные представления о статусе русского языка и языков народов России, формируются модели двуязычия и многоязычия, а также закрепляются в сознании будущих граждан юридически значимые различия между государственным, родным и иными языками. Ю. А. Хатмуллина и А. А. Чекмарев подчеркивают, что русский язык как средство межнационального общения выполняет интеграционную функцию лишь при условии устойчивого институционального присутствия в школе и системе профессионального

образования; ослабление его позиций в учебном процессе отражается не только на уровне владения языком, но и на качестве коммуникаций между этнокультурными группами [12, с. 56-58]. Именно нормы законодательства об образовании, определяющие язык обучения и возможности изучения родных языков, становятся «точкой сборки» языковой политики: через них конституционные положения о государственном языке и правах народов превращаются в конкретные учебные планы и программы [13, с. 74-84]. М. Е. Костюк еще в конце 2000-х гг. утверждала, что неопределенность юридического языка в этой сфере создает пространство для конфликтов — от споров о статусе отдельных предметов до дискуссий о «добровольности» изучения языка [2, с. 126-130]. С точки зрения национальной безопасности образовательный дискурс тем самым оказывается полем, где юрислингвистическая конвергенция должна проявляться в максимально явном виде: не только в точных формулировках законов, но и в понятных обучающимся и их семьям разъяснениях целей языковой политики.

Информационно-медийная сфера формирует другой, но не менее значимый пласт языковой реальности, в котором правовые дефиниции конкурируют с политическими и публицистическими интерпретациями. Е. С. Гриценко, анализируя процессы глобализации, показывает, что именно медиа обеспечивают быстрый перенос внешних дискурсов в национальное информационное пространство, часто без адаптации к местным правовым и культурным контекстам [3, с. 9-11]. Б. А. Жигалев и С. В. Устинкин трактуют лингвистическую безопасность в том числе как способность государства и общества выстраивать информационную политику, минимизирующую воздействие манипулятивных текстов и «языка вражды» [10, с. 32-36]. В англо- и немецкоязычных СМИ юридические категории нередко подменяются оценочными выражениями, формирующими у аудитории устойчивые стереотипы, тогда как правовая природа мер остается в тени [16, с. 152-156]. И. С. Криворучко и З. Ю. Басте показывают, как через новые языковые единицы санкционный дискурс наполняется ценностными коннотациями, нормализующими введение ограничений [17, с. 2348-2353]. В российском контексте, по наблюдениям Ц. Гуань, термин «санкция» колеблется между юридически точным значением и политизированными употреблениями, зависящими от текущей внешнеполитической повестки [18, с. 137-151]. Отсюда вытекает важная для безопасности задача: обеспечить такое соотнесение правового и медийного языка, при котором ключевые категории внешней политики и экономической безопасности объясняются населению в юридически корректных, но при этом коммуникативно доступных формах.

Межэтническая коммуникация и повседневные языковые практики дополняют этот контур с «нижнего» уровня. М. И. Грицко предлагает рассматривать лингвистическую безопасность многонациональной России через наличие устойчивых каналов общения между этносами, основанных на уважении к языковому разнообразию и признании интегрирующей роли русского языка [4, с. 63-70]. О. И. Ястребова и О. А. Гарцуева акцентируют внимание на социально-психологическом измерении: ощущение защищенности или, напротив, уязвимости формируется не только нормативными гарантиями, но и тем, как человек ежедневно сталкивается с языком в школе, органах власти, медиа и цифровой среде [6, с. 40-44]. В обсуждении вопросов языковой политики мотивы безопасности человека и безопасности государства часто разводятся по разным «речевым жанрам»: одни участники говорят о суверенитете и целостности, другие — о страхе потерять язык как элемент идентичности [11, с. 36-40]. И. А. Савченко и С. В. Устинкин, в свою очередь, подчеркивают, что без согласования этих пунктов зрения — в

том числе на уровне используемой терминологии — трудно обеспечить устойчивое развитие и доверие к институтам власти [\[15, с. 286–291\]](#). Юрислингвистическая конвергенция здесь проявляется в попытках выработать такую систему понятий, которая одновременно отражала бы государственно-правовые приоритеты и субъективное восприятие языковой справедливости различными группами населения.

Сопоставление образовательного, медийного и межэтнического дискурсов позволяет уточнить авторскую позицию относительно содержания юрислингвистической конвергенции как фактора национальной безопасности. Речь идет не о формальной унификации терминологии ради самой унификации, а о согласовании смыслов между правовыми текстами, практикой их применения и доминирующими в обществе языковыми моделями. Разрыв между правовой терминологией и культурным кодом приводит к юрислингвистической дивергенции, чреватой конфликтами и непредсказуемым правоприменением. В то же время в его же работах подчеркивается потенциал конвергентного подхода, при котором юридический язык проектируется с учетом лингвистических и когнитивных особенностей адресата. С учетом обновленных Основ государственной языковой политики РФ, где подчеркивается связь языка с национальной безопасностью и культурной идентичностью, представляется целесообразным рассматривать юрислингвистическую конвергенцию как сквозной принцип при разработке стандартов образования, регулировании медийной среды и формировании политики в сфере межнациональных отношений. Тем самым конвергенция из абстрактной теоретической категории превращается в набор конкретных требований к качеству правового текста и к тому, как он «встраивается» в реальную языковую жизнь общества.

5. Институционализация юрислингвистической конвергенции

Необходимость институционального оформления юрислингвистической конвергенции вытекает из самой логики современных угроз национальной безопасности. Б. А. Жигалев и С. В. Устинкин, связывая лингвистическую безопасность с устойчивым развитием, фактически показывают, что речь уже не идет о разовых реакциях на отдельные конфликты, а о выстраивании долговременной системы управления языковыми рисками [\[10, с. 32–41\]](#). Е. С. Гриценко, анализируя влияние глобализации, подчеркивает, что трансграничные информационные потоки постоянно привносят в национальную повестку новые дискурсы и языковые модели, в том числе конфликтогенные [\[3, с. 9–11\]](#). На этом фоне простого декларирования связи языковой политики и безопасности, как это сделано в Основах государственной языковой политики Российской Федерации, явно недостаточно: требуются специальные процедуры и институты, обеспечивающие согласование правового и языкового уровней регулирования.

Наиболее очевидное направление институционализации — введение устойчивых форм лингвистической экспертизы проектов нормативных правовых актов, затрагивающих языковую сферу или имеющих значение для национальной безопасности. Е. В. Каменская показывает, что действующая система правового регулирования языка в России складывалась преимущественно под влиянием политico-правовых задач и региональных компромиссов, а не системной работы над качеством юридического языка [\[13, с. 74–84\]](#). Отсутствие институционально закрепленной экспертизы языка законопроектов создает дополнительный канал для появления норм с высокой конфликтогенной или манипулятивной нагрузкой, особенно в таких чувствительных областях, как языковая политика, регулирование СМИ, противодействие экстремизму и санкционное регулирование. Авторская позиция здесь состоит в том, что на уровне

законодательной техники целесообразно закрепить обязательное привлечение лингвистической экспертизы при подготовке актов, вводящих новые языковые категории или существенно меняющих существующие; при этом экспертное заключение должно оценивать не только грамматическую корректность, но и возможные семантические «разрывы» между правовой и обыденной трактовкой терминов.

Второе направление связано с разработкой и внедрением стандартов правового языка, ориентированных на достижение баланса между точностью и понятностью. Сегодня требования к языку нормативных актов в значительной степени носят технический характер и касаются, главным образом, структуры документа, правил отсылок и систематизации; при этом вопросы когнитивной доступности текста для различных групп адресатов остаются в тени. Л. Н. Васильева, анализируя языковую политику как инструмент поддержания национальной идентичности, фактически подводит к выводу, что качество правового языка — важный компонент доверия к государству: расплывчатые или двусмысленные формулировки, особенно в языковой сфере, создают впечатление произвольности и могут восприниматься как угрозы культурным правам [\[18, с. 23-36\]](#). В этой связи разработка специализированных стандартов языка права, учитывающих не только формальные требования законодательной техники, но и юрислингвистические критерии (устойчивость дефиниций, минимизация оценочной лексики, прозрачность коммуникативной структуры текста), представляется прямым вкладом в национальную безопасность.

Третье направление институционализации юрислингвистической конвергенции связано с участием лингвистов и специалистов по дискурсивному анализу в судебной деятельности и правоохранительной практике. Хотя в отечественной доктрине этот аспект чаще обсуждается в связи с делами о «языке вражды», защите чести и достоинства, противодействии экстремизму, он непосредственно связан и с вопросами национальной безопасности, поскольку затрагивает пределы допустимого использования языка в публичном пространстве [\[10, с. 32-41; 3, с. 9-11\]](#). Если суды и правоохранительные органы опираются исключительно на букву закона, игнорируя лингвистический контекст, возрастают риски произвольных квалификаций, что подрывает доверие к институтам и, в конечном счете, негативно сказывается на безопасности. Включение юрислингвистической экспертизы в стандарт судебного разбирательства по делам, затрагивающим язык как объект или средство правонарушения, представляется, таким образом, не только гарантийным механизмом защиты прав человека, но и элементом предотвращения эскалации конфликтов, в том числе межэтнических и политических.

Наконец, еще один важный уровень — подготовка кадров для государственной службы, правоприменительных органов и сферы образования. И. А. Савченко и С. В. Устинкин подчеркивают, что языковая политика и лингвистическая безопасность не могут быть реализованы исключительно силами профильных министерств; необходима включенность широкого круга акторов, от региональных администраций до образовательных организаций [\[15, с. 286-291\]](#). Это означает, что элементы юрислингвистической компетенции должны быть встроены в программы юридического и управлеченческого образования: будущие юристы, чиновники и педагоги должны понимать, как формулировки в нормативных актах, официальных документах, публичных выступлениях и учебных материалах соотносятся с задачами национальной и лингвистической безопасности. Основы государственной языковой политики РФ, фиксируя приоритеты поддержки русского языка и языков народов России, создают рамку для такой работы, но не подменяют собой необходимость детализированных образовательных стандартов и методических рекомендаций. В этой части авторская позиция сводится к тому, что без

системной подготовки специалистов, способных мыслить в юрислингвистических категориях, любые организационные меры по обеспечению конвергенции останутся частичными: институты будут вынуждены импровизировать, воспроизведя уже существующие языковые стереотипы, а не выстраивая согласованный правовой и коммуникативный порядок.

6. Юрислингвистическая конвергенция в условиях санкционного давления и рисков экономической безопасности

Связь юрислингвистической конвергенции с национальной экономической безопасностью особенно отчетливо проявляется на материале санкционной политики. Е. Ю. Однокова и Е. А. Зорина подчеркивают, что современное понимание национальной безопасности включает экономический компонент, где правовые средства призваны предупреждать и нейтрализовывать риски, связанные как с внешними ограничениями, так и с внутренней уязвимостью финансовой системы [9, с. 72–78]. Стабильность экономики при санкционном давлении зависит не только от содержания специальных мер (ограничений, запретов, контрсанкций), но и от того, насколько четко они описаны в правовых актах: неясные или расплывчатые формулировки затрудняют работу бизнеса и органов власти, повышая регуляторные риски [8, с. 61–72]. Н. А. Ягунова дополняет этот вывод управленческим аспектом: закрепленные в стратегических документах и нормативных актах термины фактически конструируют образ угроз и задают модель поведения для хозяйствующих субъектов; если понятийный аппарат нестабилен, это приводит к разнотолкам и снижению предсказуемости экономической политики [19, с. 57–65].

Исследования, посвященные языковому оформлению санкционной тематики, демонстрируют, насколько сильно могут расходиться юридические формулировки и способы их представления в публичной коммуникации. Меры против России описываются преимущественно через морально-оценочные клише, такие как *punitive measures, pressure, targeted sanctions*, а юридическая квалификация соответствующих ограничений и их соотнесение с нормами международного права остаются на заднем плане [16, с. 152–156]. Формирование особого слоя лексики — неологизмы и устойчивых сочетаний, — через который санкции встраиваются в ценностные противопоставления («санкции как защита демократии» и т. п.), что способствует нормализации ограничительных мер в массовом сознании [17, с. 2348–2353]. В российской политической сфере, по наблюдениям Ц. Гуань, слово «санкция» одновременно функционирует в нескольких смысловых планах: как юридический термин (мера ответственности, специальная экономическая мера) и как элемент оценочной риторики, связанный с внешней политикой [18, с. 137–151]. Такая многослойность порождает риск того, что один и тот же знак будет по-разному интерпретироваться законодателем, правоприменителем, бизнесом и населением. Юрислингвистическая конвергенция в этом контексте означает выработку и последовательное использование согласованных дефиниций («санкции», «ограничительные меры», «специальные экономические меры», «недружественные государства» и др.), которые одинаково понимаются во всех звеньях регулирования и официальной коммуникации.

Если соотнести эти выводы с общими подходами к национальной безопасности, сформулированными Е. Ю. Одноковой и Е. А. Зориной, становится очевидно, что санкционная повестка выполняет роль своего рода «проверки на прочность» всей системы взаимодействия права и языка [9, с. 72–78]. Эффективность правовых мер по

обеспечению экономической безопасности зависит не только от их юридической конструкции, но и от того, насколько прозрачно они объясняются адресатам — через тексты законов, подзаконных актов и официальные разъяснения. Неопределенность в формулировках стратегических документов увеличивает управленческие издержки и может восприниматься как признак несогласованности государственной политики. В условиях внешнего давления возрастает значение того, насколько последовательно и понятным языком государство формулирует свои цели и решения, поскольку от этого зависят доверие к власти и готовность общества к мобилизации [\[10, с. 36–38\]](#). С учетом указанных подходов авторская позиция заключается в том, что юрислингвистическая конвергенция в санкционной и экономико-правовой плоскости должна рассматриваться как самостоятельное направление обеспечения национальной безопасности: речь идет о целенаправленном согласовании правовых понятий, управленческих установок и речевых форм их доведения до общества, а не о сугубо техническом редактировании терминологии.

Заключение

Во-первых, проведенный анализ показал, что национальная безопасность России имеет выраженное языковое измерение. Языковая политика, статус русского языка и языков народов России, качество правового языка и публичных формулировок непосредственно влияют на устойчивость политической системы, экономическую безопасность и межнациональное согласие. Закрепление связи между языком и безопасностью в Основах государственной языковой политики РФ 2025 г. институционально подтверждает, что речь идет не о вспомогательной сфере, а о стратегическом ресурсе государства. В этом контексте становится очевидно, что на уровне доктрины и практики недостаточно просто фиксировать угрозы в языковой сфере; требуется понимание механизмов, через которые право способно эти угрозы снижать.

Во-вторых, работа позволила развести по объему понятия «лингвистическая безопасность» и «юрислингвистическая конвергенция» и тем самым устраниТЬ часть терминологической неопределенности. Лингвистическая безопасность описывает состояние языковой среды, при котором обеспечивается функционирование русского языка как государственного, защищаются права народов России на свои языки и минимизируется использование языка для разжигания вражды и подрыва доверия к институтам. Юрислингвистическая конвергенция, напротив, характеризует процесс согласования правового языка и реальной практики общения: уточнение и выравнивание понятий в законодательстве, судебных актах, документах исполнительной власти, а также учет того, как эти формулировки воспринимаются гражданами. Такой подход позволяет видеть в конвергенции не абстрактную метафору, а инструмент, через который право влияет на качество коммуникации и, следовательно, на уровень безопасности.

В-третьих, исследование выявило конкретные зоны, где от степени юрислингвистической согласованности напрямую зависят риски для государства и общества. К ним относятся: конституционно-правовое закрепление статуса русского языка и языков народов России; регулирование образования, где определяются язык обучения и модели соотношения русского и родных языков; информационная и внешнеполитическая повестка, в том числе описание санкций и ответных мер; правовое обеспечение национальной экономической безопасности в условиях санкционного давления. В этих сферах расхождение между юридическими дефинициями и привычными языковыми представлениями адресатов порождает неопределенность, снижает предсказуемость

правоприменения и усиливает конфликтный потенциал.

В-четвертых, практическая значимость исследования состоит в формулировании ориентиров, которые могут быть использованы законодателем, правоприменителями и органами, ответственными за стратегическое планирование. Речь идет о: 1) институционализации лингвистической экспертизы проектов нормативных актов в чувствительных областях (языковая политика, межнациональные отношения, регулирование средств массовой информации, санкционные меры); 2) разработке стандартов языка права, учитывающих не только требования юридической техники, но и когнитивную доступность формулировок для различных групп населения; 3) расширении практики привлечения лингвистов и специалистов по анализу текстов в судебной и правоохранительной деятельности по делам, связанным с использованием языка; 4) включении юрислингвистической проблематики в программы подготовки юристов, государственных служащих и педагогов. Реализация этих мер способна повысить предсказуемость правового регулирования, укрепить доверие к государственным решениям и снизить вероятность конфликтов, связанных с языком.

В-пятых, полученные выводы позволяют уточнить саму формулу национальной безопасности России. Юрислингвистическая конвергенция в предлагаемом понимании — это не дополнительная «гуманитарная опция», а структурный компонент системы безопасности, поскольку от согласованности правового языка и общественных представлений зависят эффективность нормотворчества, устойчивость правоприменения и восприятие государственной политики в условиях внутреннего и внешнего давления. Таким образом, исследование показывает: сохранение и укрепление национальной безопасности России в XXI в. требует не только совершенствования институтов и процедур, но и внимательного отношения к тому, как эти институты «говорят» с обществом, — через нормы права, официальные формулировки и повседневные юридически значимые тексты.

Библиография

1. Одинокова Е. Ю., Зорина Е. А. Понятие национальной безопасности и правовые меры по ее обеспечению // Социология и право. 2019. № 4. С. 72-78. DOI: 10.35854/2219-6242-2019-4-72-78. EDN: YJTJOL
2. Костюк М. Е. Особенности государственной языковой политики как стратегический аспект национальной безопасности России // Социология власти. 2009. № 3. С. 126-130.
3. Гриценко Е. С. Язык и безопасность в контексте глобализации // Власть. 2011. № 11. С. 9-11. EDN: OJLQNL
4. Грицко М. И. Лингвистическая безопасность – один из факторов безопасности многонациональной России // Идеи и идеалы. 2011. Т. 1. № 3. С. 63-78. EDN: OIKPHF
5. Трофимова Г. Н. Лингвистическая безопасность: к проблеме толкования // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2012. № 1. С. 24-29. EDN: ОOOOBН
6. Ястребова О. И., Гарцуева О. А. Лингвистическая безопасность как социально-психологический феномен // Наука. Образование. Современность. 2024. № 2. С. 40-44. DOI: 10.24412/2658-7335-2024-2-21. EDN: GPBTYE
7. Асадов Р. Б. Право и язык: аксиологические и когнитивные измерения юрислингвистической конвергенции // Право и политика. 2025. № 8. С. 1-18.
8. Васильева Я. В. Правовое обеспечение национальной экономической безопасности в условиях беспрецедентного санкционного давления // Юридические исследования. 2024. № 1. С. 61-72.
9. Одинокова Е. Ю., Зорина Е. А. Понятие национальной безопасности и правовые меры

- по ее обеспечению // Социология и право. 2019. № 4. С. 72-78. DOI: 10.35854/2219-6242-2019-4-72-78. EDN: YJTJOL
10. Жигалев Б. А., Устинкин С. В. Лингвистическая безопасность как фактор обеспечения устойчивого развития Российской Федерации // Власть. 2015. № 10. С. 32-41. EDN: UMYEHR
11. Мухаряров Н. М. Мотивы безопасности человека в дискурсах о языковой политике // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2010. № 4. С. 36-40. EDN: MXSLIH
12. Хатмуллина Ю. А., Чекмарев А. А. Обеспечение лингвистической безопасности русского языка как языка межнационального общения // Национальные приоритеты России. 2018. № 2. С. 56-58. EDN: XTDMSL
13. Каменская Е. В. Языковая политика в Российской Федерации: правовое регулирование, состояние, проблемы // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 1. С. 74-84. DOI: 10.24412/1608-8794-2025-1-74-84. EDN: VODAWR
14. Корякин К. Д. Языковая политика в Российской Федерации: конституционно-правовое регулирование и практика // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 3. С. 7-12. EDN: VWGAYQ
15. Савченко И. А., Устинкин С. В. Языковая политика и лингвистическая безопасность // Власть. 2020. Т. 28. № 6. С. 286-291. DOI: 10.31171/vlast.v28i6.7797. EDN: OKFKWB
16. Рожина Е. Ю., Селиванова И. В. Лингвистическое сопровождение процесса введения санкций против России и их влияния на экономику России и стран Евросоюза (на материале английских и немецких СМИ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-3. Ч. 3. С. 152-156. EDN: YHUDLJ
17. Криворучко И. С., Басте З. Ю. Ценностные ориентиры англоязычного санкционного дискурса через призму новых языковых единиц // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 17. № 7. С. 2348-2353.
18. Гуань Ц. Лексико-семантическое поле «Санкция» в русской политической сфере // Litera. 2022. № 11. С. 137-151. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.11.37500 EDN: QTIKDL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37500
19. Ягунова Н. А. Специфика обеспечения экономической безопасности России в условиях санкционного давления // Управленческое консультирование. 2024. № 5. С. 57-65. DOI: 10.22394/1726-1139-2024-5-57-65. EDN: UCXDUH
20. Асадов Р. Б. Правовая терминология и культурный код: перспективы юрислингвистической дивергенции в российском законодательстве // Право и политика. 2025. № 6. С. 106-120.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена научная статья «Язык права как ресурс национальной безопасности России: концепция юрислингвистической конвергенции» для опубликования в журнале «Национальная безопасность / *nota bene*». Предметом исследования в представленной статье является роль языка права как стратегического ресурса национальной безопасности России через призму авторской концепции юрислингвистической конвергенции. Название статьи точно отражает ее содержание. Автор фокусируется на анализе процессов сближения правовых и языковых норм, что

позволяет рассматривать юридический язык не только как инструмент регулирования, но и как фактор обеспечения государственного суверенитета, стабильности правопорядка и культурной идентичности. Методологическая основа исследования отличается междисциплинарным характером, сочетая методы юридического доктринального анализа, лингвистического исследования текстов и элементы дискурс-анализа. Автор использует системный подход для интеграции правовых и лингвистических категорий, что позволяет выявить взаимосвязи между качеством юридического языка и параметрами национальной безопасности. Особую ценность представляет анализ судебной практики Конституционного Суда РФ и нормативных актов, включая недавно принятые Основы государственной языковой политики РФ 2025 года. Методологическая строгость проявляется в четком разграничении понятий «лингвистическая безопасность» и «юрислингвистическая конвергенция», что способствует терминологической ясности. Актуальность темы исследования не вызывает сомнений. В условиях санкционного давления и информационного противоборства язык права становится ключевым инструментом защиты национальных интересов. Принятие Основ государственной языковой политики РФ в 2025 году подтверждает стратегический характер данной проблематики. Как отмечают современные исследователи, такие как Е. Галяшина, В. Никишин, К. Богатырев современные угрозы коммуникации в том числе в интернет-среде требуют разработки эффективных мер противодействия им с использованием специальных юридико-лингвистических знаний (Галяшина, Е. Концептуализация противодействия информационным угрозам в интернет-среде с использованием специальных юридико-лингвистических знаний (реферативный обзор) / Е. Галяшина, В. Никишин, К. Богатырев // Юрислингвистика. - 2022. - № 26(37). - С. 96-101. - DOI 10.14258/leglinleglin(2022)2616). Автор представленной на исследование работы актуализировал эти угрозы в условиях внешнего давления, когда именно четкость правовых дефиниций и их единообразное понимание становятся фактором экономической и гуманитарной безопасности. Поэтому, работа отвечает на вызовы, связанные с необходимостью сохранения суверенитета правового дискурса в глобализирующемся мире. Научная новизна статьи проявляется в следующем. Впервые в отечественной науке предложена развернутая концепция юрислингвистической конвергенции как процесса целенаправленного согласования правовых и языковых норм для снижения рисков национальной безопасности. Введено и теоретически обосновано разграничение между «лингвистической безопасностью» как состоянием защищенности и «юрислингвистической конвергенцией» как механизмом ее достижения. Выявлены конкретные зоны риска, связанные с терминологической рассогласованностью в сферах образования, медиа и межэтнической коммуникации, и предложены механизмы их минимизации. Разработаны практические рекомендации по институционализации юрислингвистической экспертизы и стандартизации правового языка. Стиль, структура, содержание полностью соответствуют предъявляемым требованиям к данного рода научным исследованиям. Статья отличается четкой структурой, логической последовательностью изложения и глубиной проработки материала. Стиль соответствует требованиям академического письма, терминология используется последовательно и обоснованно. Текст разделен на тематические блоки, каждый из которых раскрывает определенный аспект проблемы. Отмечается высокий уровень владения материалом и способность автора интегрировать знания из разных дисциплин. Статья соответствует правилам русского языка, стилистические и грамматические ошибки отсутствуют. Список литературы релевантен теме исследования и отражает современное состояние исследований в области юридической лингвистики и национальной безопасности. Из 20 источников значительная часть — это работы 2022-2025 годов, включая статьи в журналах, индексируемых в РИНЦ, с указанием DOI и EDN

(например, Ястребова О.И., Гарцуева О.А., 2024; Асадов Р.Б., 2025; Каменская Е.В., 2025). Имеются ссылки на актуальные нормативные акты, включая Указ Президента РФ от 11 июля 2025 г. № 474. Библиография демонстрирует знакомство автора с последними достижениями в данной области. Апелляция к возможным оппонентам в тексте присутствует. Автор учитывает позиции возможных оппонентов, указывая на существующие в науке разнотечения в понимании лингвистической безопасности. В частности, он полемизирует с подходом, при котором язык растворяется в информационной безопасности, и обоснованно отстаивает необходимость выделения самостоятельного юридико-лингвистического измерения национальной безопасности. В дискуссии может быть поставлен под сомнение практический потенциал предлагаемых мер, однако автор аргументированно показывает пути их институционализации. Выводы статьи логически вытекают из проведенного анализа и имеют значительную теоретическую и практическую ценность. Работа представляет интерес для широкого круга читателей: юристов-теоретиков и практиков, лингвистов, политологов, специалистов в области государственного управления и национальной безопасности. Предложенные автором рекомендации могут быть использованы в нормотворческой деятельности, судебной практике и образовательных программах. Таким образом, статья «Язык права как ресурс национальной безопасности России: концепция юрислингвистической конвергенции» представляет собой оригинальное, актуальное и методологически выверенное научное исследование. Работа полностью соответствует критериям, предъявляемым к публикациям в журналах, входящих в Перечень ВАК. Научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования не вызывают сомнений. Статья рекомендуется к опубликованию в представленном виде.

Национальная безопасность / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Ельшин Л.А., Абдрахманова Д.Р., Динмухаметова А.А., Гатин А.Д. Прогнозирование перспектив промышленного развития регионов в условиях санкционного ограничения поставок импорта // Национальная безопасность / nota bene. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.5.76308 EDN: CDGPXH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76308

Прогнозирование перспектив промышленного развития регионов в условиях санкционного ограничения поставок импорта

Ельшин Леонид Алексеевич

доктор экономических наук

директор ОСП "Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан", в.н.с. Центра стратегических оценок и прогнозов, заведующий кафедрой мировой и региональной экономики ФГАОУ ВО "Казанский (Приволжский) федеральный университет", профессор кафедры экономики УВО "Университет управления "ТИСБИ""

420139, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Островского, 23/1

✉ Leonid.Elshin@tatar.ru

Абдрахманова Дилляра Расимовна

кандидат экономических наук

доцент; кафедра экономики и управления в спорте; ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма»

420010, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, территория Деревня Универсиады, зд. 35

✉ diliararasimovna@gmail.com

Динмухаметова Алия Айдаровна

доктор экономических наук

старший научный сотрудник; Центр стратегических оценок и прогнозов; ФГАОУ ВО "Казанский (Приволжский) федеральный университет"

420111, Россия, респ. Татарстан, г. Казань, Вахитовский р-н, ул. Карла Маркса, д. 23/6, помещ 1004

✉ Aliya.Abdukaeva@tatar.ru

Гатин Айрат Дамирович

кандидат экономических наук

независимый исследователь

420111, Россия, респ. Татарстан, г. Казань, Вахитовский р-н, ул. Карла Маркса, д. 23/6, помещ 1004

✉ C.p@tatar.ru

[Статья из рубрики "Внешние угрозы и противодействие"](#)

DOI:

10.7256/2454-0668.2025.5.76308

CDGPH

Дата направления статьи в редакцию:

17-10-2025

Аннотация: Предметом исследования являются экономические отношения по поводу интенсификации промышленного экономического роста региона на основе эмпирической оценки импортоуязвимости и стимулирования процессов импортозамещения по приоритетным направлениям промышленного производства. В качестве объекта исследования выступают субъекты Приволжского федерального округа. Авторы подробно рассматривают вопросы, связанные с разработкой методических подходов к идентификации критически значимых товарных номенклатур, импортируемых из-за рубежа в регионы России, и конструирование моделей, определяющих степень их влияния на процессы регионального промышленного развития в условиях санкционного давления. Особое внимание уделяется построению сценариев ограничения поставок критически значимых товаров из-за рубежа в условиях санкционных рестрикций и разработке на этой основе перспектив экономического роста регионов ПФО. Методическую базу составляет инструментарий статистического анализа данных, их группировки и систематизации, в том числе, в рамках применения эконометрических методов исследования, а также методы анализа панельных данных. Основными результатами исследования являются идентифицированные критически значимые для промышленности регионов Приволжского федерального округа товарные номенклатуры внешнеэкономической деятельности (ТНВЭД), формирующие основные угрозы устойчивому развитию экономики. Сформированный реестр критического импорта для субъектов ПФО в разрезе ТНВЭД позволил, опираясь на методы сценарного анализа данных и экономико-математического моделирования, определить возможные траектории промышленного развития субъектов Приволжского федерального округа. Полагаясь на полученные модельные закономерности влияния идентифицированного критического импорта на объемы промышленного развития в регионах ПФО получены прогностические оценки динамики экономического роста исследуемой региональной группы. Новизна исследования заключается в разработанном методическом инструментарии, обосновывающим выдвинутую в исследовании гипотезу о том, что «учет пространственных (неизмеримых, индивидуальных различий) эффектов способствует повышению прогностической эффективности эконометрических моделей регионального экономического развития». Предложенный инструментарий определяет не только особенности и направления развития методов прогнозирования развития мезоэкономических систем, но и формирует базис для развития теории региональной экономики в целом.

Ключевые слова:

импортозависимость, импортозамещение, критический импорт, промышленное развитие, региональные экономические системы, устойчивость экономической динамики, международные цепи поставок, санкционное давление, анализ панельных данных,

макроэкономические взаимосвязи

Введение

Необходимость поиска и разработки моделей импортозамещения в условиях глобальных перемен, выраженных, в частности, в усилении внешнеэкономического давления, реконфигурации внешнеэкономических глобальных связей, все чаще встречается в фокусе внимания российских и зарубежных ученых. Особый уровень актуальности данный аспект приобретает для современной России, активно сталкивающейся в последние несколько лет с жесткими санкционными рестрикциями внешнего порядка и последующими за ними логистическими разрывами в поставках импорта, что проявляется в рисках устойчивого промышленного развития. Подобного рода перемены заставляют с новой степенью интенсивности подойти к вопросу исследования теории и практики экономики импортозамещения с целью поиска новых, адаптационных решений в сфере выхода из зарождающихся кризисных условий. Требуется уточнение сформировавшихся в теории концептуальных подходов к изучению эффективных механизмов реализации экономики импортозамещения, разработка методического инструментария оценки влияния критического импорта на устойчивость промышленного развития и оценка на этой основе перспектив экономической динамики.

Важно при этом подчеркнуть, что данная постановка проблематики требует сосредоточения внимания не только на национальном уровне экономики, но и на региональном. Это обусловлено тем, что мезоэкономические системы, несмотря на их интеграцию в единую национальную повестку в сфере внешнеэкономической деятельности, проявляют весьма дифференцированный уровень адаптации к трансформации международных цепей поставок в условиях системных преобразований. В этой связи переосмысление концепции адаптивной политики импортозамещения в промышленных секторах экономики в условиях нового порядка мирохозяйственных связей должно проявляться с учетом региональной компоненты. Данный подход предопределяет необходимость фокусировки внимания при исследовании вопросов реализации государственной политики импортозамещения и обеспечения на этой основе устойчивых траекторий развития, на региональные экономические системы. Понимание степени их интеграции в международные цепи поставок, определение на этой основе товарных номенклатур, являющихся критическими для промышленного развития, формирует базис не только для выработки прогностических оценок, но и для определения приоритетов реализации политики импортозамещения как на региональном уровне, так и на уровне национальной экономики в рамках агрегирования территориальных данных.

Обзор литературы

Исследование вопросов импортозависимости экономических систем и реализации стратегий импортозамещения является весьма проработанным в экономической теории. На протяжении многих десятилетий менялись подходы и взгляды к этим феноменам, что было обусловлено вызовами времени и формировало соответствующие концепции к реализации механизмов в сфере внешнеэкономической политики.

Современная действительность выражается в новых возможностях и угрозах, связанных, преимущественно, с турбулентностью на внешних рынках в рамках усиливающегося конкурентного давления в мировой экономике. В этих условиях формируются новые взгляды и подходы к реализации политики импортозамещения с учетом трансформирующейся институционально-конъюнктурной среды. На первый план выходят

научные работы, связанные с разработкой мер по реализации политики вынужденного импортозамещения.

Переосмысление теоретических подходов в условиях смены парадигмы развития мирохозяйственных связей и реконфигурации мирового уклада, предопределяет необходимость разработки актуальных моделей развития, основанных, в том числе, и на реализации внешнеэкономической политики с учетом трансформирующейся институционально-конъюнктурной среды. Важно при этом подчеркнуть, что данные модели должны опираться, в первую очередь, на комплексную и системную оценку критического импорта, ограничение поставок которого влечет за собой риски развития экономики. Другими словами, возникает вопрос о методическом обосновании критической импортозависимости. Объективная ее идентификация существенным образом будет определять в последующем направления реализации политики импортозамещения, в том числе с учетом выявленных региональных особенностей.

Принимая во внимание сложившиеся в теории и практике интерпретации понятия «импортозависимость», как состояние экономики, при котором наблюдается зависимость хозяйствующих субъектов от импортной продукции, доминирующая часть научных работ сосредотачивает внимание при реализации эмпирической оценки импортозависимости на основе соотношения объемов импорта к производству аналогичной продукции в контуре национальной/региональной экономических систем. Среди данных подходов необходимо выделить исследование Андреевой Е.Л., Ратнера А.В.^[1]. В нем авторы, используя методы статистического анализа данных, анализируют исследуемый феномен на основе расчета ряда показателей, оценивающих долю импорта в общем объеме потребления и производства аналогичной продукции в стране.

Схожий подход к оценке импортозависимости, но на микроуровне, представлен в работе Н. И. Мараковой, С. В. Додоновой^[2]. В нем авторы также предлагают оценивать рассматриваемый параметр на основе соотношения таких показателей, как «Количество товаров, приобретаемых у зарубежных предприятий (шт.)» к количеству аналогичных товаров, производимых предприятием.

В зарубежной литературе рассмотренные подходы российских ученых, концентрирующих внимание на определении импортозависимости экономических систем на основе соотношения объемов импортируемой продукции к объему производства аналогичной продукции внутри экономики, также являются наиболее популярными^[3, 4, 5].

Кардинально другой механизм, оценивающий степень влияния импортозависимости экономики на перспективы ее экономического роста, приводятся в работе Белоусовой А. В.^[6]. В своем исследовании исследователь, опираясь на методы балансового учета данных и методологии национального счетоводства, разрабатывает матрицу финансовых потоков, фиксирующей влияние импорта на изменение финансовых потоков в Дальневосточном федеральном округе. На основе рассчитанных мультипликаторов доказывается, что активизация политики импортозамещения существенным образом стимулирует положительные макроэкономические эффекты для округа.

Обращает на себя внимание в контексте рассматриваемых вопросов, и исследование Кривенко Н. В., Епанешниковой Д. С.^[7]. В нем предложен авторский инструментарий оценки эффективного импортозамещения и его влияния на устойчивость экономической динамики на основе расчета динамического коэффициента импортозамещения. Он определяется как произведение частных показателей, характеризующих, по мнению

авторов, эффективность реализации политики импортозамещения на макро-, мезо- и микроуровнях. К ним отнесены: инвестиционная активность, направленная на производство импортозамещающей продукции; производительность в экономике и изменение соотношения экспорта и импорта товаров. Важным аспектом предложенной методики является то, что она применима как для оценки эффективности импортозамещения в целом для национальной экономики, так и для ее регионов в частности.

Высокий уровень развития в сфере исследования вопросов импортозависимости на уровне отдельных экономических систем получили работы Кадочникова П.А.[\[8\]](#), Моисеева П.П.[\[9\]](#), Бухвальда Е.М., Иванова О.Б.[\[10\]](#), Конноли Р.[\[11\]](#), Де Ла Поза, Префас Е.[\[12\]](#), Хи Л.[\[13\]](#) и др. Их основу составляют данные о международной торговле в рамках учета и оценки создаваемой добавленной стоимости в процессе перемещения товаров по международным цепочкам поставок (построение межстрановых таблиц «затраты-выпуск»)[\[14\]](#). Среди реализованных научно-исследовательских проектов в этом направлении необходимо выделить труды Casella, B., R. Bolwijn, D. Moran, K. Kanemoto [\[15\]](#). Ключевым аспектом, раскрывающим сущность разработанного учеными подхода, является анализ временных рядов, охватывающих 189 стран мира, отражающих потоковые величины в виде движения экспортно-импортных операций в мировой экономике по таким показателям, как: иностранная добавленная стоимость (FVA), внутренняя добавленная стоимость (DVA) и косвенная добавленная стоимость (DVX). Построенные таблицы «затраты-выпуск» демонстрируют стоимостные потоки создания добавленной стоимости в одной стране и импорт этой добавленной стоимости в другие страны. Тем самым, построенные таблицы формируют основу для оценки импортозависимости национальных экономических систем и прогнозирования их развития с учетом сценарного конструирования внешних по отношению к той или иной юрисдикции факторов.

Обзор российских и зарубежных подходов к оценке импортозависимости и потенциала ее влияния на устойчивость экономической динамики, позволяют выделить три ключевых аспекта, требующих своего усиления и дальнейшего развития в системе разработки методических решений:

1. Недостаточный уровень проработки аспектов, касающихся учета страны происхождения импортируемой продукции (дружественная/недружественная). В случае, если страна находится в категории недружественных, незначительные колебания в системе поставок из нее импорта может привести к значительным последствиям в сфере устойчивого развития отдельных отраслей, включая, конечно же, и промышленных секторов экономики. Данный подход во многом соответствует критическому анализу к сформировавшимся в теории методическим решениям к оценке импортозависимости, представленным Высшей школой экономики [\[14\]](#). В соответствии с ним «анализ валового импорта не позволяет оценить реального производителя той или иной продукции»[\[14\]](#).

2 . Существует необходимость усиления внимания вопросам изучения импортозависимости на мезоуровне, как важнейшего компонента в системе разработке национальных программ в сфере импортозамещения в условиях системных преобразований, связанных, в том числе, с внешними ограничениями.

3 . Требуется усиление методических подходов, обеспечивающих возможность конструирования экономико-математических моделей оценки влияния уязвимости экономической системы от импорта на перспективы ее промышленного развития.

Содержание и конкретизация упомянутых аспектов, требует своего дальнейшего методологического развития и теоретического осмысливания. Предложенный концептуальный взгляд к существующим дискуссионным моментам и направлениям развития экономической теории в сфере исследования вопросов реализации политики импортозамещения, опирающаяся на три базовых элемента (принадлежность импорта к недрожественным юрисдикциям, приоритетность мезоисследовательского уровня и необходимость конструирования модельного ряда, оценивающего влияние структурных характеристик импорта на экономическую динамику региональных экономических систем), формирует основу для разработки соответствующего методического инструментария и его последующей апробации.

Методы

Методическая основа исследования опирается на изучение закономерностей, определяющих влияние трансформации международных цепей поставок товарной номенклатуры региональных экономических систем на устойчивость их промышленного развития. В этой связи важнейшим исследовательским этапом становится идентификация критических позиций импорта в разрезе товарных номенклатур внешнеэкономической деятельности (ТНВЭД), формирующих базис и перспективы развития регионов и его ключевых макроэкономических параметров в условиях вероятностного моделирования трансформации международных цепей поставок (МЦП).

Базовым этапом исследования и аутентификации критического импорта региона является идентификация и формирование выборки ТНВЭД, доля которых превышает 0,05% от валового объема импорта в региональную экономическую систему. Данный пороговый уровень сформирован исходя из необходимости отсечения статистически незначимых ТНВЭД, участие которых в создании добавленной стоимости конечного продукта региона не носит критического характера. Кроме того, исключение данной совокупности товарных номенклатур, импортируемых из-за рубежа, формирует более устойчивую и статистически значимую эмпирическую базу для последующего анализа в контексте построения многофакторных моделей.

Дополнительным элементом фильтрации ТНВЭД является отсечение тех товарных номенклатур, участие которых в создании добавленной стоимости не превышает 50% от производства аналогичной продукции в рамках экономической системы региона. Данный барьер сформирован исходя из следующих допущений:

- участие товаров конечного и промежуточного потребления в производственных циклах региона с данным пороговым значением не является критическим и может быть оперативно замещено в рамках переориентации географии импортных поставок или за счет производства аналогичной продукции внутри российской экономики;
- принимая во внимание, что по абсолютному большинству ТНВЭД, импортируемых из-за рубежа, товарная номенклатура относится к категории промежуточного потребления, ограничения их поставок в краткосрочной перспективе не может привести к заметным рискам в сбое ритмичности хозяйственных процессов ввиду наличия складских запасов.

Методическая основа данного исследовательского этапа опирается на оценку соотношения генерируемых международных цепей поставок (МЦП) к объему собственного производства в разрезе исследуемых товарных номенклатур (Уравнение 1). Предлагаемый подход обеспечивает возможность идентификации степени зависимости региона в разрезе секторов экономики от поставок товаров и услуг из-за

рубежа в разрезе товарных групп, использующихся в цепочке создания добавленной стоимости на уровне отдельных секторов экономики. Его реализация предполагает конвертацию данных в разрезе (ТНВЭД) в систему статистического учета в разрезе видов экономической деятельности. Данный процесс полагается на использование разработанных Министерством экономического развития России переходных ключей между основными видами товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТНВЭД) и общероссийским классификатором продукции по видам экономической деятельности (ОКПД).

$$Ииутн = \frac{\text{ТНВЭД}}{\text{ОКПД}} \text{ (Уравнение 1)}$$

где:

Ииутн - значение индекса импортоуязвимости региона от поставок товарной номенклатуры из-за рубежа, в %

ТНВЭД - виды товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности, импортируемой в регионы Приволжского федерального округа в рамках сформировавшихся внешнеэкономических цепей поставок (единица измерения денежная или натуральная);

ОКПД - продукция собственного производства, классифицируемая в соответствии с ОКПД, изготавливаемая в регионах Приволжского федерального округа.

Третий элемент фильтра включает в себя устранение из сформированной на предыдущих шагах базы ТНВЭД, тех товарных номенклатур, импортозависимость от которых не является критической, поскольку они ввозятся в регион из дружественных юрисдикций.

Наконец в качестве четвертого уровня фильтрации ТНВЭД на предмет идентификации их критичности для региональных воспроизводственных процессов является отсев товарных номенклатур, которые не участвуют прямым образом в создании добавленной стоимости (к примеру, это может быть продукция потребительского назначения).

В графическо-алгоритмической интерпретации, процесс идентификации критического импорта региона представлен на рисунке 1.

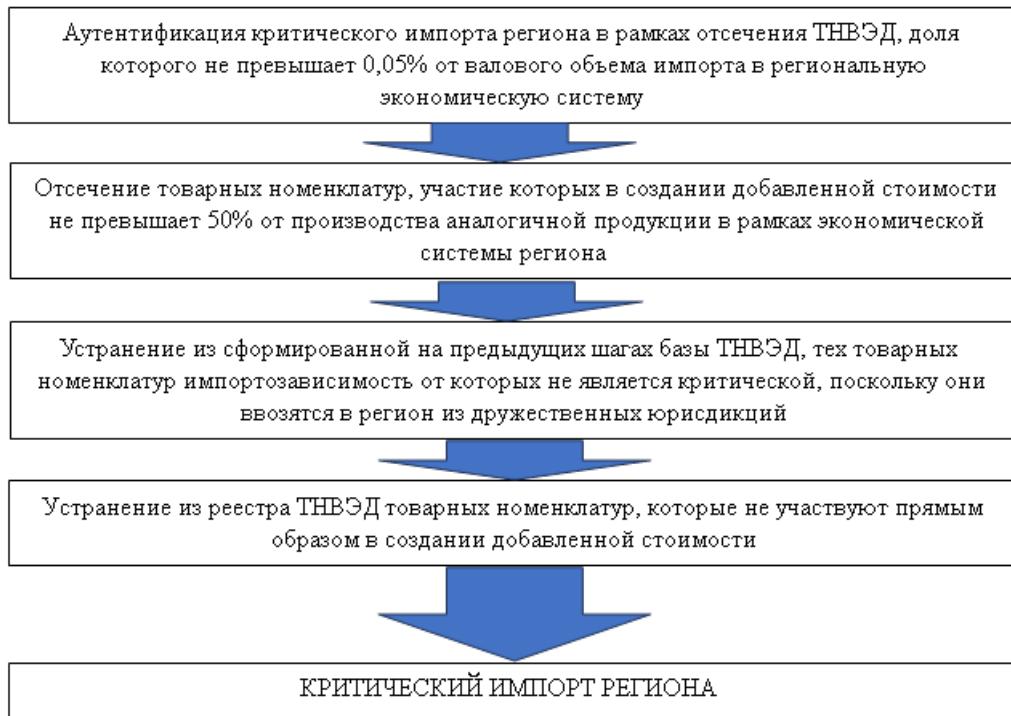

Рисунок 1 - Методический инструментарий многокомпонентной идентификации критического импорта региона

Источник: разработано авторами

Реализация исследования в фарватере обозначенных выше итераций требует обработки широкой совокупности статистических данных на мезоуровне. Однако, в условиях происходящих институционально-конъюнктурных преобразований ряд из них, особенно раскрывающих особенности внешнеэкономической деятельности регионов, не публикуется в открытом доступе. В этой связи в исследовании реализуется оценка по данным ЕМИСС за 2021 год, характеризующийся умеренными санкционными рестрикциями со стороны стран западного блока и обладающим широкой статистической

базой, публикуемой в официальных статистических сборниках. Данный подход формирует базис для идентификации стартовых позиций в сфере импортоуязвимости относительно усиленного санкционного давления образца 2022-2025гг. Кроме того этот подход позволяет определить наиболее уязвимые внешнеэкономические потоки, поставляемые ранее в регион из стран, квалифицируемых сегодня как недружественные и требующие повышенного внимания со стороны органов государственной власти в рамках реализации программ импортозамещения.

Объектом прогнозирования являются данные об объемах критического импорта Приволжского федерального округа по 103 ТНВЭД (товарные номенклатуры внешнеэкономической деятельности).

Идентификация критического импорта региона формирует базис для конструирования моделей диагностики его влияния на ключевые макроэкономические показатели. В качестве одного из них в настоящем исследовании определен объем промышленного производства.

Показатели, определяющие методическую основу исследования, имеют многомерную структуру, поскольку учитывают три измерения:

- выявленные критические виды товарной номенклатуры рассматриваются как объекты;
- объемы импортируемой «критической» продукции и объемы промышленного производства исследуемой региональной группы выступают в качестве анализируемых признаков;
- оценивается временной фактор. Анализируются данные в период с 2015 по 2022 гг.

Панельное моделирование данных имеет ряд преимуществ.

Во-первых, большое количество наблюдений соответствует большему числу степеней свободы, они уменьшают зависимость объясняющих переменных и позволяют получить более эффективные оценки параметров модели. Еще одним преимуществом панелей является возможность контроля неоднородности объектов в выборке, что позволяет предотвратить смещение агрегированности, которое возникает как при анализе динамических данных, так и при анализе кросс-секционных данных. Также применение моделей на панельных данных позволяет выявлять эффекты, которые невозможно наблюдать отдельно в перекрестных данных и временных рядах, а именно проследить индивидуальные эффекты объектов во временном разрезе.

С целью реализации модели панельных данных предложен алгоритм, состоящий из 6 ключевых шагов, представленных в виде блок-схемы на рисунке 2.

Данные об объемах импорта по критическим ТНВЭД являются объясняющими. Результирующим показателем выступили данные об объемах производства аналогичной продукции.

Источник: разработано автором

Рисунок 2 – Алгоритм методического подхода к оценке пространственных эффектов

Идентификация уравнения, отвечающего требованиям максимальной статистической значимости, формирует базис для конструирования прогностических оценок промышленного развития исследуемой региональной группы с учетом сценарного проектирования потоков критического импорта.

В работе реализованы 2 класса моделей прогнозирования: наивные и пространственные.

При расчете прогнозных значений первой наивной модели используются данные о значении временного ряда в предыдущем периоде. Расчет осуществляется по формуле:

$$\hat{y}_{i,T+s} = y_{i,T}, s \geq 1 \quad (\text{Уравнение 2})$$

Еще один наивный прогноз рассчитывается как среднее значение за анализируемый период:

$$\hat{y}_{i,T+s} = \sum_{j=1}^7 y_{i,T+s-j} / 7 \quad (\text{Уравнение 3})$$

Прогностические оценки пространственных моделей рассчитывается по следующей формуле:

$$\hat{y}_{i,T+s} = X_{i,T+s} \hat{\beta} + \hat{\mu}_i + \hat{\phi}_{T+s} \quad (\text{Уравнение 4})$$

Где $\hat{\mu}_i$ - within-оценки соответствующих параметров, $\hat{\phi}_{t+s}$ – оценка временного эффекта, $\hat{\beta}$ - вектор оценок коэффициентов регрессии

Оценка достоверности прогноза осуществляется на основе расчета стандартного отклонения:

$$RMSE = \sqrt{\frac{1}{N} \sum_{i=1}^N e_i^2} \quad (\text{Уравнение 5})$$

Результаты

Для анализа отобраны показатели, характеризующие объем импорта и объем производства ПФО по 103 ТНВЭД (товарные номенклатуры внешнеэкономической деятельности). в период с 2015 по 2022 гг. (всего 824 наблюдения). На первом шаге осуществляется идентификация критических для экономики регионов ПФО ТНВЭД. По результатам проведенных этапов фильтрации статистических данных, в рамках предложенного алгоритма (Рисунок 1), в группу критического импорта вошла 21 товарная номенклатура (Таблица 1).

Таблица 1 – Критический для регионов ПФО импорт товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности, 2021 г.

Критический для регионов ПФО импорт ТНВЭД
Двигатели внутреннего сгорания поршневые с воспламенением от сжатия (дизели или полуодиизели)
Бульдозеры с неповоротным или поворотным отвалом, грейдеры, планировщики, скреперы, механические лопаты, экскаваторы, одноковшовые погрузчики, трамбовочные машины и дорожные катки, самоходные
Двигатели внутреннего сгорания с искровым зажиганием, с вращающимся или возвратно-поступательным движением поршня
Машины и устройства для подъема, перемещения, погрузки или разгрузки (например, лифты, эскалаторы, конвейеры, канатные дороги) прочие
Опоки для металлолитейного производства; литейные поддоны; модели литейные; формы для литья металлов (кроме изложниц), карбидов металлов, стекла, минеральных материалов, резины или пластмасс
Автопогрузчики с вилочным захватом; прочие тележки, оснащенные подъемным или погрузочно-разгрузочным оборудованием
Станки токарные (включая станки токарные многоцелевые) металлорежущие
Центры обрабатывающие, станки агрегатные однопозиционные и многопозиционные, для обработки металла
Машины и механизмы прочие для перемещения, планировки, профилирования, разработки, трамбования, уплотнения, выемки или бурения грунта, полезных ископаемых или руд; оборудование для забивки и извлечения свай; снегоочистители плужные и роторные
Тали подъемные и подъемники, кроме сколовых подъемников; лебедки и кабестаны; домкраты
Станки (включая машины для сборки с помощью гвоздей, скоб, клея или другими способами) для обработки дерева, пробки, кости, твердой резины, твердых пластмасс или аналогичных твердых материалов
Станки обдирочно-шлифовальные, заточные, шлифовальные, хонинговальные,

притирочные, полировальные и для выполнения других операций чистовой обработки металлов или металлокерамики с помощью шлифовальных камней, абразивов или полирующих средств, кроме
Станки металлорежущие (включая агрегатные станки линейного построения) для сверления, растачивания, фрезерования, нарезания наружной или внутренней резьбы посредством удаления металла, кроме токарных станков (включая станки токарные многоцелевые) тов
Станки продольно-строгальные, поперечно-строгальные, долбежные, протяжные, зуборезные, зубошлифовальные или зубоотделочные, пильные, отрезные и другие станки для обработки металлов или металлокерамики посредством удаления материала, в других местах н
Двигатели и генераторы электрические (кроме электрогенераторных установок)
Аппаратура приемная для радиовещания, совмещенная или не совмещенная в одном корпусе со звукозаписывающей или звуковоспроизводящей аппаратурой или часами
Органические химические соединения
Соединения, содержащие другие азотсодержащие функциональные группы
Соединения органо-неорганические прочие
Прокат плоский из железа или нелегированной стали шириной 600 мм или более, холоднокатаный (обжатый в холодном состоянии), неплакированный, без гальванического или другого покрытия
Ферросплавы

Источник: составлено автором

В соответствии с предложенным инструментарием, далее, реализован комплекс мероприятий, направленных на поиск экономико-математических закономерностей, формирующих основу для выявления степени влияния идентифицированного критического импорта на перспективы промышленного производства исследуемой региональной группы.

На первом этапе реализована модель пула. Результаты расчетов приведены в таблице 2.

Таблица 2 - Результаты моделирование панельных данных методом пула

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение
Y-пересечение	11555,43	4366,033	2,65	0,009
Объем импорта	0,72521	0,002	35,33	2,18E-59

$$R^2 = 0,96; F_{stat}=0$$

Полученные расчеты свидетельствуют о статистической значимости модели. Таким образом, в случае отсутствия случайных и фиксированных эффектов, влияние объемов критического импорта на объемы производства может быть выражено следующим уравнением:

$$V_{\text{произв}} = 11555,43 + 0,7V_{\text{имп}} \text{ (Уравнение 6)}$$

Результаты конструирования модели с фиксированными эффектами с применением метода Within-преобразований приведены в таблице 3.

Таблица 3 - Результаты реализации модели с фиксированными эффектами

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение
Объем импорта	0,145	0,0015	9,58	2,4041E-15

Источник: рассчитано автором

$$R^2 = 0,99; F_{\text{stat}} = 0$$

Полученное уравнение статистически значимо. При фиксированных индивидуальных эффектах, увеличение импорта на 1 млн руб., ведет к увеличению объема промышленного производства аналогичной продукции на 145 тыс. руб.

Наконец, результаты расчета модели со случайными эффектами представлены в таблице 4.

Таблица 4 - Результаты реализации модели со случайными эффектами

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение
Y-пересечение	9877,59	3316,4033	2,97	0,003
Объем импорта	0,75	0,0015	47,31	1,0847E-71

Источник: рассчитано автором

$$R^2 = 0,98; F_{\text{stat}} = 0$$

Как и предыдущие, полученное уравнение и его коэффициенты статистической значимости демонстрируют высокие оценки.

С целью проверки наличия случайных или фиксированных эффектов и выбора модели осуществлено тестирование моделей с применением теста Хаусмана и Брайша-Пагана. Результаты представлены в таблице 5.

Таблица 5 - Тестирование моделей

	Hausman Test	Breusch-Pagan test
p-value	0,09	0,005

Источник: рассчитано автором

Значение теста Хаумана 0,09, что больше 0,05, таким образом, гипотеза о наличии фиксированных эффектов отклоняется.

Значение теста Бройша-Пагана 0,005, что меньше 0,05, таким образом, модель со случайными эффектами предпочтительнее модели пула.

Таким образом, для моделирования зависимости объемов производства от объемов критического импорта выбрано уравнение модели с учетом случайных эффектов:

$$V_{\text{произв}} = 9877,59 + 0,75V_{\text{имп}} \text{ (Уравнение 7)}$$

Результаты реализованного исследовательского этапа, направленного на проведение анализа пространственных данных, позволяют сделать вывод о том, что влияние критического импорта на объемы промышленного производства носит случайный характер и не обусловлено индивидуальными особенностями региональных систем.

Полученное уравнение регрессии указывает на то, что увеличение критического импорта на 1 млн. руб. приводит к увеличению объема производства на 750 тыс. руб.

В соответствии с предложенным методическим подходом на следующем этапе реализован процесс построения прогностических оценок перспектив промышленного производства в регионах ПФО в рамках сценарного анализа поставок критического импорта. Результаты приведены в таблице 6.

Таблица 6 - Сравнительная оценка подходов к получению прогнозных значений

Метод	Формула	Прогнозная оценка объемов производства, млрд руб, млн. руб.	RMSE
Наивных оценок 1	$\hat{y}_{i,T+s} = y_{i,T}$	99008	54,08
Наивных оценок 2	$\hat{y}_{i,T+s} = \sum_{j=1}^n y_{i,T+s-j} / n$	51940,2	93,69
Пространственных оценок	$\hat{y}_{i,T+s} = X_{i,T+s} \hat{\beta} + \hat{\mu}_i + \hat{\phi}_{T+s}$	116306,1	0

RMSE прогнозного значения, полученного с использованием метода пространственных оценок, значительно лучше RMSE моделей наивных оценок. Таким образом, панельные данные являются эффективным инструментом в повышении точности прогностических оценок.

Полученный результат обеспечил возможность для разработки прогноза промышленного развития регионов ПФО с учетом проектируемой коррекции в объемах поставок идентифицированного критического импорта.

Данный исследовательский этап осуществлен с учетом сценарных траекторий формирования импортных потоков на период до 2028 года, опубликованных Минэкономразвития России (Таблица 7).

Таблица 7 – Сценарные траектории развития импорта в РФ, %

	2025	2026	2027	2028
Базовый, %	7,2	5,7	3,1	2,2
Консервативный, %	5,9	0,3	2,2	1,8

Источник:

<https://www.economy.gov.ru/material/file/a6a24e41e675f2a85d98a014143af410/prilozhenie.7z>

Проецируя представленную динамику импорта в РФ на темпы прироста критических для регионов ПФО ТНВЭД, поставленных из-за рубежа, получены кумулятивные значения возможных перспектив поставок критически значимых товарных номенклатур. Следует подчеркнуть, что данный подход, в определенной степени, носит упрощенный порядок, поскольку он предполагает универсальные траектории формирования перспектив критического импорта в соответствии со среднестатистическими для российской экономики в целом, параметрами. Между тем, в условиях отсутствия статистических данных об объемах исследуемой группы ТНВЭД в разрезе каждой товарной номенклатуры, представленный подход представляется обоснованным и может быть принят за основу.

Полагаясь на полученные модельные закономерности влияния критического импорта на объемы промышленного развития в регионах ПФО (уравнение 7), в таблице 8, представлены полученные соответствующие прогностические оценки применительно к соответствующим промышленным производствам.

Таблица 8 – Сценарные траектории объемов производства промышленной продукции по критически важным направлениям, млн. руб.

	2025	2026	2027	2028
базовый	123968,9	122372,5	119605,3548	118647,4985
консервативный	122585,4	116625,4	118647,4985	118221,7845

Источник: рассчитано автором

В целях оценки влияния промышленных производств, относящихся к критической группе, на формирование экономического роста в регионах ПФО, построено уравнение регрессии, оценивающее данную взаимосвязь (Уравнение 11).

$$ВРП = 20177742 + 43,02 V_{\text{произв}} \quad (\text{Уравнение 8})$$

$$R^2 = 0,9$$

Результаты сценарного анализа возможного замедления критического импорта в округ в контексте оценки перспектив ВРП представлены в таблице 9.

Таблица 9 - Сценарные траектории развития агрегированного валового территориального продукта ПФО, млн руб.

	2023 (факт)	2025	2026	2027	2028
базовый	22012826,474	25512116,07	25443423,09	25324353,02	25283136,53
консервативный		25452584,16	25196125,77	25283136,53	25264818,09

Источник: рассчитано авторами

Таблица 10 - Сценарные траектории развития агрегированного валового территориального продукта ПФО, темпы роста в %

	2023 (факт)	2025	2026	2027	2028
базовый	22012826,474	115,9%	99,7%	99,5%	99,8%
консервативный		115,6%	98,8%	99,4%	99,8%

Источник: рассчитано авторами

Обсуждение результатов исследования

Полученные результаты во многом свидетельствуют о рисках замедления экономического развития регионов округа в условиях снижения поставок критически значимых товарных номенклатур (Таблица 10). В соответствии с полученными оценками, при каждом из двух рассматриваемых сценариев, локализация поставок критического импорта продукции промышленного назначения в регионы Приволжского федерального округа формирует предпосылки снижения динамики валового территориального продукта ПФО. Так, в соответствии с базовым сценарием, замедление динамики поставок импорта критически значимой продукции до уровня 4,6% в среднем за рассматриваемый период 2025-2028гг. (таблица 7) влечет за собой замедление консолидированного ВРП регионов в диапазоне от 99,5% до 99,8%, что соответствует признакам формирования стагнации. В рамках же консервативного сценария риски наращивания стагнационных процессов в экономике округа несколько повышаются.

Принимая во внимание, что сценарии локализации исследуемого импорта привязаны к среднестатистическим показателям замедления поставок критических ТНВЭД по РФ (Таблица 7), варианты отклонения в сторону более высокого уровня локализации импортных операций по рассматриваемым критически значимым номенклатурам, генерирует более заметные риски замедления валового территориального продукта в регионах ПФО.

Выявленные закономерности предопределяют необходимость разработки адаптивных моделей промышленного развития исследуемой региональной группы в условиях трансформации международных цепей поставок. При этом данная адаптивность должна формироваться в рамках учета наиболее значимых факторов, предопределяющих риски устойчивого развития экономики в условиях происходящих системных преобразований во внешней среде. К таковым, необходимо отнести идентификацию критического импорта, определяющего устойчивость процессов создания добавленной стоимости в промышленных секторах экономики.

Проведенный анализ, позволивший выявить на товарно-номенклатурном уровне наиболее уязвимые позиции ТНВЭД, всецело позволяет решить эту задачу и разработать максимально адаптивные для регионов ПФО программы импортозамещения, включающие в себя стимулирование производства отечественных аналогов и разработку направлений диверсификации поставок критически значимой продукции из-за рубежа.

Выводы

Реализованный анализ, направленный на и многокомпонентную оценку критического импорта и поиск закономерностей его влияния на перспективы и устойчивость экономической динамики ПФО в рамках применения инструментария панельных данных, демонстрирует весьма высокий уровень состоятельности разработанного методического инструментария. Он позволяет не только выявить критические позиции импорта для исследуемой региональной группы, но и определить общие закономерности его влияния на промышленное и экономическое развитие в условиях санкционного давления. Так, по результатам исследования установлено, что критический импорт существенным образом определяет динамику отдельных видов промышленных производств и валового экономического роста в субъектах Приволжского федерального округа. Ограничение его поставок однозначным образом влечет за собой замедление промышленного и экономического роста в целом при условии отсутствия производства аналогичной продукции, замещающей критический импорт.

В заключение следует отметить, что в мировой литературе представлено достаточное количество исследований, посвященных прогнозированию экономических процессов на секторальном и региональном уровнях. При этом эконометрические модели, базирующиеся на применении панельных данных, формирующих основу для прогнозирования промышленного развития регионов с учетом анализа импортных потоков в разрезе товарных номенклатур, в них практически не используются. Учитывая неоднородный характер структуры импорта, панельные данные способны повысить точность прогностических оценок.

В целом необходимо констатировать, что весь комплекс моделей, направленных на определение параметров импортозависимости и их влияния на экономическую динамику экономических систем необходимо классифицировать на три укрупненные группы:

- макроэкономические модели, конструируемые на основе агрегирования данных о потоках в международной торговле и интеграции отдельных экономических систем в них;
- многосекторальные модели, опирающиеся на анализ товарных групп, интегрированных в международные цепи поставок;
- балансовые модели, основанные на методах балансового учета данных и методологии национального счетоводства, что позволяет разработать матрицу финансовых потоков, фиксирующей влияние импорта на изменение финансовых потоков.

В предложенной в настоящем исследовании модели предлагается модернизированный подход, предусматривающий многокомпонентную систему идентификации критического импорта на мезоуровне в разрезе ТНВЭД и определение степени его влияния на устойчивость экономической динамики с применением методов анализа панельных данных. В соответствии с этим подходом региональные модели разрабатываются с учетом особенностей системы статистического учета импортируемых товарных потоков, включенных в систему МЦП, что позволяет лучше интерпретировать экономические

процессы с точки зрения зависимости процессов создания добавленной стоимости от спецификации импортируемых в регион ТНВЭД.

В целом, по результатам настоящего исследования, следует констатировать о его научной и практической значимости. Оно способствует развитию теории региональной экономической динамики в условиях системных преобразований. Разработанный инструментарий идентификации критического импорта и последующего построения моделей оценки его влияния на устойчивость экономического развития открывает новый, усовершенствованный подход к изучению влияния трансформации международных цепей поставок на перспективы регионального экономического роста.

Благодарность

Работа выполнена за счет средств субсидии, выделенной Казанскому федеральному университету для выполнения государственного задания в сфере научной деятельности по проекту № FZSM – 2023 – 0017 «Экономика импортозамещения региона в условиях трансформации логистических цепочек и деглобализации».

Библиография

1. Андреева Е. Л., Ратнер А. В. Экспортная ориентация как индикатор преодоления импортозависимости на российском рынке продукции машиностроения // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 5. С. 46-57. DOI: 10.24412/2072-8042-2022-5-46-57. EDN: BJEUQB.
2. Маракова Н. И., Додонова С. В. Методические аспекты анализа импортозависимости и выявление направлений повышения качества работы предприятия (на примере ООО "ТРИЭР") // Инновации и инвестиции. 2022. № 5. С. 36-42. EDN: KWGVBP.
3. Li H., Qing Q., Wang J., Hong X. An analysis of technology licensing and parallel importation under different market structures // European Journal of Operational Research. 2021. № 289 (1). Р. 132-143. DOI: 10.1016/j.ejor.2020.07.008. EDN: ZOSWDM.
4. Mo J., Qiu L. D., Zhang H., Dong X. What you import matters for productivity growth: Experience from Chinese manufacturing firms // Journal of Development Economics. 2021. № 152. С. 10-26. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2021.102677. EDN: WFMGNG.
5. Christopher E. S. ISI and new industrial conditions in Latin America // Applied Econometrics and International Development. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 19-40.
6. Белоусова А. В. Государственная политика импортозамещения: оценка региональных эффектов (на примере Дальневосточного федерального округа) // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 11(121). С. 66-73. DOI: 10.26726/1812-7096-2020-11-66-73. EDN: TWDJOK.
7. Кривенко Н. В., Епанешникова Д. С. Импортозамещение как инструмент стабилизации социально-экономического развития регионов // Экономика региона. 2020. Т. 16, вып. 3. С. 765-778. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-3-7. EDN: XYDDZU.
8. Полякова В. В., Почекутов М. П., Сумбатян С. Л., Ревzon О. А. Целенаправленное финансирование импортозамещения в технологическом обновлении российской промышленности // Финансовая экономика. 2024. № 6. С. 68-70. EDN: FPUMFU.
9. Хрущев В. И. Импортозамещение в России: региональные различия, ключевые показатели // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 16, № 1(154). С. 98-107. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.01.16.010. EDN: VETLOG.
10. Агамагомедова С.А. Исчерпание прав и параллельный импорт: правовая оценка с точки зрения безопасности // Вопросы безопасности. 2024. № 2. С. 42-50. DOI: 10.25136/2409-7543.2024.2.71024 EDN: FBZJYT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71024

11. Connolly R., Hanson Ph. Import Substitution and Economic Sovereignty in Russia. Chatham House, 2016. 24 p.
12. Poza De La, Preface E. Global Challenges of Digital Transformation of Markets. New York: Nova Science Publishers, Inc., 2022. С. xi.
13. Aspromourgos T. The life of William Petty in relation to his economics // History of Political Economy. 1988. № 20. С. 337-356. EDN: HIDQCN.
14. Сафиуллин М. Р., Бурганов Р. Т., Ельшин Л. А., Мингулов А. М. Оценка перспектив экономического роста регионов России в условиях санкционных ограничений импорта // Экономика региона. 2023. Т. 19, № 4. С. 1003-1017. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-4-5. EDN: AVKSQG.
15. Bali M., Rapelanoro N. How to simulate international economic sanctions: A multipurpose index modelling illustrated with EU sanctions against Russia // International Economics. 2021. № 168. С. 25-39. DOI: 10.1016/j.inteco.2021.06.004. EDN: EBOOAW.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. Статья с учётом сформированного заголовка должна быть посвящена прогнозированию перспектив промышленного развития регионов в условиях санкционного ограничения поставок импорта. Содержание статьи не противоречит заявленной теме.

Методология исследования базируется как на классических общенаучных методах (анализ, синтез, систематизация), так и специальных математических. Это положительно характеризует научную статью. При этом применение математического аппарата важно сопровождать интерпретацией в виде конкретных экономических выводов.

Актуальность исследования вопросов, связанных с промышленным развитием субъектов Российской Федерации, не вызывает сомнения, так как эти вопросы находятся в фокусе внимания и федеральных, и региональных органов государственной власти, так как отвечают национальным целям развития нашего государства, определённым Президентом России.

Научная новизна в представленном на рецензирование материале частично присутствует (например, в части приведённых математических формул и методического инструментария многокомпонентной идентификации критического импорта региона), но важно показать какие экономические проблемы решаются с помощью них, а также, чем они отличают от уже имеющихся.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения является преимущественно научным, при этом важно отказаться от ненаучных слов (например, можно). Если автор хочет подчеркнуть вероятностный характер наступления события, то тогда необходимо её оценить количественно и качественно. Структура статьи автором сформирована, но обращает на себя внимание отсутствие раздела «Обсуждение результатов исследования», что отразилось и на содержании. При доработке статьи важно максимально сосредоточить внимание на экономической интерпретации полученных

математических вычислений. Так, в частности, почему автор говорит о потенциале экономического развития регионов округа в условиях снижения поставок критически значимых товарных номенклатур? Как автор определил потенциал? Какие факторы могут помешать реализации потенциала, а что будет, наоборот, этому способствовать? Важно также обосновать существующие проблемы и пути их решения как в части прогнозирования перспектив промышленного развития регионов в условиях санкционного ограничения поставок импорта, так и непосредственно содержательных аспектов такого развития.

Библиография. Библиографический список состоит из 15 наименований. Обращает на себя внимание тот факт, что большая часть публикаций была издана в 2022 году или ранее (только одна статья в 2023 году). Публикаций 2024-2025 гг. не обнаружено. Представляется крайне важным при доработке статьи изучить отечественные и зарубежные научные публикации, вышедшие в последние годы, чтобы максимально учесть актуальные тенденции научно-практической мысли.

Апелляция к оппонентам. Несмотря на проблемы сформированного библиографического списка в статье представлен глубокий обзор источников в специальном блоке с выделением конкретных проблемных областей, недостаточно рассмотренных в научной литературе. При доработке статьи важно учесть усиление библиографического списка, а также в дополненном разделе «Обсуждение результатов исследования» отметить, в чём состоит прирост научного знания в сравнении с имеющимся с опорой на те проблемные области, которые были обозначены в блоке «Обзор литературы» с учётом заявленного заголовка статьи. Это окажет положительное воздействие на усиление научной новизны по теме исследования.

Выводы, интерес читательской аудитории. С учётом изложенного выше заключаем о том, что статья требует проведения доработки, после проведения которой она может быть опубликована. В случае наполнения содержания статьи обоснованием существующих проблем прогнозирования перспектив промышленного развития регионов в условиях санкционного ограничения поставок импорта, а также аргументированными предложениями по их решению статья будет представлять интерес для потенциальной читательской аудитории.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рамках сокращения импортозависимости и обеспечения стабильности отечественной промышленности в условиях санкций необходим комплексный анализ факторов, определяющих устойчивость промышленных предприятий, а также конкретные точки концентрации критического импорта, зависимость которых от него пока снизить не удается. Данные Росстата свидетельствуют о том, что в ряде ключевых секторов

промышленности зависимость от импорта достигает уровня 20-30%, что создает риски замедления промышленного роста и экономики России в целом. Представленная статья посвящена проблеме оценки влияния критического импорта на динамику промышленного производства в регионах России в современных условиях санкционного давления. Решение данной проблемы способствует разработке научно обоснованных рекомендаций по снижению зависимости от импортных поставок и повышению конкурентоспособности отечественных производителей. В целом название статьи соответствует ее содержанию.

В статье выделены разделы, что соответствует требованиям журнала «Национальная безопасность / *nota bene*». Статья поделена на 6 разделов: «Введение», «Обзор литературы», «Методы», «Результаты», «Обсуждение результатов исследования», «Заключение». Такое построение статьи соответствует IMRAD – ставшему классическим академическим подходом. Во «Введении» автор обосновывает значимость и актуальность выбранного направления исследования. Вместе с тем, во «Введении» следует указать также цель и задачи, объект и предмет исследования, а также научную новизну и практическую значимость. В разделе «Обзор литературы» автор описывает подходы российских и зарубежных ученых к оценке зависимости от импорта и реализации стратегий импортозамещения, показывая, что эти вопросы в целом достаточно проработаны. Тем не менее особенность, обусловленная санкционными рестрикциями, обуславливает научную актуальность проведенного исследования, поскольку ранее подобные вопросы на региональном уровне подробно не исследовались. Раздел «Методы» описывает инструменты, примененные автором. В разделе «Результаты» описаны этапы проведенного автором исследования, механизм вычислений и их реализация на примере регионов Приволжского федерального округа. Раздел «Обсуждение результатов» посвящен описанию выявленных закономерностей, например, в части идентификации критического импорта, определяющего устойчивость процессов создания добавленной стоимости в промышленных секторах экономики, а также наиболее уязвимые позиции товарных номенклатур внешнеэкономической деятельности. Вместе с тем в этом разделе целесообразно оценить соответствие полученных результатов с соответствующими исследованиями других ученых в данной предметной области. Раздел «Заключение» включает описание авторских выводов по результатам исследования. Автор подчеркивает, что «kritический импорт существенным образом определяет динамику отдельных видов промышленных производств и валового экономического роста в субъектах Приволжского федерального округа».

В исследовании использованы известные общенаучные методы: анализ, синтез, сравнение, восхождение от абстрактного к конкретному, логический метод и т.д. Среди специфических экономических методов следует отметить анализ товарных номенклатур внешнеэкономической деятельности, коэффициентный анализ, регрессионный анализ, наивные и пространственные модели прогнозирования.

Выбранная тема исследования актуальна, что обусловлено современными условиями беспрецедентного санкционного давления на Россию, необходимости импортозамещения и разработки эффективных мер адаптации промышленности к условиям санкций. Важно идентифицировать специфику критического импорта и риски, которые влечет его наличие или невозможность степени зависимости от него, в т.ч. на региональном уровне.

Практическая значимость исследования состоит в предложениях автора по совершенствованию подхода к оценке критического импорта, предусматривающего многокомпонентную систему идентификации на мезоуровне в разрезе товарных номенклатур и определение степени влияния критического импорта на устойчивость экономической динамики с применением методов анализа панельных данных. Автор

отмечает, что в рамках этого подхода «региональные модели разрабатываются с учетом особенностей системы статистического учета импортируемых товарных потоков, включенных в систему МЦП, что позволяет лучше интерпретировать экономические процессы с точки зрения зависимости процессов создания добавленной стоимости от спецификации импортируемых в регион» товаров. Полагаем, что результаты исследования могут быть интересны органам власти на региональном уровне, экспортным центрам, а также Минэкономразвития России.

Автор не сформулировал научную новизну исследования в явном виде. Тем не менее развитие методологии оценки влияния критического импорта на динамику промышленного производства на региональном уровне может рассматриваться как элемент приращения научного знания. Автору следует дополнить текст статьи формулировкой научной новизны в явном виде.

Стиль статьи является научным и соответствует требованиям журнала. Автор в статье использует средства визуализации – рукопись содержит 10 таблиц и 2 рисунка, составленных автором, что повышает уровень восприятия результатов исследования читательской аудиторией, а также свидетельствует об оригинальности предложенного подхода.

Библиография представлена 15 источниками, что не соответствует требованиям журнала. На все источники по тексту статьи имеются ссылки. В списке литературы приведены исследования отечественных и зарубежных ученых по проблемам оценки импортозависимости и критического импорта, а также импортозамещения. Обзор литературы следует дополнить апелляциями к оппонентам, а также соответствующим образом расширить раздел «Обсуждение результатов исследования».

К преимуществам статьи следует отнести следующее. Во-первых, актуальность и значимость выбранного направления исследования. Во-вторых, оригинальный авторский подход к разработке методики оценки критического импорта на региональном уровне. В-третьих, наличие практической значимости исследования. В-четвертых, активное использование средств визуализации результатов исследования – рисунков и таблиц.

К недостаткам статьи отнесем следующее. Во-первых, необходимость дополнения текста формулировкой научной новизны. Во-вторых, необходимость дополнения «Введения» целью и задачами исследования, объектом и предметом исследования. В-третьих, необходимость дополнения списка и их обзора. В-четвертых, отсутствие по тексту статьи реальных практических кейсов успешных примеров импортозамещения или, напротив, примеров высокой импортозависимости с подтверждением предложенного подхода к их оценке.

Заключение. Представленная статья посвящена проблеме оценки влияния критического импорта на динамику промышленного производства в регионах России в современных условиях санкционного давления. Статья отражает результаты авторского исследования и может вызвать интерес читательской аудитории. Статья может быть рекомендована к публикации в журнале «Национальная безопасность / *nota bene*» при устранении указанных по тексту настоящей рецензии замечаний.

Англоязычные метаданные

The evolution of the concept of central bank communication as a tool: from a threat to financial stability to an element of the economic security system

Koshkin Andrei Vyacheslavovich

Assistant Professor; Institute of Industrial Management, Economics and Trade; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

✉ koshkin_9300@mail.ru

Pen'kova Inessa Vyacheslavovna

Doctor of Economics

Associate Professor; Department of Economic Theory; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

195251, Russia, St. Petersburg, Kalininsky district, Politehnicheskaya str., 29 letter B

✉ penkova_iv@spbstu.ru

Abstract. The subject of this research is the evolution of communication policy of central banks as a key tool of monetary regulation. The work traces the fundamental transformation of the role of communication: from the historical doctrine of secrecy, where it was considered a potential threat to financial stability, through its recognition as a routine mechanism for managing inflation expectations, to its modern affirmation as a strategic element of the state's economic security system. The analysis focuses on the shift in theoretical paradigms influenced by the development of economic thought (from the theory of time-inconsistency to the theory of inflation targeting), as well as specific discursive practices and verbal interventions of central banks (using examples from the US Federal Reserve, the ECB, and the Bank of Russia) during periods of financial stability and systemic crises. The research shows how communication has transformed from an optional addition into an independent channel of the transmission mechanism, directly influencing financial sovereignty. The study employs a range of qualitative methods: historical-genetic analysis to reconstruct the evolution of the paradigm, discourse analysis of key verbal interventions, comparative analysis of practices across different jurisdictions, and an institutional approach to interpret the results. The scientific novelty of the work lies in the systematic justification of the transition of central bank communication into the category of elements of national economic security. A key conclusion is the assertion of the performative nature of modern monetary communication: in times of crisis, verbal intervention not only describes reality but actively constructs it, serving as an independent tool for stabilization and preventing a collapse of trust. The research identifies and analyzes the "transparency paradox," whereby the pursuit of maximum clarity generates risks of excessive dependence of markets on communication signals. Using the example of the Bank of Russia in 2022, the study details how the deliberate construction of narratives (the temporariness of the shock, resource adequacy, and guarantees of support) functions to preemptively suppress panic, directly relating to the goals of ensuring financial sovereignty and stability.

Keywords: Bank of Russia, transparency paradox, verbal interventions, forward guidance, inflation targeting, performative discourse, financial stability, management of expectations, economic security, Central bank communication

References (transliterated)

1. Kynaston D. The City of London. Vol. 3: Illusions of Gold, 1914–1945. London: Chatto & Windus, 1999.
2. Blinder A. S., Ehrmann M., Fratzscher M., De Haan J., Jansen D.-J. Central Bank Communication and Monetary Policy: A Survey of Theory and Evidence // Journal of Economic Literature. 2008. Vol. 46(4). Pp. 910-945.
3. Woodford M. Interest and Prices: Foundations of a Theory of Monetary Policy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.
4. Bernanke B. S. Central Bank Communication, Transparency, and Interest Rate Forecasting: A Speech at the National Association for Business Economics Washington Economic Policy Conference, Washington, D.C., March 25, 2004 // Federal Reserve System. 2004.
5. Altavilla C., Carboni G., Lenza M. The Financial and Macroeconomic Effects of the OMT Announcements: A Tale of Two Seasons // International Journal of Central Banking. 2020. Vol. 16(4). Pp. 229-264.
6. Golovnin M. Yu. Denezhno-kreditnaya politika Rossii: reaktsii na novye vneshnie vyzovy // Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk. 2023. № 1. S. 7-20. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_7_20. EDN: BOEIAH.
7. Rybakov O. E. Rol' Tsentral'nogo banka v sisteme ekonomiceskoi bezopasnosti // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. 2019. № 4-2. DOI: 10.24411/2411-0450-2019-10552. EDN: JWEWAV.
8. Merzlyakov S. A., Khabibullin R. A. Informatsionnaya politika Banka Rossii: analiz vozdeistviya press-relizov o klyuchevoi stavke na mezhhankovskuyu stavku // Voprosy ekonomiki. 2017. № 11. S. 141-151. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-11-141-151. EDN: ZSIXQJ.
9. Kuznetsova O. S., Ul'yanova S. R. Vliyanie verbal'nykh interventionsii Banka Rossii na fondovye indeksy // Zhurnal ekonomiceskoi teorii. 2016. № 4. S. 18-27. EDN: XBVSPV.
10. Kydland F. E., Prescott E. C. Rules Rather than Discretion: The Inconsistency of Optimal Plans // Journal of Political Economy. 1977. Vol. 85(3). Pp. 473-492.
11. Barro R. J., Gordon D. B. Rules, Discretion and Reputation in a Model of Monetary Policy // Journal of Monetary Economics. 1983. Vol. 12(1). Pp. 101-121.
12. Rogoff K. The Optimal Degree of Commitment to an Intermediate Monetary Target // The Quarterly Journal of Economics. 1985. Vol. 100(4). Pp. 1169-1189.
13. Svensson L. E. O. Inflation Forecast Targeting: Implementing and Monitoring Inflation Targets // European Economic Review. 1997. Vol. 41(6). Pp. 1111-1146. EDN: HHIPXJ.
14. Geraats P. M. Central Bank Transparency // The Economic Journal. 2002. Vol. 112(483). Pp. 532-565. EDN: FHKRCA.
15. Polterovich V. M. Elementy teorii reform. M.: Ekonomika, 2007. EDN: QSJZAV.

UN and African Union Peacekeeping in Sub-Saharan Africa: Lessons from the DR Congo and Other Regional Cases

Abstract. The purpose of this study is to identify challenges and prospects of UN and African Union (AU) peacekeeping activities in Sub-Saharan Africa, as well as to develop recommendations for improving their effectiveness. The research objectives include: analyzing institutional and legal foundations of UN and AU peacekeeping in the region; comparative assessment of mandates, resource provision and coordination between international and regional structures; evaluating the effectiveness of specific operations (using the Democratic Republic of Congo as a case study); and identifying systemic limitations. The study also aims to develop proposals for improving peacekeeping mechanisms considering regional specifics. The object of this research is the peacekeeping activities of the United Nations and African Union in Sub-Saharan Africa, with particular focus on institutional and political-legal mechanisms for ensuring continental security. The subject of study comprises specific peacekeeping operations in the region, especially the UN Organization Stabilization Mission in the Democratic Republic of the Congo (MONUSCO) as one of the largest and most resource-intensive missions. The author examines such aspects as coordination of international and regional conflict prevention efforts, mandate specifics, legal frameworks for operations, and participation of national actors in stabilization processes. Special attention is given to evaluating the effectiveness of existing approaches and identifying systemic problems that hinder successful peacekeeping implementation. The research employs both general scientific and specialized methods: comparative legal analysis, case study methodology, institutional approach, and elements of political-legal modeling. The methodology is based on interdisciplinary synthesis of data from international law, political science, and international relations. Key findings highlight the need to reform international and regional peacekeeping mechanisms considering the specifics of protracted conflicts in Sub-Saharan Africa. The author's particular contribution includes a comparative analysis of UN and AU mandates and the conclusion about the necessity to enhance their cooperation at both institutional and operational levels.

The study's novelty lies in its comprehensive approach to analyzing peacekeeping within the context of international security regionalization, with emphasis on African nations as active participants in peace processes. The author substantiates the importance of transitioning from reactive to preventive strategies based on sustainable development, institutional strengthening, and civil society engagement. Additional scholarly contribution includes in-depth analysis of the UN mission in DRC as an example of systemic challenges in modern peacekeeping and coordination difficulties between international and regional structures. This work contributes to both theory and practice of international relations and may be valuable for academic community in further research on international security and peacekeeping in complex conflict environments of Sub-Saharan Africa.

Keywords: conflict, regional organizations, international security, MONUSCO, UN, peacekeeping, African Union, Democratic Republic of the Congo, Africa, sustainable development

References (transliterated)

1. Sidorova G.M. Afrika yuzhnee Sakhary: dvizhenie k stabil'nosti. M.: Prospekt, 2024. 200

- s. EDN: JRWEFP.
2. Bokeriya S.A., Khudaikulova A.V. Mirovorchestvo OON v Afrike: kharakter, mashtaby i razvitiye // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2023. T. 23, № 3. S. 435-450. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-435-450. EDN: FSUGUV.
  3. Romadan L.I., Shagalov V.A. Sotrudnichestvo OON i AS po predotvrashcheniyu konfliktov, podderzhaniyu mira i mirostroitel'stviu // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2015. № 6(45). S. 174-181.
  4. Larionova M.V. Otsenka effektivnosti vzaimodeistviya mezdunarodnykh institutov v protsesse global'nogo upravleniya // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii. 2016. T. 11, № 1. S. 126-152. EDN: VRWFSB.
  5. Forti D., Singh P. Toward a More Effective UN-AU Partnership on Conflict Prevention and Crisis Management. N.Y.: International Peace Institute and Institute for Security Studies, 2019.
  6. Williams P.D., Boutellis A. Partnership peacekeeping: Challenges and opportunities in the United Nations-African Union Relationship // African Affairs. 2014. No. 113(451). P. 254-278.
  7. Kostelyanets S.V., Tkachenko A.A., Deich T.L., Ismagilova R.N. Razreshenie voenno-politicheskikh konfliktov v Afrike: rol' regional'nykh organizatsii / otv. red. S.V. Kostelyanets, A.A. Tkachenko. M.: Institut Afriki RAN, 2017. EDN: ZCTGFH.
  8. Romadan L.I., Yashenin V.S. Mirovorchestvo OON: ot istokov k sovremenosti. M.: KvantMedia, 2024. S. 126-127.
  9. de Coning C. Africa and UN Peace Operations: Implications for the Future Role of Regional Organisations // United Nations Peace Operations in a Changing Global Order / C. de Coning, M. Peter (eds). Cham: Palgrave Macmillan, 2019. P. 213-229.
  10. Bokeriya S.A. Partnerstvo OON i AS v oblasti mirovorchestva: tendentsii i problemy // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii. 2022. T. 17, № 2. S. 189-207. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-02-08. EDN: QXKYYZ.
  11. Bovdunov A.L. SOMB i MINUSKA v TsAR: effektivnost' realistskoi i liberal'noi paradigm mirovorchestva // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2023. № 3. S. 485-487. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-480-496. EDN: GYKHEP.
  12. Bulatov V. Afrikanskaya arkitektura mira i bezopasnosti // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 2017. № 3. S. 12-17. URL: http://factmil.com/publ/strana/afrika/afrikanskaja_arkhitektura_mira_i_bezopasnosti_2017/166-1-0-1142 (data obrashcheniya: 20.07.2025).
  13. Denisova T.S. Politicheskoe liderstvo v Afrike: proshloe i nastoyashchee // Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremenost'. 2015. № 6. S. 184-187. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24841976> (data obrashcheniya: 20.07.2025). EDN: UXQAWD.
  14. Sidorova G.M. Problema bezopasnosti i reformy armii Demokraticheskoi Respubliki Kongo // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2013. T. 155, kn. 3, ch. 2. S. 171-182. EDN: REEEUP.
  15. Sidorova G.M. Problema mirovorchestva v usloviyakh obostreniya konfliktov v Demokraticheskoi Respublike Kongo // Nauchnyi dialog. 2012. № 9. S. 75-90. EDN: PDDRZV.
  16. Sepeleva N.V. Global'nye problemy vooruzhennykh konfliktov v Afrike (na primere DRK) // Institut Afriki RAN. URL: https://www.inafran.ru/sites/default/files/page_file/%20Global%20problemy%20vo

- oruzhennykh%20konfliktov%20v%20Afrike.pdf (data obrashcheniya: 20.07.2025). 18 s.
17. Sidorova G.M. Kinshasa: kurs na stabil'nost' v Tsentral'nom regione Afriki // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2012. № 8. S. 54-63. EDN: TNCOER.
  18. Sidorova G.M. Podkhody Missii OON po stabilizatsii v Demokraticeskoi Respublike Kongo k krizisnomu uregulirovaniyu // Vestnik akademii voennyykh nauk. 2015. № 1(50). S. 162-165. EDN: WLSBGL.
  19. Gil'mutdinova D., Romadan L. Novye tendentsii i tekhnologii v mirotvorcheskoi deyatel'nosti Organizatsii Ob"edinennykh Natsii v XXI veke // Zhurnal Mezhdunarodnaya zhizn'. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/14852> (data obrashcheniya: 20.07.2025).
  20. Bangré H. RDC: recherche de compromis entre Joseph Kabil et la Monusco // Le Monde. 18.02.2015. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2015/02/18/rdc-recherche-de-compromis-entre-joseph-kabil-et-la-monusco_4578918_3212.html (data obrashcheniya: 20.07.2025).

Limits of Legitimacy: Personal Freedom and State Security in Political and Legal Comparison

Rotko Andrei Gennad'evich □

Master's degree; Institute of Security Problems Institute; National Research University 'Higher School of Economics'

✉ agrotko@edu.hse.ru

Abstract. The subject of the research is the political-legal nature of the legitimacy of restrictions on individual rights in the context of ensuring national security. The object of analysis is the models of normative and institutional regulation of the balance between personal freedom and state interest in the context of the transformation of threats and crises of legitimacy. The author examines the philosophical foundations of the concept of legitimacy, the typology of rights restrictions, the rhetoric of threats, and the political-legal features of China, Russia, the USA, and the European Union. The aim of the article is to identify the normative and discourse mechanisms of legitimizing restrictions on freedom in the context of security threats. The hypothesis proposes a shift in balance toward prioritizing state security with a decrease in the level of procedural accountability. The methodology is based on a synthesis of the philosophy of law, comparative legal and critical discourse analysis, allowing for the identification of the normative and value-based foundations of legitimacy models. As a result of the analysis, four models of the relationship between freedom and security are identified—from ideological control to legal accountability. It is established that a universal approach to defining permissible restrictions is impossible without considering the legal culture and rhetorical constructions of threats. The practical significance lies in the application of the results for assessing the permissibility of restrictions and developing acts in the field of digital security. The research methodology includes the philosophy of law, comparative legal analysis, and critical discourse analysis, enabling the identification of normative, institutional, and rhetorical mechanisms for legitimizing restrictions on individual rights in various political-legal systems. The novelty of the research lies in the comprehensive philosophical-legal and comparative legal analysis of the legitimacy of restrictions on individual rights in the face of the transformation of the political-legal order and the rise of exceptional regimes. Unlike existing works, the author combines normative, institutional, and discursive approaches, which enables a revelation of the deep differences in legitimacy models between authoritarian and liberal jurisdictions. A significant contribution of the author is the development of a typology

of legitimacy models (PRC, RF, USA, EU) and the identification of the relationship between the level of institutional accountability and the permissibility of restrictions. The main conclusions of the conducted study are: the impossibility of universalizing the balance between freedom and security; the existence of stable discursive mechanisms for normalizing exception; and the need to rethink the concepts of "threat" and "legitimacy" within the framework of legal analysis.

Keywords: Comparative analysis, Political and legal discourse, State of exception, Sovereignty, Restriction of rights, Personal freedoms, National security, Legitimacy, Legal culture, Philosophy of law

References (transliterated)

1. Gobbs T. Leviathan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo / per. s angl. V. N. Sadovskogo. M.: Mysl', 2001. 512 s.
2. Lokk Dzh. Dva traktata o pravlenii / per. s angl. V. N. Gubskogo. M.: Mysl', 1988. 447 s.
3. Shmitt K. Politicheskaya teologiya. Chetyre glavy o ponyatii suvereniteta / per. s nem. V. V. Bibikhina. M.: Kanon+, 2005. 176 s.
4. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tyur'my / per. s fr. N. A. Shmatko. M.: AST, 1999. 424 s.
5. Agamben Dzh. Homo Sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn' / per. s it. S. Zenkina. M.: Evropa, 2011. 264 s.
6. Khabermas Yu. Mezhdu faktami i normami: vklad v diskussiyu o prave i demokratii / per. s nem. V. N. Polikarpova. SPb.: Nauka, 2001. 528 s.
7. Dworkin R. Taking Rights Seriously. London: Duckworth, 1977. 384 p.
8. Dyzenhaus D. The Constitution of Law: Legality in a Time of Emergency. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 336 p.
9. van Dijk T. A. Discourse and Power. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 256 p.
10. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. London: Longman, 2010. 265 p.
11. Neocleous M. Critique of Security. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008. 192 p.
12. Fraser N. Justice Interruptus: Critical Reflections on the "Postsocialist" Condition. New York: Routledge, 1997. 216 p.
13. Glennon M. National Security and Double Government. Oxford: Oxford University Press, 2014. 272 p.
14. Honig B. Emergency Politics: Paradox, Law, Democracy. Princeton: Princeton University Press, 2009. 240 p.
15. Bartelson J. The Critique of the State. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 260 p.
16. Smirnova N. I. Prava cheloveka i bezopasnost': normativnye osnovaniya ograniceniya v usloviyakh ugroz // Gosudarstvo i pravo. 2022. № 5. S. 63–76.
17. Ivanov V. P. Suverenitet i prava lichnosti v sovremenном gosudarstve // Pravo i politika. 2021. № 12. S. 14–27.
18. Human Rights Watch. World Report 2020: Events of 2019. New York: Seven Stories Press, 2020. 704 p.
19. Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971. 607 p.

20. Nozick R. Anarchy, State, and Utopia. New York: Basic Books, 1974. 384 p.
21. Berlin I. Two Concepts of Liberty. Oxford: Oxford University Press, 1958. 96 p.
22. Bigo D. Security and Immigration: Toward a Critique of the Governmentality of Unease // Alternatives. 2002. Vol. 27(1). P. 63–92. EDN: EHPKAB
23. Amnesty International. Annual Report 2020/2021. London: Amnesty International Publications, 2021. 408 p.
24. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998.
25. Wæver O. Securitization and Desecuritization // In: On Security / Ed. by R. D. Lipschutz. New York: Columbia University Press, 1995. P. 46–86.
26. Lutz J. M., Ulmschneider G. W. Civil liberties, national security and U.S. courts in times of terrorism // Perspectives on Terrorism. 2019. Vol. 13(3). P. 35–47.
27. Montasari R. Artificial Intelligence and National Security. Cham: Springer, 2022. 236 p. DOI: 10.1007/978-3-031-06709-9.
28. Lowe D. Surveillance and international terrorism intelligence exchange: Balancing the interests of national security and individual liberty // Terrorism and Political Violence. 2016. Vol. 28(4). P. 653–673. DOI: 10.1080/09546553.2014.918880.
29. Rotko A.G. Institutsionalizatsiya negosudarstvennoi sistemy obespecheniya obshchestvennoi bezopasnosti v kontekste sovremennykh vyzovov natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. 2025. № 3. S. 1–10. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.3.74732 EDN: ZOXOOS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74732

The language of law as a resource for Russia's national security: the concept of legal linguistic convergence.

Asadov Ramu Beyukhanovich

Senior Lecturer; Law Institute; Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov Vladimir State University
Editor-in-Chief; Dialog (www.npzhdialog.ru)

87 Gorky Street, Vladimir, Vladimir Region, 600026, Russia

 asadov@npzhdialog.ru

Abstract. The subject of the study in the article is legal linguistic convergence as a specific area of interaction between the language of law and national security in Russia. It analyzes how the quality of legal language, its clarity, and terminological consistency affect the state of linguistic and economic security, trust in state institutions, and the perception of key political and legal decisions in society. The focus is on the normative constructions used in language policy, education regulation, the information sphere, and the sanctions agenda. Particular attention is given to how legal definitions relate to real communicative practices and can be viewed as a resource for strengthening national security, rather than merely as a technical tool for describing norms. Additionally, the subject of the research encompasses institutional mechanisms for ensuring legal linguistic convergence. The study is based on a combination of formal-legal and comparative-legal methods with a legal linguistic analysis of the language of law; it uses elements of doctrinal analysis, interpretation of normative acts, and examination of texts reflecting sanctions and language policy. The scientific novelty of the research lies in the conceptualization of legal linguistic convergence as an independent factor of national security in Russia and its differentiation from the category of linguistic security. The article proposes an author's understanding of legal linguistic convergence as a process of

aligning legal language with real communicative practices in the areas of language policy, education, information agenda, and sanctions policy. It is shown that the consistency of terminology, uniformity of key definitions, and consideration of the public's perception of legal formulations directly impact the stability of law enforcement, trust in state institutions, and the effectiveness of measures to ensure economic security. An additional novelty is the proposal of criteria for assessing the degree of such convergence, allowing for the identification of areas of increased risk in the linguistic and economic-legal spheres. It is justified that legal linguistic convergence should be regarded as a structural element of the national security system.

Keywords: linguistic expertise, economic security, sanctions policy, state language, language policy, jurilinguistic convergence, linguistic security, language of law, national security, legal regulation

References (transliterated)

1. Odinokova E. Yu., Zorina E. A. Ponyatie natsional'noi bezopasnosti i pravovye mery po ee obespecheniyu // Sotsiologiya i pravo. 2019. № 4. S. 72-78. DOI: 10.35854/2219-6242-2019-4-72-78. EDN: YJTJOL
2. Kostyuk M. E. Osobennosti gosudarstvennoi yazykovoi politiki kak strategicheskii aspekt natsional'noi bezopasnosti Rossii // Sotsiologiya vlasti. 2009. № 3. S. 126-130.
3. Gritsenko E. S. Yazyk i bezopasnost' v kontekste globalizatsii // Vlast'. 2011. № 11. S. 9-11. EDN: OJLQNL
4. Gritsko M. I. Lingvisticheskaya bezopasnost' – odin iz faktorov bezopasnosti mnogonatsional'noi Rossii // Idei i idealy. 2011. T. 1. № 3. S. 63-78. EDN: OIKPHF
5. Trofimova G. N. Lingvisticheskaya bezopasnost': k probleme tolkovaniya // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya. 2012. № 1. S. 24-29. EDN: OOOOBH
6. Yastrebova O. I., Gartsueva O. A. Lingvisticheskaya bezopasnost' kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen // Nauka. Obrazovanie. Sovremennost'. 2024. № 2. S. 40-44. DOI: 10.24412/2658-7335-2024-2-21. EDN: GPBTYE
7. Asadov R. B. Pravo i yazyk: aksiologicheskie i kognitivnye izmereniya yurislingvisticheskoi konvergentsii // Pravo i politika. 2025. № 8. S. 1-18.
8. Vasil'eva Ya. V. Pravovoe obespechenie natsional'noi ekonomicheskoi bezopasnosti v usloviyakh bespretsedentnogo sanktsionnogo davleniya // Yuridicheskie issledovaniya. 2024. № 1. S. 61-72.
9. Odinokova E. Yu., Zorina E. A. Ponyatie natsional'noi bezopasnosti i pravovye mery po ee obespecheniyu // Sotsiologiya i pravo. 2019. № 4. S. 72-78. DOI: 10.35854/2219-6242-2019-4-72-78. EDN: YJTJOL
10. Zhigalev B. A., Ustinkin S. V. Lingvisticheskaya bezopasnost' kak faktor obespecheniya ustoichivogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii // Vlast'. 2015. № 10. S. 32-41. EDN: UMYEHR
11. Mukharyamov N. M. Motivy bezopasnosti cheloveka v diskursakh o yazykovoi politike // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. 2010. № 4. S. 36-40. EDN: MXSLIH
12. Khatmullina Yu. A., Chekmarev A. A. Obespechenie lingvisticheskoi bezopasnosti russkogo yazyka kak yazyka mezhnatsional'nogo obshcheniya // Natsional'nye prioritety Rossii. 2018. № 2. S. 56-58. EDN: XTDMSL
13. Kamenskaya E. V. Yazykovaya politika v Rossiiskoi Federatsii: pravovoe regulirovanie,

- sostoyanie, problemy // *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 2025. № 1. S. 74-84.
DOI: 10.24412/1608-8794-2025-1-74-84. EDN: VODAWR
14. Koryakin K. D. *Yazykovaya politika v Rossiiskoi Federatsii: konstitutsionno-pravovoe regulirovanie i praktika* // *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2019. № 3. S. 7-12. EDN: VWGAYQ
15. Savchenko I. A., Ustinkin S. V. *Yazykovaya politika i lingvisticheskaya bezopasnost'* // *Vlast'*. 2020. T. 28. № 6. S. 286-291. DOI: 10.31171/vlast.v28i6.7797. EDN: OKFKWB
16. Rozhina E. Yu., Selivanova I. V. *Lingvisticheskoe soprovozhdenie protsessa vvedeniya sanktsii protiv Rossii i ikh vliyaniya na ekonomiku Rossii i stran Evrosoyuza (na materiale angliiskikh i nemetskikh SMI)* // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2016. № 12-3. Ch. 3. S. 152-156. EDN: YHUDLJ
17. Krivoruchko I. S., Baste Z. Yu. *Tsennostnye orientiry angloyazychnogo sanktsionnogo diskursa cherez prizmu novykh yazykovykh edinits* // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. T. 17. № 7. S. 2348-2353.
18. Guan' Ts. *Leksiko-semanticeskoe pole «Sanktsiya» v russkoj politicheskoi sfere* // *Litera*. 2022. № 11. S. 137-151. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.11.37500 EDN: QTICKL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37500
19. Yagunova N. A. *Spetsifikasi obespecheniya ekonomiceskoi bezopasnosti Rossii v usloviyakh sanktsionnogo davleniya* // *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2024. № 5. S. 57-65. DOI: 10.22394/1726-1139-2024-5-57-65. EDN: UCXDUH
20. Asadov R. B. *Pravovaya terminologiya i kul'turnyi kod: perspektivy yurislingvisticheskoi divergentsii v rossiiskom zakonodatel'stve* // *Pravo i politika*. 2025. № 6. S. 106-120.

Forecasting the prospects of industrial development in regions under the conditions of sanctions limiting imports

Eshin Leonid Alekseevich

Doctor of Economics

Director of the Center for Advanced Economic Research of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Senior Researcher at the Center for Strategic Assessments and Forecasts, Head of the Department of World and Regional Economics at Kazan (Volga Region) Federal University, Professor at the Department of Economics at the University of Management TISBI

23/1 Ostrovsky str., Kazan, 420139, Russia, Republic of Tatarstan

 Leonid.Eshin@tatar.ru

Abdrahmanova Dilyara Rasimovna

PhD in Economics

Associate Professor; Department of Economics and Management in Sports; Volga State University of Physical Culture; Sports and Tourism

420010, Russian Federation, Republic of Tatarstan, Kazan, territory of Universiade Village, building 35

 diliararasimovna@gmail.com

Dinmuhametova Aliya Aidarovna

Doctor of Economics

Senior Researcher; Center for Strategic Assessments and Forecasts; Kazan (Volga Region) Federal University

420111, Russia, Rep. Tatarstan, Kazan, Vakhitovsky district, Karl Marx St., 23/6, room 1004

 Aliya.Abdukaeva@tatar.ru

Gatin Airat Damirovich

PhD in Economics

Independent researcher

✉ C.p@tatar.ru

Abstract. The subject of the research is economic relations concerning the intensification of industrial economic growth in the region based on an empirical assessment of import vulnerability and the stimulation of import substitution processes in priority areas of industrial production. The object of the study consists of the entities of the Russian Volga Federal District. The authors examine in detail issues related to developing methodological approaches for identifying critically significant commodities imported from abroad into the regions of Russia and constructing models that determine the extent of their influence on regional industrial development processes under sanctions pressure. Particular attention is paid to constructing scenarios for limiting the supply of critically significant goods from abroad in the context of sanctions and developing prospects for economic growth in the regions of the Volga Federal District based on this analysis. The methodological basis consists of tools for statistical data analysis, grouping, and systematization, including the use of econometric research methods and panel data analysis. The main results of the study are the identification of critically significant commodity nomenclatures of foreign economic activity (FEA) for the industries of the Volga Federal District, which pose the primary threats to sustainable economic development. The established registry of critical imports for the entities of the Volga Federal District by FEA allowed, relying on data scenario analysis methods and econometric modeling, to determine possible trajectories for industrial development in these entities. Based on the obtained model patterns of the influence of identified critical imports on the volumes of industrial development in the regions of the Volga Federal District, prognostic estimates of the economic growth dynamics of the studied regional group were achieved. The novelty of the research lies in the developed methodological tools that substantiate the hypothesis put forward in the study that "considering spatial (unmeasurable, individual differences) effects contributes to increasing the predictive efficiency of econometric models of regional economic development." The proposed tools not only define the features and directions of forecasting methods for the development of mesoeconomic systems but also establish a foundation for the development of regional economic theory as a whole.

Keywords: analysis panel data analysis, sanctions pressure, international supply chains, sustainability of economic dynamics, regional economic systems, industrial development, critical import, import substitution, macroeconomic relationships, import dependence

References (transliterated)

1. Andreeva E. L., Ratner A. V. Eksportnaya orientatsiya kak indikator preodoleniya importozavisimosti na rossiiskom rynke produktsii mashinostroeniya // Rossiiskii vnesheekonomichevskii vestnik. 2022. № 5. S. 46-57. DOI: 10.24412/2072-8042-2022-5-46-57. EDN: BJEUQB.
2. Marakova N. I., Dodonova S. V. Metodicheskie aspeki analiza importozavisimosti i vyyavlenie napravlenii povysheniya kachestva raboty predpriyatiya (na primere OOO "TRIER") // Innovatsii i investitsii. 2022. № 5. S. 36-42. EDN: KWGVBP.
3. Li H., Qing Q., Wang J., Hong X. An analysis of technology licensing and parallel importation under different market structures // European Journal of Operational Research. 2021. № 289 (1). P. 132-143. DOI: 10.1016/j.ejor.2020.07.008. EDN: ZOSWDM.

4. Mo J., Qiu L. D., Zhang H., Dong X. What you import matters for productivity growth: Experience from Chinese manufacturing firms // Journal of Development Economics. 2021. № 152. S. 10-26. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2021.102677. EDN: WFMGNG.
5. Christopher E. S. ISI and new industrial conditions in Latin America // Applied Econometrics and International Development. 2012. T. 12, vyp. 2. S. 19-40.
6. Belousova A. V. Gosudarstvennaya politika importozameshcheniya: otsenka regional'nykh effektov (na primere Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga) // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. 2020. № 11(121). S. 66-73. DOI: 10.26726/1812-7096-2020-11-66-73. EDN: TWDJOK.
7. Krivenko N. V., Epaneshnikova D. S. Importozameshchenie kak instrument stabilizatsii sotsial'no-ekonomiceskogo razvitiya regionov // Ekonomika regiona. 2020. T. 16, vyp. 3. S. 765-778. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-3-7. EDN: XYDDZU.
8. Polyakova V. V., Pochekutov M. P., Sumbatyan S. L., Revzon O. A. Tselenapravlennoe finansirovaniye importozameshcheniya v tekhnologicheskem obnovlenii rossiiskoi promyshlennosti // Finansovaya ekonomika. 2024. № 6. S. 68-70. EDN: FPUMFU.
9. Khrushchev V. I. Importozameshchenie v Rossii: regional'nye razlichiya, klyuchevye pokazateli // Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya. 2025. T. 16, № 1(154). S. 98-107. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.01.16.010. EDN: VETLOG.
10. Agamagomedova S.A. Ischerpanie prav i parallel'nyi import: pravovaya otsenka s tochki zreniya bezopasnosti // Voprosy bezopasnosti. 2024. № 2. S. 42-50. DOI: 10.25136/2409-7543.2024.2.71024 EDN: FBZJYT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71024
11. Connolly R., Hanson Ph. Import Substitution and Economic Sovereignty in Russia. Chatham House, 2016. 24 p.
12. Poza De La, Preface E. Global Challenges of Digital Transformation of Markets. New York: Nova Science Publishers, Inc., 2022. S. xi.
13. Aspromourgos T. The life of William Petty in relation to his economics // History of Political Economy. 1988. № 20. S. 337-356. EDN: HIDQCN.
14. Safiullin M. R., Burganov R. T., El'shin L. A., Mingulov A. M. Otsenka perspektiv ekonomiceskogo rosta regionov Rossii v usloviyakh sanktsionnykh ogranicenii importa // Ekonomika regiona. 2023. T. 19, № 4. S. 1003-1017. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-4-5. EDN: AVKSQG.
15. Bali M., Rapelanoro N. How to simulate international economic sanctions: A multipurpose index modelling illustrated with EU sanctions against Russia // International Economics. 2021. № 168. S. 25-39. DOI: 10.1016/j.inteco.2021.06.004. EDN: EBOOAW.